Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

ОТЪ ВОЙНЫ КЪ РЕВОЛЮЦІИ

Дневникъ 1914—1917.

К-во „ОГНИ“.
ПЕТРОГРАДЪ
1917.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

НЕВОЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

1914—1916

ПЕТРОГРАДЪ
К-во „ОГНИ"
1917

Типографія „Научное Дѣло". Петроградъ, Загородный пр. 74.

НЕ СВЯТАЯ РУСЬ

(РЕЛИГІЯ ГОРЬКАГО)

I.

Куда идетъ Россія? Великіе русскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ,—какъ бы вѣчныя вѣхи указываютъ путь Россіи.

Послѣдняя вѣха—Толстой. За нимъ—никого, какъ-будто кончились пути Россіи. За Толстымъ никого — или Горькій.

По сравненію съ тѣми, великими, Горькій малъ. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предѣла и конца. Великимъ кажется прошлое, малымъ—будущее. Вотъ почему Горькій и тѣ, великіе,—младенецъ и взрослые, ростокъ, изъ-подъ земли едва пробившійся, и дремучіе, древніе дубы. Но они кончаютъ, а онъ начинаетъ. Они—настоящее и прошлое, а онъ — будущее. Откуда идетъ Россія, можно судить по нимъ, а куда,—по Горькому.

Сознаніе, идущее къ стихіи народной, воплотилось въ тѣхъ, великихъ. Обратное движеніе—народная стихія, идущая къ сознанію, воплотилась въ Горькомъ.

Сознаніе надъ стихіею властвуетъ. Народъ, идущій къ сознанію, есть народъ, идущій къ власти. Возникающее сознаніе народа—возникающая власть народа — „народовластіе", „демократія". Горькій есть первый и единственный сейчасъ представитель возникающей русской демократіи.

Лица тѣхъ великихъ—геніально личныя, неповторяемыя; такихъ лицъ никогда еще не было и никогда уже не будетъ. У Горькаго какъ бы вовсе нѣтъ лица; лицо какъ у всѣхъ, собирательное, множественное, всенародное. Но правда единственныхъ, правда личностей („аристократія" въ

высшемъ смыслѣ) уже совершилась, достигнута; а правда всѣхъ, правда множества („демократія“ тоже въ высшемъ смыслѣ) еще только совершается, достигается. Послѣднее, величайшее явленіе личности—въ тѣхъ великихъ; первое, самое малое явленіе всенародности—въ Горькомъ.

Насъ пугаетъ безличность множества. Но, вѣдь, всякій зародышъ безличенъ, всякое сѣмя безъ-образно, а между тѣмъ таитъ въ себѣ возможность новаго прекраснѣйшаго образа, новой совершеннѣйшей личности. Если сѣмя не умретъ, то не оживетъ: надо умереть одному, чтобы ожить всѣмъ; надо умереть личности, чтобы ожить множеству.

Тѣ великіе слишкомъ сложны; потому-то и стремятся такъ жадно къ простотѣ, къ всенародной или только простонародной стихійности. Горькій слишкомъ простъ; потому-то и стремится такъ жадно къ сознательной или только полусознательной сложности.

Какъ явленіе художественнаго творчества, Толстой и Достоевскій неизмѣримо значительнѣе Горькаго. О нихъ можно судить по тому, что они говорятъ; о Горькомъ—нельзя: важнѣе всего, что онъ говоритъ, то что онъ есть. Самая возможность такого явленія, какъ онъ, какъ *они*—потому что онъ—многіе, или будетъ многими, самая возможность эта, въ смыслѣ жизненномъ, не менѣе значительна, чѣмъ все художественное творчество Толстого и Достоевскаго.

Въ этомъ же смыслѣ жизненномъ, онъ, «малый»,—не меньшее знаменіе времени, чѣмъ тѣ великіе. И, можетъ быть, сейчасъ не въ нихъ, а въ него надо вглядѣться, чтобы понять наше время, отвѣтить на вопросъ, куда идетъ Россія.

II.

Нѣсколько лѣтъ назадъ предсказывали «конецъ Горькаго». Въ предсказаніи была правда и ложь. Какъ пророкъ «сверхчеловѣческаго босячества», Горькій, дѣйствительно, кончился. Но кончился одинъ Горькій—начался другой.

Страшное испытаніе огнемъ—ложною славою—выдержалъ онъ, какъ немногіе. Вознесенный на высоту, упалъ съ нея, но не разбился. Сдѣлалъ, хотя-бы безсознательно, то, что способны дѣлать только самые сильные русскіе люди—«сжегъ все, чему поклонялся,—поклонился всему-что сжигалъ». Вѣдь, именно то, что онъ утверждалъ нѣкогда, какъ послѣднюю правду—«Человѣкъ—это гордо»—человѣкъ противъ человѣчества, одинъ противъ всѣхъ,—онъ теперь отрицаетъ, какъ послѣднюю ложь. Самого себя отрицаетъ, преодолѣваетъ. Преодолѣетъ ли? Но уже одно то, что преодолѣваетъ,—знакъ] силы. Чтобы такъ одному человѣку пережить двѣ жизни, кончиться и снова начаться, нужна большая сила. Теперь уже никакія испытанія огнемъ не страшны ему: въ огонь вошло желѣзо, вышла—сталь,

Чужое лицо истлѣло на немъ—пышная маска «сверхчеловѣка», «избраннаго», «единственнаго», и обнажилось свое простое лицо, лицо всѣхъ, лицо всенародное.

Стихія разлагается неполнымъ сознаніемъ—полусознаніемъ. Человѣкъ изъ народа, дѣлаясь полусознательнымъ, «полуинтеллигентнымъ», измѣняетъ своей народной стихіи. Такъ измѣнилъ ей Горькій, тотъ первый, чей «конецъ» уже наступилъ. А этотъ второй, „начинающійся", къ ней возвращается или хочетъ вернуться. Но нельзя вернуться къ стихіи, не пройдя черезъ полноту сознанія, а эта полнота не можетъ не быть религіозною, ибо религія и есть абсолютный предѣлъ, исполненіе, завершеніе сознанія, абсолютное соединеніе всѣхъ частей сознанія въ единое цѣлое. Вотъ почему Горькій ищетъ религіознаго сознанія—можетъ быть, пока еще безсознательно. (Какъ это ни странно—искать сознанія безсознательно,—это часто бываетъ съ такими людьми полусознательными).

А что это именно такъ, что нѣтъ для Горькаго иныхъ путей къ народной стихіи, какъ черезъ сознаніе религіозное,—видно по его послѣдней книгѣ—„Дѣтству".

Не только въ смыслѣ художественномъ это—одна изъ лучшихъ, одна изъ вѣчныхъ русскихъ книгъ (не потому

ли такъ *мало* сейчасъ оцѣненная, что слишкомъ вѣчная?), но и въ смыслѣ религіозномъ—одна изъ самыхъ значительныхъ. На вопросъ, какъ ищутъ Бога простые русскіе люди, „Дѣтство" Горькаго отвѣчаетъ, какъ ни одна изъ русскихъ книгъ, не исключая Толстого и Достоевскаго.

Толстымъ и Достоевскимъ наше религіозное сознаніе переполнено; никуда намъ не уйти отъ „нихъ. Но вотъ Горькій ушелъ. Онъ, первый и единственный, заговорилъ о религіозной жизни народа помимо Толстого и Достоевскаго и даже противъ нихъ. У Горькаго все въ этой области новое, неожиданное, непредвидѣнное, неиспытанное—цѣлый религіозный материкъ невѣдомый.

Неужели человѣкъ, самъ чуждый религіи могъ бы это сдѣлать? Неужели только случайность, что наиболѣе правдивое, сильное, вѣчное изъ всего, что написано Горькимъ,—наиболѣе религіозное?

Въ своемъ интеллигентскомъ сознаніи или полусознаніи онъ отрицаетъ религію. Но между интеллигентскимъ сознаніемъ его и его народною сущностью—противорѣчіе неразрѣшимое. Тутъ-то именно, въ религіи, онъ и отрицаетъ, преодолѣваетъ себя съ наибольшею силою, съ наибольшею мукою. Тутъ вопросъ—быть или не быть Горькому истиннымъ пророкомъ того, къ чему Россія идетъ,—народнаго сознанія, народной власти — „народовластія", „демократіи" въ подлинномъ, религіозномъ смыслѣ этого слова.

„Не надо религіи, Бога не надо",—говоритъ интеллигентское сознаніе Горькаго, а вотъ что говоритъ его народная сущность:

„Въ тѣ дни (дѣтства) мысли и чувства о Богѣ были главною пищей моей души... Богъ былъ самымъ лучшимъ и свѣтлымъ изъ всего, что окружало меня".

Такъ *было въ дѣтствѣ, въ началѣ жизни*. Когда кругъ замыкается, то начало его сходится съ концомъ. Богомъ все началось у Горькаго—не Богомъ ли и кончится?

Богъ его—„бабушкинъ Богъ". Бабушка маленькаго

героя „Дѣтства“, Алеши Пѣшкова (Горькій не скрываетъ, что Алеша—онъ самъ)—духовная мать его: она родила его, создала, „вывела на свѣтъ“—хранила, спасала въ дѣтствѣ, а можетъ быть, и донынѣ спасаетъ и будетъ спасать до конца.

„До нея какъ-будто спалъ я, спрятанный въ темнотѣ, но явилась она, разбудила, вывела на свѣтъ... и сразу стала *на всю жизнь* другомъ самымъ близкимъ сердцу моему“. На всю жизнь—на вѣки вѣковъ. Если это такъ, если бабушка, то и „бабушкинъ Богъ“—самое лучшее и свѣтлое въ дѣтствѣ, въ началѣ жизни—тоже на всю жизнь, на вѣки вѣковъ.

Бабушка вся, до послѣдней морщинки,—лицо живое, реальное; но это—не только реальное лицо, а также символъ, и, можетъ быть, во всей русской литературѣ, не исключая опять-таки Толстого и Достоевскаго, нѣтъ символа болѣе вѣщаго, образа болѣе синтетическаго, соединяющаго.

Бабушка—сама Россія въ ея глубочайшей народной религіозной сущности. Отречься отъ Бабушки, значитъ отречься отъ самой Россіи. Этого Горькій не сдѣлаетъ и, если-бы даже хотѣлъ, то не могъ бы это сдѣлать. Сколько бы ни отрекался отъ религіи, какими-бы безбожными словами ни говорилъ о ней, какъ бы ни былъ религіозно-безсознателенъ, или, хуже того, полусознателенъ, онъ все-таки не отречется отъ своей народной „крестьянской“—„христіанской“ сущности. И если Бабушка во-истину—Россія, то все, что говоритъ онъ о себѣ и о ней,—больше, чѣмъ разсказъ о своей жизни, и даже больше, чѣмъ исповѣдь,—это проповѣдь, пророчество о томъ, куда идетъ Россія.

„Ея безкорыстная *любовь къ міру* обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни“.

„Любовь къ міру“—религія Бабушки—религія Горькаго. Какая же это религія? Христіанская? Но, вѣдь, христіане—люди не отъ міра сего: „не любите міра, ни того, что въ

мірѣ; любовь къ міру—вражда Богу“. А Бабушка любитъ міръ и Бога вмѣстѣ. Для христіанъ „небесное“ значитъ „неземное“; любить небо—ненавидѣть землю. А Бабушка любитъ землю и небо вмѣстѣ. Да и какъ ей не любить земли, когда она сама земля?

— „Хороша у тебя бабушка,—о, какая земля“!—говоритъ о ней кто-то.

— „Ты настоящая мнѣ мать, какъ земля“,—говоритъ ей самой кто-то.

Алеша Пѣшковъ слышалъ эти слова, и Горькій запомнилъ ихъ „на всю жизнь“, на вѣки вѣковъ. Вѣдь, именно „любовь къ землѣ“, тайна земли и соединила его съ Бабушкой, съ ея народною сущностью, ибо тайна народа—тайна земли.

Если Христосъ равенъ христіанству, если въ христіанствѣ все кончено, сказано, сдѣлано—есть то что есть и больше ничего не будетъ, то религія Бабушки—не христіанская и не Христова. Тогда правъ дѣдушка, изъ православныхъ православнѣйшій:

— „Ты ей, старой дурѣ, не вѣрь. Она смолоду глупа, она безграмотна и безумна“.

Но если Христосъ больше, чѣмъ христіанство; если въ христіанствѣ не только есть то что есть, но что-то будетъ еще, то религія Бабушки—можетъ быть, и не христіанская, но Христова воистину.

Бабушка—не святая, а грѣшная, „окаянная“. Любитъ плясать, пѣть, нюхаетъ табакъ, пьетъ вино. И выпивши, „становится еще лучше“.

— „Господи, Господи! Какъ хорошо все! Нѣтъ, вы глядите, какъ хорошо-то все“!—говоритъ пьяная, точно молится.

Вообще не умѣетъ молиться, какъ слѣдуетъ.

— „Сколько я тебя, дубовая голова, училъ, какъ надобно молиться, а ты все свое бормочешь, еретица... чуваша проклятая!“

Бормочетъ свое—не церковное, не православное и, мо-

жетъ быть, даже не христіанское—такое вольное, странное, ни на что непохожее, что православному дѣдушкѣ молитвы эти кажутся кощунствами. Говоритъ съ Богомъ „внушительно", то какъ-будто „совѣтуетъ" Ему, то какъ-будто „ворчитъ" на Него—бунтуетъ, богоборствуетъ:— „Господи, али не хватило у Тебя разума добраго на меня, на дѣтей моихъ?.." То жалѣетъ Бога—„такого милаго друга всему живому"—всеблагого, но не всемогущаго и не всевѣдущаго: „Кабы все-то зналъ, такъ бы многаго, поди, люди-то не дѣлали бы! Онъ, чай, Батюшка, глядитъ-глядитъ съ небеси-то на землю, на всѣхъ насъ, да въ иную минуту, какъ восплачетъ да возрыдаетъ: „Люди вы Мои, люди, милые Мои люди! Охъ, какъ Мнѣ васъ жалко!" Этотъ плачущій Богъ—„безуміе", „безграмотность". А развѣ Агнецъ, закланный отъ начала міра,—тоже не безуміе? Только то—привычное, старое, а это—новое, необычайное.

Бабушка не умѣетъ молиться, какъ слѣдуетъ, Богу Отцу и Сыну Божьему; но на языкѣ человѣческомъ нѣтъ молитвъ прекраснѣйшихъ, чѣмъ ея акаѳисты Божьей Матери.

— „Радость неизбывная... яблоня во цвѣту... сердечушко мое чистое, небесное... солнышко золотое..."

Нѣтъ, этого нельзя повторить,—надо самому услышать. И всего удивительнѣе, что услышалъ это неслыханное, затаеннѣйшее въ сердцѣ народа, въ сердцѣ земли, не христіанинъ Толстой, не православный Достоевскій, а „безбожный" Горькій.

Что такое „Матерь Божья", бабушка сама не знаетъ. Если бы спросить ее объ этомъ, то она указала бы на икону Казанской, Тихвинской, Ѳеодоровской или иной помѣстной Матушки. Такъ—въ ея сознаніи, но не такъ—въ ея безсознательномъ религіозномъ „вѣдѣніи", „гнозисѣ".

— „Ты настоящая мнѣ мать, какъ земля",—могла бы она сказать Божьей Матери, такъ же какъ ей самой говоритъ кто-то. Или какъ у Достоевскаго (въ „Бѣсахъ") гово-

ритъ одна прозорливая: „Матерь Божья есть великая мать сыра земля“. Тайна Матери—тайна Земли.

Въ догматической христіанской Троицѣ—Отецъ, Сынъ и Духъ; а въ этой бабушкиной, какъ-будто не христіанской, „еретической“—Отецъ, Сынъ и Мать. Неоткрытый, неисповѣданный, неисполненный ликъ Духа—въ ликѣ Земли-Матери.

Отецъ—въ Первомъ Завѣтѣ, Сынъ—во Второмъ; не въ послѣднемъ ли, Третьемъ—Духъ? Явленіе Духа—Святая Плоть, Святая Земля, Вѣчное Материнство, Вѣчная Женственность. Если откровеніе Отца—любовь къ міру (земное, природное, космическое — въ дохристіанскихъ религіяхъ); если откровеніе Сына—любовь къ Богу (неземное, антикосмическое, „не отъ міра сего“—въ христіанствѣ),— то откровеніе Духа—любовь къ землѣ и къ небу, любовь къ міру и къ Богу вмѣстѣ. А, вѣдь, это и есть религія Бабушки. Вотъ къ чему она прикасается, „старая дура, безумная, безграмотная“.

Лермонтовъ, Тютчевъ, Некрасовъ, Вл. Соловьевъ, Достоевскій и тѣ, кто идетъ за ними—русскіе люди высшаго религіознаго сознанія — прикасались къ тому же. — „Это страшно вѣрное, страшно русское“, — говоритъ кто-то о бабушкиной религіи.

Тутъ высота сходится съ глубиною — высота русскаго религіознаго сознанія—съ глубиною русской религіозной стихіи. И опять всего удивительнѣе, что это схожденіе увидѣлъ,—хотя бы слѣпо увидѣлъ, только нащупалъ,—не христіанинъ Толстой, не православный Достоевскій, а „безбожный“ Горькій.

Русскихъ интеллигентныхъ „богоискателей“ ненавидитъ онъ и презираетъ, а самъ приближается къ нимъ, какъ никто; открываетъ въ своей народной стихіи то же, что они открыли въ своемъ интеллигентскомъ сознаніи. На разныхъ языкахъ говорятъ объ одномъ.

III.

Бабушка—Россія, но не вся, потому-что у Россіи—„двѣ души,“ по вѣщему слову Горькаго, можетъ быть, изъ всѣхъ его словъ самому вѣщему. Одна душа Россіи—Бабушка, другая—Дѣдушка.

Бабушка прекрасна, дѣдушка уродливъ. У бабушки—добрый Богъ—„такой милый другъ всему живому“; у дѣдушки—злой. Если бабушкинъ Богъ — настоящій, то дѣдушкинъ—не Богъ, а дьяволъ.

Такъ или почти такъ для Алеши Пѣшкова, но не такъ или не совсѣмъ такъ для Горькаго. Онъ уже знаетъ, что не вся правда у Бабушки, что есть и у Дѣдушки своя правда, такая же вѣчная, „страшно-вѣрная, страшно русская“.

Не всегда былъ и дѣдушка злымъ уродомъ.

— „Онъ, вѣдь, раньше-то больно хорошимъ былъ, да какъ выдумалъ, что нѣтъ его умнѣе, съ той поры и озлился и глупымъ сталъ“.

Былъ хорошимъ, — можетъ быть, и будетъ. Можетъ быть, не только по своей винѣ, но отчасти и по винѣ самой бабушки озлился и оглупѣлъ.

— „Меня дѣдушка однова билъ на первый день Пасхи отъ обѣдни до вечера. Побьетъ—устанетъ, а отдохнувъ—опять. И возжами и всяко.

— „За что?

— „Не помню ужъ...

„Бабушка была вдвое крупнѣе дѣда, и не вѣрилось, что онъ можетъ одолѣть ее.

— „Развѣ онъ сильнѣе тебя?

— „Не сильнѣе, а старше... За меня съ него Богъ спроситъ, а *мнѣ заказано терпѣть*“.

Даже маленькій Алеша чувствуетъ, что чего-то не хватаетъ бабушкѣ. „Иногда хочется, чтобъ она сказала

какое-то сильное слово, что-то крикнула". Но никогда ничего не скажетъ—будетъ молчать и терпѣть до конца. И чѣмъ больше будетъ терпѣть Бабушка, тѣмъ больше будетъ Дѣдушка злиться и глупѣть.

Бабушка хотя и не святая, но „въ родѣ святой", и главный грѣхъ ея—не во грѣхѣ, а въ святости. Чѣмъ сама она святѣе, тѣмъ грѣшнѣе все вокругъ.

Знаетъ—и не можетъ; созерцаетъ—и не дѣлаетъ. Дѣдушка знаетъ и дѣлаетъ—мало знаетъ, плохо дѣлаетъ; но въ Россіи такъ много созерцанія, такъ мало дѣланія, что ужъ лучше плохо, чѣмъ никакъ.

Бабушка—огромная и мягкотѣлая, рыхлая, безкостная. Дѣдушка—маленькій, крѣпенькій, остренькій, какъ рыбья косточка, и все-таки сглотнулъ огромную, а его самого никто не сглотнетъ—косточкой подавится.

Бабушка—безпредѣльная и безличная. Узокъ дѣдушкинъ предѣлъ, но зато у него есть лицо—правда, полузвѣриное—но все же лицо—зародышъ личности.

Въ Бабушкѣ—„діонисовское", въ Дѣдушкѣ—„аполлоновское". Бабушка—пьяная, Дѣдушка—трезвый.

Бабушка дѣлаетъ Россію безмѣрною; Дѣдушка мѣритъ ее, копитъ, собираетъ, можетъ быть, въ страшный кулакъ; но безъ него она развалилась бы, расползлась бы, какъ опара изъ квашни.

И вообще, если бы въ Россіи была одна Бабушка безъ Дѣдушки, то не печенѣги, половцы, монголы, нѣмцы, а своя родная тля заѣла бы живьемъ „Святую Русь".

Бабушка—Россія старая, обращенная къ Востоку; Дѣдушка—Россія новая, обращенная къ Западу. Бабушка безграмотна; Дѣдушка полуграмотенъ. Но если когда-нибудь Россія будетъ „грамотной", то благодаря не Бабушкѣ, а Дѣдушкѣ.

Бабушка—„еретица", „вольница" на словахъ, въ созерцаніи, а на дѣлѣ ей „заказано терпѣть". Дѣдушка пока что „православенъ" и „самодержавенъ". И тоже терпитъ, потому что руки коротки, чтобъ сдачи дать; но когда

выростутъ, — не стерпитъ. И если, вообще, кто-нибудь забунтуетъ въ Россіи, то ужъ, конечно, не Бабушка, а Дѣдушка.

— «Ты за бабушку крѣпко держись»,—совѣтуетъ кто-то Алешѣ. Горькій исполнилъ этотъ совѣтъ: крѣпко за Бабушку держится, но, можетъ быть, еще крѣпче—за Дѣдушку. И если вошелъ въ огонь желѣзомъ, а вышелъ сталью, то благодаря не Бабушкѣ, а Дѣдушкѣ.

Бабушкину правду—«Святую Русь»—понять легко: она сіяетъ, лучезарная; правду дѣдушкину—Русь не святую—понять трудно: она сквозь обликъ звѣриный чуть свѣтится. Ни Толстой, ни Достоевскій не поняли ея, потому что смотрѣли на нее со стороны, извнѣ; Горькій понялъ, потому что увидѣлъ ее изнутри.

IV.

О двухъ душахъ Россіи говоритъ «Дѣтство». О томъ же говоритъ статья, не случайно написанная Горькимъ почти одновременно съ «Дѣтствомъ», такъ и озаглавленная «Двѣ души».

У Россіи—двѣ души—азіатская, восточная, и европейская, западная. На Востокѣ господствуетъ религія, на Западѣ—наука. Религія утверждаетъ то, чего нѣтъ (бытіе Божіе, загробную жизнь и прочія «суевѣрія», «фантазіи»); религія—ложь. Наука утверждаетъ то, что есть («законы природы»); наука—истина. Россія гибнетъ или находится на краю гибели, потому что колеблется между двумя душами—восточной и западной. Чтобы спастись, надо перестать колебаться, надо сдѣлать выборъ: отречься отъ Востока, отъ религіозной лжи, и предаться Западу—научной истинѣ.

Вотъ какъ просто, и, если бы рѣчь шла не о Горькомъ, можно бы сказать—вотъ какъ простодушно до дѣтскости, до дикости.

Стоитъ ли возражать? Нужно ли доказывать, что нельзя ставить знакъ равенства между «суевѣріемъ», «фантазіей», обманомъ воображенія и религіознымъ опытомъ; что послѣ кантовской «Критики» утверждать на основаніи научнаго опыта или философскаго разума, что Богъ есть, или что Бога нѣтъ, два одинаковыхъ невѣжества?

Если Горькій атеистъ-догматикъ, то нечего ему говорить о «научномъ мышленіи», какъ единственномъ способѣ познанія, потому что всякій догматизмъ, все равно, отрицательный или положительный, всякая вѣра, все равно, въ бытіе или небытіе Божіе,—противорѣчатъ законамъ «научнаго мышленія». Если же онъ позитивистъ-агностикъ, то какъ же онъ смѣшиваетъ «непознанное» съ «Непознаваемымъ"? Стоило бы ему заглянуть въ «Первыя Начала» Спенсера, творца агностицизма, чтобы увидѣть, что «Непознаваемое» никогда не можетъ быть познано по самой природѣ научнаго опыта. Такова философская неосвѣдомленность Горькаго.

Неосвѣдомленность историческую выказываетъ онъ, когда противополагаетъ религіозный Востокъ научному Западу, какъ двѣ равнодѣйствующія во всемірной исторіи. Если понимать религію въ нашемъ европейскомъ смыслѣ, какъ теизмъ, утвержденіе Бога,—а такъ именно понимаетъ религію Горькій,—то большая часть Востока—буддійская—нерелигіозна, атеистична, потому что буддизмъ—чистѣйшій атеизмъ. Только приближаясь къ Западу, Востокъ становится религіознымъ въ нашемъ, европейскомъ, смыслѣ—теистичнымъ (зороастризмъ, іудаизмъ, исламъ); а чѣмъ дальше отъ Запада, чѣмъ восточнѣе, тѣмъ атеистичнѣе. Всѣ религіи, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ научныя системы (египетскія, ассиро-вавилонскія основы греко-римскаго знанія), на Востокѣ рождаются, но растутъ и зрѣютъ на Западѣ. Сѣмя—на Востокѣ, цвѣтъ и плодъ—на Западѣ. Тамъ—религіозное прошлое человѣчества, здѣсь—настоящее и будущее. Христіанство родилось на Востокѣ, но выросло на Западѣ. И если христіанство—религія все-

мірно-историческая по-преимуществу, то не Востокъ, а Западъ религіозенъ по-преимуществу.

Неосвѣдомленность психологическую выказываетъ Горькій, когда противополагаетъ религію, какъ абсолютное созерцаніе, наукѣ, какъ абсолютному дѣйствію. Религія — или ничто, «обманъ воображенія», или величайшее явленіе человѣческой воли, а воля — единственный источникъ дѣйствія. Разумъ освѣщаетъ и направляетъ,—воля рѣшаетъ и совершаетъ дѣйствіе. Вотъ почему безвольная, бездѣйственная религія—все равно, что не жгущій огонь: огонь перестаетъ жечь, когда потухаетъ; и религія становится бездѣйственной, когда перестаетъ быть религіей. Наоборотъ, наука становится дѣйственной, только переставая быть наукою и дѣлаясь «религіей», обращаясь отъ разума къ волѣ, хотя бы безсознательно. Чтобы дѣйствовать, надо желать или знать должное, а для науки нѣтъ ни желаннаго ни должнаго,—есть только данное.

Религія, по мнѣнію Горькаго, порабощаетъ; наука освобождаетъ личность. Но самое понятіе «личности» неразрывно связано съ понятіемъ «свободы», а для науки нѣтъ свободы: законъ необходимости, детерминизмъ—основной законъ научнаго мышленія. Вотъ почему наука не знаетъ «личностей», а знаетъ только «недѣлимыя», «особи» безличныхъ «родовъ» и «видовъ». Понятіе «личности», такъ же, какъ понятіе «свободы»—вовсе не научное, а религіозное. Чтобы утвердить личность, надо утвердить свободу, преодолѣть законъ необходимости въ его самой крайней точкѣ—въ смерти, какъ уничтоженіи личности. Это и дѣлаетъ христіанство—религія абсолютной свободы, Абсолютной Личности.

Изъ всего, что говоритъ Горькій о религіи, одно только вѣрно,—что религія «опасна». Но, вѣдь, вообще всякая сила опасна: чѣмъ больше сила, тѣмъ опаснѣе; религія—величайшая сила — величайшая опасность. Но, если отъ огня бываютъ пожары, изъ этого не слѣдуетъ, что надо жить безъ огня.

V.

Да, говоря о религіи, Горькій не знаетъ, о чемъ говоритъ. Но важно не то, что онъ знаетъ и чего не знаетъ, а то, чего онъ хочетъ и не хочетъ.

Не хочетъ религіи, потому что хочетъ любить міръ, а всякая религія есть *нелюбовь къ міру*.

Ну, а какъ же бабушкина религія—любовь къ міру къ Богу вмѣстѣ? «Это ея безкорыстная любовь къ міру обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни».

О Бабушкѣ-то онъ и забылъ, а если не забылъ, то проклялъ ее такъ же, какъ Дѣдушка: «старая дура, безумная, безграмотная».

«Двѣ души» написаны по поводу войны—«катастрофы, никогда еще не испытанной міромъ, потрясающей и разрушающей жизнь Европы», по словамъ самого Горькаго. Откуда же катастрофа—отъ религіознаго Востока или отъ «научнаго» Запада? Кажется, ясно, что «наука» безъ религіи, полунаука, не только не спасла міръ отъ катастрофы, но, можетъ быть, и была ея главною причиною. Когда человѣческій разумъ утверждаетъ, что онъ—все, и ничего больше нѣтъ въ человѣкѣ, ничего больше не надо, то самъ разумъ становится безуміемъ.

— «Онъ, вѣдь, раньше-то больно хорошимъ былъ, дѣдушка нашъ,—да какъ выдумалъ, что нѣтъ его умнѣе, съ той поры и озлился и глупымъ сталъ».

Какихъ нечеловѣческихъ ужасовъ и мерзостей можетъ надѣлать этотъ озлившійся и оглупѣвшій, обезумѣвшій разумъ, мы теперь видимъ во-очію. Это онъ, Дѣдушка, маленькій, хитрый, хищный «хорекъ» бьетъ огромную Бабушку—«отъ обѣдни до вечера; побьетъ—устанетъ, а отдохнувъ—опять; и возжами и всяко». Онъ бьетъ, а она молчитъ, терпитъ—только жалѣетъ «безумная» полоумнаго:

— «Ахъ, дѣдушка, дѣдушка, малая ты пылинка въ Божьемъ глазу!»

О Бабушкѣ Горькій забылъ, но вспомнитъ о ней; ушелъ отъ нея, но вернется къ ней.

Можетъ быть, не только у Россіи, но и у самого Горькаго—«двѣ души», и онъ разрывается, мечется между ними—то къ Востоку, то къ Западу, то къ Бабушкѣ, то къ Дѣдушкѣ. Какую изъ этихъ двухъ душъ спасать, какую губить?

Но, можетъ быть, не надо губить ни одной, а надо спасти обѣ, соединить «двѣ души» въ одну. Можетъ быть, Россія—не Востокъ и не Западъ, а соединеніе Востока съ Западомъ.

Чтобы соединить, надо не смѣшивать, а чтобы не смѣшивать, надо раздѣлить до конца. Это Горькій и дѣлаетъ: раздѣляетъ, разрываетъ двѣ души Россіи въ своей собственной душѣ. И если душа его погибнетъ отъ этого разрыва, то не даромъ: она погибнетъ, чтобы спасти другія души.

Такъ, «безбожный», дѣлаетъ онъ Божье дѣло. Разрывъ двухъ душъ—Запада и Востока, дѣйствія отъ созерцанія, земли отъ неба—неполная, непослѣдняя, невѣчная правда. Но нѣтъ иныхъ путей къ правдѣ вѣчной, какъ жертва одной изъ двухъ невѣчныхъ; только надо знать, чѣмъ и для чего мы жертвуемъ. Горькій этого еще не знаетъ; можетъ быть, узнаетъ когда-нибудь.

«Святая Русь! Святая Русь!»—затвердили мы кощунственно.—Нѣтъ, не святая, а грѣшная,—сказалъ Горькій такъ, какъ еще никто никогда не говорилъ.

Однажды дѣдушка засѣкъ Алешу до потери сознанія. «Съ тѣхъ дней,—вспоминаетъ Горькій,—точно мнѣ содрали кожу съ сердца,—оно стало невыносимо чуткимъ ко всякой обидѣ, своей и чужой». Вотъ это сердце съ содранною кожею все еще бьется въ Горькомъ.

Однажды «господинъ въ новомъ мундирѣ», Алешинъ вотчимъ, билъ его больную мать. «Даже сейчасъ вижу,—вспоминаетъ Горькій,—эту подлую, длинную ногу, съ яр-

кимъ кантомъ вдоль штанины, вижу, какъ она раскачивается въ воздухѣ и бьетъ носкомъ въ грудь женщины» Алеша схватилъ ножъ и ударилъ вотчима. Вотъ этотъ ножъ все еще въ душѣ у Горькаго: для него не въ переносномъ смыслѣ, а въ точномъ, кровномъ, кровавомъ— обида Россіи—обида матери.

Два чувства дивно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Но вотъ для Алеши «отеческій гробъ»—«тухлый Дюковъ прудъ, куда дядья зимою бросили отца его въ прорубь». Вотъ какое «отечество» надо полюбить Горькому.

Когда Дѣдушка бьетъ Бабушку смертнымъ боемъ, и та молчитъ, терпитъ—«мнѣ заказано терпѣть»,—мы умиляемся:

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

«Святая Русь! Святая Русь!» Горькій не умиляется. Да будь она проклята эта «святость», если отъ нея всѣ наши мерзости!

«Вспоминая эти свинцовыя мерзости дикой русской жизни я минутами спрашиваю себя: да стоитъ ли говорить объ этомъ? И съ обновленной увѣренностью отвѣчаю—стоитъ; ибо это—живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы съ корнемъ же и выдрать ее изъ памяти, изъ души человѣка, изъ всей жизни нашей, тяжкой и позорной». Никто никогда не говорилъ объ этой правдѣ такъ, какъ Горькій, потому что всѣ говорили со стороны, извнѣ, а онъ—изнутри.

По нашему, по Толстому и Достоевскому—«смиреніе», «терпѣніе», «недѣланіе», а по Горькому, возмущеніе, возстаніе, дѣланіе—«страшно вѣрное, страшно русское». И если Россія не только откуда-то пришла, но и куда то

идетъ, то въ этомъ Горькій правѣе Толстого и Достоевскаго. Въ этомъ Россія грѣшная святѣе «святой».

И не нужна ли бóльшая любовь, чтобы любить грѣшную, чѣмъ «святую»? Не нужна ли бóльшая вѣра, чтобы вѣрить въ грѣшную? Такою любовью любитъ, такою вѣрою вѣритъ Горькій.

«Не только тѣмъ изумительна жизнь наша, что въ ней такъ плодовитъ и жиренъ пластъ всякой скотской дряни, но и тѣмъ, что сквозь этотъ пластъ растетъ доброе... возбуждая несокрушимую надежду на возрожденіе наше къ жизни свѣтлой, человѣческой».

Никто никогда не говорилъ объ этой надеждѣ такъ, какъ Горькій, потому что опять-таки всѣ говорили со стороны, извнѣ, а онъ—изнутри. Надо самому пройти сквозь тьму Россіи прошлой и настоящей, чтобы такъ говорить о свѣтлой Россіи будущей.

Да, не въ святую, смиренную, рабскую, а въ грѣшную, возстающую, освобождающуюся Россію вѣритъ Горькій. Знаетъ, что «Святой Руси» нѣтъ; вѣритъ, что святая Россія будетъ.

Вотъ этою-то вѣрою и дѣлаетъ онъ, «безбожный», Божье дѣло. Ею-то онъ и близокъ намъ—ближе Толстого и Достоевскаго. Тутъ мы уже не съ ними, а съ Горькимъ.

БОЛЬНАЯ КРАСАВИЦА

«Мнѣ хотя нужно писать, но я не пишу черезъ свои трудныя матеріальныя обстоятельства. Я—человѣкъ непривилегированнаго класса, какъ крестьянинъ, рабочій—всякое время нужно убивать для насущнаго хлѣба... Мы, реальные, должны добывать хлѣбъ трудомъ и смертью»...

Это пишетъ въ частномъ письмѣ Архипъ, бывшій севастопольскій матросъ, который участвовалъ въ движеніи 1905 года, бѣгалъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ; потомъ вышелъ изъ военной службы, зажилъ въ деревнѣ крестьяниномъ; ушелъ и оттуда, а въ настоящее время служитъ рабочимъ на одномъ изъ московскихъ заводовъ.

«Я все своимъ умомъ кренился къ Божьей правдѣ... Много я думалъ, что такое жизнь, какъ понять ее ближе къ истинѣ. Читалъ сколько, — соціальныя книги, декадентскія, Евангеліе. Дверь истины заперта. Въ послѣднее время сталъ больше прислушиваться къ шуму за дверью истины»...

Письмо такъ безграмотно, что трудно не только понять, но и прочесть. Чудовищные іероглифы, дѣтскія каракули о глубочайшихъ вопросахъ метафизики, мистики,— о жизни, о смерти, о Богѣ, о вѣчности.

Несмотря на безграмотность и косноязычіе, — иногда вдругъ страшная сила языка, но какая-то не личная, а общая, стихійная, какъ въ древнихъ былинахъ, сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ отдѣльномъ голосѣ—гулъ голосовъ безчисленныхъ. Сила стихійная, безсознательная. Кажется, сознай себя пишущій «писателемъ», и все исчезнетъ, растворится въ полуинтеллигентной, полуграмотной тусклости.

Письмо — загадка почти неразгаданная, клубокъ мыслей и чувствъ, въ которомъ всѣ концы и начала спутаны. Но, можетъ быть, въ этой путаницѣ — иной порядокъ, въ этой безсвязности—иная связь, въ этой безграмотности—иная грамота, не наша, не интеллигентская? Можетъ быть, этотъ человѣкъ, «прислушивающійся къ шуму за дверью истины»—мудрецъ?

«Жизнью смерть страшная». — «Все непонятно, все плохо, все хорошо». Не напоминаетъ ли это изреченія полумиѳической древности, какого-нибудь Анаксагора или Гераклита Темнаго? Слова, какъ монолитныя глыбы, тяжкія, цѣльныя, нераздробимыя, вѣчныя.

А на обыкновенный интеллигентскій взглядъ — обыкновенная безграмотность, дикость, юродство и невѣжество. Въ недавнее прошлое иного взгляда и быть не могло; сейчасъ—можетъ быть. А какой изъ этихъ двухъ взглядовъ глубже проникаетъ въ реальность «реальныхъ людей, добывающихъ хлѣбъ трудомъ и смертью», — это еще вопросъ.

Въ 1907 году Архипъ посѣтилъ Толстого. Вотъ, какъ онъ описываетъ это посѣщеніе.

«Шелъ въ Ясную Поляну пѣшкомъ, верстъ 50 сдѣлалъ и очень усталъ. Долго дожидался въ саду, подъ деревомъ: весь промерзъ на холодномъ вѣтру. Стемнѣло. Вдругъ застучали копыта, и въѣхалъ графъ въ своей натуральной формѣ. Кликнулъ служителя, быстрой своей ухваткой слѣзъ, отдалъ лошадь. Я ему поклонился, и онъ кланяется. Спрашиваетъ жалостнымъ голосомъ: «Что нужно?». Я говорю «Ничего. Я посѣтить васъ пришелъ». Графъ продолжалъ спрашивать, какого уѣзда да къ чему пришелъ. Я затoропился сказать, что могъ: что читаю я много и изъ чтенія вижу, что мнѣ будто нужно необходимо васъ видѣть.

— «Что читать? Зачѣмъ много читать?

«Только я хотѣлъ ему въ двухъ-трехъ словахъ объяснить, какъ послѣ этой минуты и говоритъ графъ:

— «Разъ у тебя нѣту ничего до меня, то прощай».

«Поклонился низко и пошелъ въ теплое мѣсто своего дома. Я приподнялъ шапку съ опозданіемъ отъ моей неожиданности. Такъ онъ ушелъ отъ меня со своею *отверженностью*».

Въ чемъ именно «отверженность»,—объясняетъ Архипъ довольно отчетливо.

«Я графа Льва Николаевича очень жалѣю, такъ какъ онъ въ книжкахъ писалъ, что надо все передѣлать, а какъ передѣлать,—не зналъ, да, по видимости, и теперь не знаетъ. Совѣтуетъ самовольно и покорно положить оружіе, и чтобы какъ гдѣ кто есть, тамъ бы и оставался и книжки не читалъ. Онъ, конечно, во всемъ всегда былъ обезпеченъ; думаю, труднѣй, если-бъ онъ былъ пролетаріемъ, и день цѣльный, за хлѣбъ сухой, на морозѣ рукавицей носъ билъ, чтобъ не зябъ. Ну, однако, не избѣжалъ и онъ страшныхъ мукъ о жизни, когда хотѣлъ убить себя. Послѣ онъ себя успокоилъ, положилъ оружіе и говоритъ: не жди, когда будетъ всѣмъ хорошо, а всегда такъ будетъ... Успокоилъ себя, что неизвѣстно зачѣмъ человѣкъ на землѣ... А теперь его еще жальче, чѣмъ когда мучился. Ему теперь ни къ какой душѣ пути нѣту, потому что онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Онъ велитъ не знать, а человѣкъ не можетъ этого. Онъ въ себѣ муку задавилъ и отошелъ на свое мѣсто; однако, думаю, ему тамъ не радостно, а только старается видъ доказать, что успокоилъ себя. Я уставшій было, въ холоду,—и то мнѣ радостнѣе передъ нимъ былъ. А то вотъ еще по тюрьмамъ многіе товарищи сидятъ,—такъ, думаю, и имъ отраднѣе». («Архипъ у Толстого», З. Гиппіусъ).

Первое письмо Архипа отъ 1907 года, послѣднее—отъ 1914. Но какъ будто ни въ немъ самомъ, ни вокругъ него ничего не измѣнилось за эти семь лѣтъ. И, кажется, если бы не семь, а семьдесятъ или семьсотъ лѣтъ прошло, онъ писалъ бы все то же о томъ же. Какъ-будто нѣтъ для него нашего отдѣльнаго, личнаго времени, коротень-

каго вѣка человѣческаго, а есть только общая вѣчность— вѣка жизни народной; какъ-будто, живущій подъ «властью земли», вѣчной, недвижной стихіи, онъ и самъ недвиженъ и вѣченъ.

Но это только на первый взглядъ, а если вглядѣться пристальнѣе, то и въ Архиповой недвижной вѣчности что-то движется, мѣняется въ соотвѣтствіи съ нашимъ коротенькимъ вѣкомъ интеллигентскимъ, съ нашимъ движеніемъ общественнымъ.

«Во мнѣ послѣднее время произошла нѣкоторая *перемѣна*»,—замѣчаетъ онъ. Въ чемъ же эта перемѣна? За эти семь лѣтъ онъ понялъ окончательно то, что началъ понимать еще тогда, въ 1907 году, послѣ посѣщенія Толстого,—понялъ, что христіанство и толстовство не одно и то же.

«Толстой не могъ молиться, не могъ и я молиться. Сколько разъ приходило въ голову, для чего Христосъ молился. А Христосъ—не Толстой и не я: онъ не прижимался къ жизни, боясь смерти, потому что зналъ ее. Онъ все зналъ,—почему и называется у насъ *Богочеловѣкомъ*... А кто мы съ Толстымъ? Испугались жизни, какъ затравленные зайцы... Намъ, простымъ людямъ, «реальнымъ», въ силу необходимости надо держать руку подъ козырекъ, говорить, какъ дуракъ средневѣковья: «никакъ нѣтъ», «точно такъ». А пущай изъ насъ кто захочетъ хоть Толстого осуществить, какія начнутся мытарства! Не облегчитъ себѣ жизнь, а хуже будетъ жить въ рабахъ»...

«Осуществить Толстого»—не знать, не желать, не думать, «успокоить себя, задавить въ себѣ муку», сказавъ: «не жди, когда будетъ всѣмъ хорошо, а всегда такъ будетъ»,—это и значитъ «жить въ рабахъ». Но этого человѣкъ не можетъ, этому и Христосъ не училъ. «Душа проситъ истинной свободы, слышитъ, есть вода живая, отъ какой жажды не будетъ».

Нѣтъ, не даромъ прошли для Архипа эти семь лѣтъ: онъ жилъ въ нихъ вѣрою, что восторжествуетъ правда

Божья — «правда моя, и всего русскаго народа, и всего міра». А что свобода и есть «правда Божья», — это онъ тоже понялъ окончательно.

И еще кое-что понялъ, увидѣлъ воочію, что и мы всѣ видѣли за эти семь лѣтъ.

«Я ужасался, какъ моихъ товарищей за правду гнали... Они были блѣдны передъ смертнымъ ужасомъ; они не знали ничего; они вѣрили въ правду: этимъ, думали, служили Богу. Мы ихъ отправили въ будущую жизнь, какъ мучениковъ. Вѣрили, Богъ имъ тамъ дастъ жизнь. Мы, простые люди, вѣрили въ Бога, что получимъ помощь и возрожденіе».

Но вѣра оказалась тщетною. «Они (гонители) живутъ до смерти безпечно, творятъ произволъ. Послѣ смерти никто не знаетъ, какъ кому воздастся. Можетъ, Богъ воздастъ тамъ по заслугамъ, а только *здѣсь* за правду нѣтъ возрожденія. Они (гонимые) не узнали, чѣмъ жизнь хороша».

Вотъ гдѣ совпадаетъ Архипова вѣчность съ нашимъ вѣкомъ коротенькимъ; вотъ гдѣ прошелъ единый мечъ сквозь наше сердце и сердце народное. Тутъ мы и народъ—одно.

Въ мукѣ, въ болѣзни одно, но еще не одно въ исцѣленіи.

Толстой не молился, потому что правдой небесной задавилъ въ себѣ муку о правдѣ земной, успокоилъ себя: здѣсь, на землѣ, всегда такъ будетъ. Христосъ молится, потому что муку о правдѣ земной принялъ всю до конца,—сказалъ: «да не будетъ такъ всегда и здѣсь, на землѣ; *да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ*». Что не только на небѣ, но и на землѣ,—въ этомъ для Архипа главное.

Я договариваю, выражаю мысль его яснѣе, чѣмъ онъ самъ выразилъ. Онъ только ощупью подходитъ къ этому, но именно къ этому,—*къ правдѣ Христовой, какъ правдѣ земной.*

«Земная жизнь—не царство Бога... И дѣйствительно, если абсолютно взглянуть, вся земля въ агоніи. Предѣлъ

этому неизвѣстенъ... Говорятъ, жизнь наша адъ. Мы находимъ въ ней, все-таки, излюбленное, живемъ—веселье есть человѣку на землѣ жить... А многіе ни одного раза, можетъ, не подумали, что такое мы и наша земля, зимою съ ея бѣлыми снѣгами, лѣтомъ—съ райскими цвѣтами. Какъ будто, всѣмъ она хороша, наша родная, любимая до смерти мать-земля. Въ сущности, *наша земля—больная красавица*. Нынѣ насъ радуетъ, завтра заставитъ страдать. Все еще въ агоніи... За наше непониманіе положили Евангеліе подъ спудъ, 2,000 лѣтъ лежитъ—никто его знаетъ».

Никто не знаетъ Евангелія, потому что никто не знаетъ правды Христовой не только о небѣ, но и о землѣ. Черезъ землю—къ небу, черезъ «агонію земли», безконечную муку о правдѣ земной—къ правдѣ небесной,—это и значитъ, какъ утверждаетъ Архипъ: «Бога черезъ Христа можно понять, можно полюбить Его и подойти къ Нему».

«Современные нѣкоторые люди стали больше разбираться въ Евангеліи,—прибавляетъ онъ загадочно. Что-то говорятъ—не договариваютъ; что-то знаютъ и не сказываютъ. А только почему-то стали отставать отъ жизни, какъ масло отъ воды».

(Если бы «договорили», то, можетъ-быть, не «отстали» бы?).

Кто же эти современные люди? По косноязычію Архипову—русскіе «декаденты», а по нашему косноязычію интеллигентскому—«богоискатели».

«Прочелъ статью Д. С. (Мережковскаго) въ «Русскомъ Словѣ» о Тютчевѣ. Крайне меня заинтересовала. Въ сущности, Тютчевъ былъ обыкновенный человѣкъ, маленькій, худенькій, голова всклокоченная,—въ общемъ, не сознательный, а можетъ, и *порченый*. Есть такіе: ничего не знаютъ, хоть сердце человѣчье будутъ ѣсть, а скажутъ: на землѣ все позволено... Онъ просто не вникалъ въ жизнь, считалъ жизнь за ненужный, сухой мусоръ, почему и былъ весь всклокоченный...»

Особенно поразила Архипа эта «всклокоченность» Тютчева. Онъ, то и дѣло, возвращается къ ней съ какой-то насмѣшливой нѣжностью. Кажется, въ томъ же метафизическомъ смыслѣ, «всклокоченнымъ» считаетъ и себя самого. «Всклокоченность» — возмущенность, мятежность, любовь къ «хаосу», демонизмъ, «бѣсноватость», «порченность».

«Д. С. вспоминаетъ русскихъ людей,—съ колдуномъ повстрѣчались («Разсказъ отца Алексѣя»). Можетъ, я одинъ изъ нихъ. Да, навѣрно, такъ: еще неизвѣстна моя будущая жизнь и смерть»,—замѣчаетъ Архипъ.

И не себя одного считаетъ онъ «порченымъ».—«Когда жена рабочаго разочарованно поетъ пѣсни,—выходитъ, какъ-будто душа ея въ звѣздное небо просится, въ просторъ древняго хаоса родимаго... «Не пой ты мнѣ про древній хаосъ»... А все-таки онъ—*нашъ*... Это не Христово, но не плохое».

Тутъ опять не договариваетъ онъ, не умѣетъ чего-то сказать. «Не Христово»—не Сыновнее, но, можетъ-быть, Отчее? Въ древнемъ и новомъ, Гетевскомъ смыслѣ, «демоническое»—«божеское»?

И вотъ оказывается, что этою именно «всклокоченностью», мятежностью, любовью къ хаосу, «демонизмомъ», Тютчевъ Архипу ближе Некрасова.

«Тютчевъ при смерти *просіялъ*—можетъ, черезъ это, что не цѣнилъ жизнь, въ ней видѣлъ сухой мусоръ, и у самого были волосы всклокочены, непричесаны—дескать, это къ дѣлу не относится. Некрасовъ же агонію перенесъ, можетъ-быть, потому, что чрезмѣрно любилъ жизнь, весь отдался реальности, ходилъ, навѣрно, съ причесанной головой».

Это значитъ: Тютчевъ, хотя и безсознательно, нерелигіозно, нехристіански, а только язычески, но принялъ на себя весь разладъ міра, хаосъ въ космосѣ, всю безконечную муку, «агонію земли, больной красавицы». А Некрасовъ этой муки не зналъ, или не хотѣлъ знать. Одинъ

весь въ этомъ мірѣ, другой весь въ томъ,—а тотъ міръ больше этого: вотъ почему Тютчевъ больше Некрасова,— кажется, такова мысль Архипа.

Если повѣрить ему, что метафизическая мятежность, любовь къ хаосу, «демонизмъ» (опять-таки въ смыслѣ древнемъ и новомъ, Гетевскомъ: «демоническое»—«божеское»; «не Христово, но не плохое»), если повѣрить, что все это, дѣйствительно, звучитъ въ русской душѣ, то уклонъ отъ Тютчева къ Некрасову, на нашъ интеллигентскій взглядъ столь неожиданный, чрезвычайно знаменателенъ. Вѣдь, это тотъ самый уклонъ отъ стихійной общественности къ сознательной или мнимо-сознательной личности, отъ «соціализма» къ «индивидуализму», который переживается въ настоящее время всею русскою интеллигенціей. Неужели же этотъ уклонъ докатился и до нихъ, до «реальныхъ людей»?

Еще знаменательнѣе выводъ, который дѣлаетъ Архипъ. «Д. С. какъ бы *подсмѣиваетъ* революціонера: томись иной жаждой, а то все пропало. Къ чему ты стремишься къ гражданской свободѣ? Это все—продолженіе міра сего, и не отъ Бога. Нужно заходить съ другой стороны. Пойми истину—ты будешь свободенъ,—сказалъ Христосъ. А революціонеръ забылъ,—какъ-будто ему не подъ силу. Если бы понялъ, то ужаснулся бы, къ чему стремился».

Архипъ ошибается: никогда ничего подобнаго я не говорилъ. Я только и дѣлаю, что стараюсь доказать, что нельзя «революціонера подсмѣивать», что томящійся жаждой свободы человѣческой, *уже* томится «жаждой иной», и, если даже самъ *еще* не знаетъ этого, ничто не «пропало», «ужасаться» нечему,—не сегодня, такъ завтра узнаетъ.

Но если я даже «революціонера подсмѣиваю», то какъ же Архипъ этому сочувствуетъ?—Онъ, который еще такъ недавно «ужасался», какъ его товарищей «за правду гнали». Тогда ужасался, а теперь «подсмѣиваетъ»? Понялъ, что вѣра тщетна, что здѣсь, на землѣ нѣтъ «возрожденія»,— и дѣло съ концомъ?

Но, вѣдь, если такъ, то правъ тотъ, кто «сердце человѣчье ѣстъ» и говоритъ: «все позволено».

И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ...

«Агонія земли»—безысходна?

Нѣтъ, исходъ есть, утверждаетъ Архипъ. «Настоятельно говоритъ Евангеліе и Д. С. (хотя это и смѣшнымъ считаютъ),—второе пришествіе будетъ, и будетъ *врасплохъ»*. Что именно «врасплохъ», безъ всякаго участія воли человѣческой, внѣ всякаго движенія историческаго,—это сейчасъ для Архипа самое важное, кажется, даже единственно важное.

Міръ также будетъ жить во злѣ, въ смерти, въ хаосѣ,—и вдругъ наступитъ второе пришествіе, преображеніе міра, тотъ міръ войдетъ въ этотъ. Уже и сейчасъ входитъ, уже и сейчасъ въ немъ присутствуетъ. «Земля все такая же,—все то же? Свидѣтельствую, совершенно вѣрно: все хорошо, даже и то хорошо, на что сейчасъ противно смотрѣть.—*Все непонятно, все плохо, все хорошо*».

И то, что за правду гонятъ, и то, что человѣчье сердце ѣдятъ и говорятъ: все позволено—тоже хорошо? Тоже «не Христово, но не плохое?»

Это напоминаетъ «минуты вѣчной гармоніи» бѣсноватаго Кириллова. А, вѣдь, мы уже знаемъ, чѣмъ это кончается.

Второе пришествіе будетъ «врасплохъ». А что же намъ сейчасъ дѣлать? «Успокоить себя», сложить руки, сидѣть у моря и ждать погоды? Но это и есть толстовское и вообще христіанское «недѣланіе». Изъ-за чего же было огородъ городить, уходить отъ Толстого?

И не за это ли наше «непониманіе положили Евангеліе подъ спудъ, 2,000 лѣтъ лежитъ—никто его не знаетъ»?

Тутъ какой-то провалъ, противорѣчіе, косноязычіе не только въ языкѣ, но и въ мысляхъ Архипа. «Порченность», сглаженность».

Хотѣлось бы вѣрить, что это мы его «сглазили» нашею интеллигентностью, и что въ этомъ онъ одинъ. Но страшно подумать, что много такихъ, что эта наша зараза опустилась до сердца народнаго.

Да, наша зараза. Не произошла ли и въ насъ за эти семь лѣтъ та же «перемѣна», что въ Архипѣ? Не отказались ли и мы отъ «недѣланія» толстовскаго не для дѣла — а для недѣланія злѣйшаго? «Кающіеся интеллигенты», «вѣховцы» — не тѣ же ли Архипы? Не такъ же ли и они «подсмѣиваютъ революціонера», говорятъ ему: жажда свободы человѣческой — «не отъ Бога, томись жаждой иной».

Наша земля — «больная красавица». Болѣзнь ея — религіозная созерцательность, бездѣйственность, обломовщина, архиповщина. Ея «агонія» — вѣчное колебаніе между Европой и Азіей, движеніемъ и недвижностью, дѣланіемъ и недѣланіемъ.

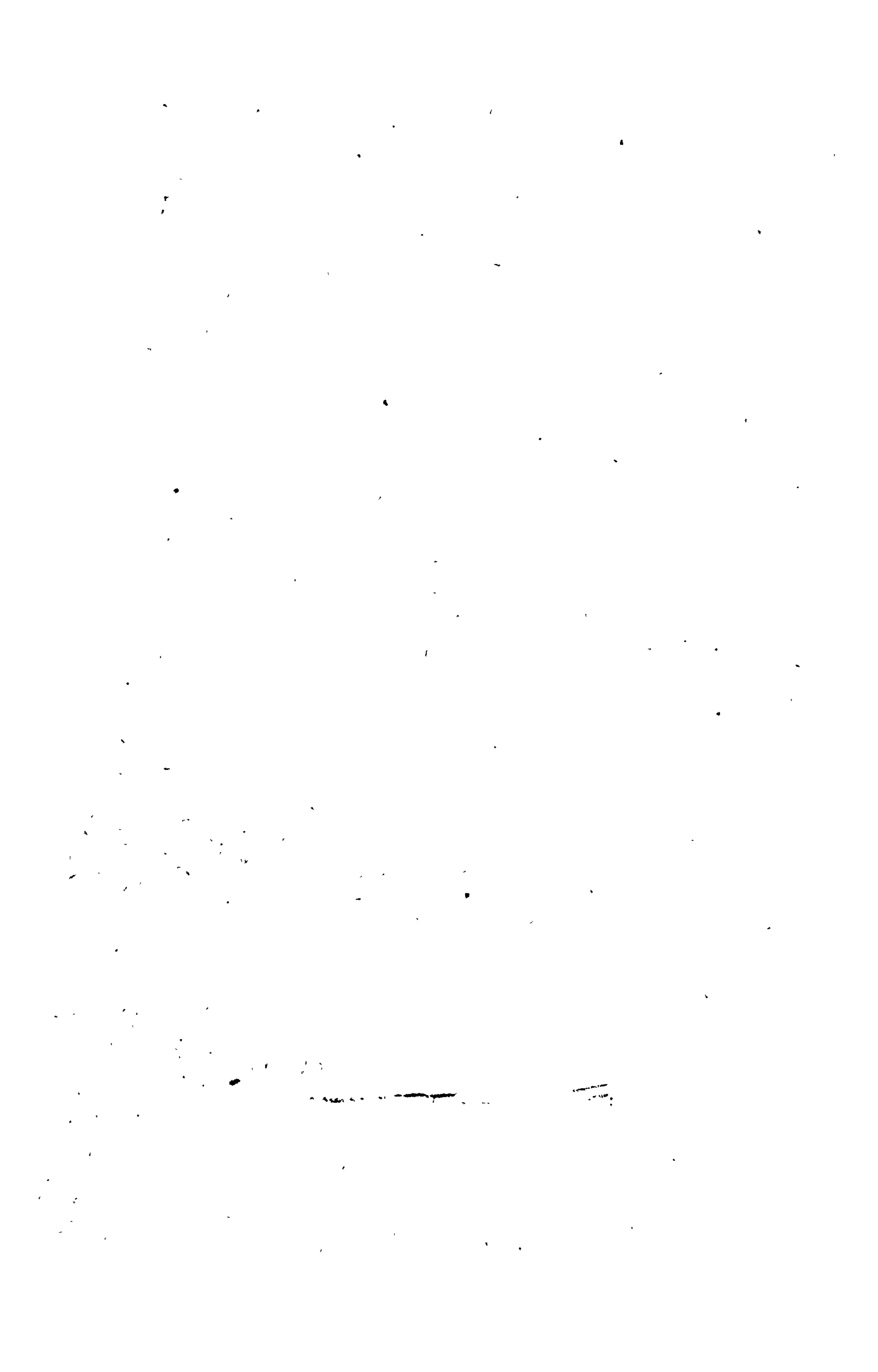
«Все непонятно, все плохо, все хорошо», — это отказъ отъ дѣйствія, отъ спасенія, отъ Христа, Который для того и пришелъ, чтобы принести мечъ, отдѣляющій «плохое» отъ «хорошаго».

Преображеніе, искупленіе міра совершается, но не безъ участія воли человѣческой. Мы «все своимъ умомъ кренимся къ Божьей правдѣ», — умомъ, но не волею.

Мы, какъ разслабленный въ Силоамской купели, все ждемъ, чтобы ангелъ возмутилъ воду. Разслабленный не можетъ встать и пойти, но можетъ протянуть руки. Но если не можетъ и руки протянуть, можетъ поднять взоръ; если не можетъ и взора поднять, можетъ захотѣть это сдѣлать.

Захотимъ же сдѣлать — только тогда исцѣлитъ Христосъ нашу землю, больную красавицу.

ПОДЕНЩИКЪ ХРИСТОВЪ

I.

Говорить о христіанствѣ Л. Толстого въ нынѣшней «христіанской» Европѣ—почти то же, что говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго.

Недавній властитель думъ, Толстой, какъ-будто, вдругъ потерялъ всю свою власть,—какъ-будто, сталъ вдругъ весь некстати, ненуженъ, несовременен, несвоевремененъ; намъ нечего дѣлать съ нимъ, какъ, впрочемъ, и со всѣми мудрецами, учителями, пророками. Кажется, никогда еще не обнажалось такъ, какъ сейчасъ, безсиліе человѣческаго духа передъ бездушною силою матеріи: что бы люди духа ни говорили, ни думали, ни чувствовали, ни дѣлали,—отъ этого ничто не измѣнится. О всей духовной жизни человѣчества можно сказать въ наши дни: баба скачетъ задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.

И, можетъ быть, недаромъ посланъ былъ Толстой наканунѣ того, что въ наши дни совершается. «У меня были времена, когда чувствовалъ, что становлюсь проводникомъ воли Божіей»,—говоритъ онъ въ своемъ «Завѣщаніи». Проводникъ воли Божіей, предвѣстникъ, предтеча—гласъ вопіющаго въ пустынѣ: «Обратитесь, покайтесь. Уже сѣкира лежитъ при корнѣ дерева». Не обратились, не покаялись,—и совершилось то, что должно было совершиться. Сѣкира ударила, и огонь, въ которомъ сожжется дерево, уже пылаетъ.

Да, нечего грѣха таить, мы о Толстомъ забыли. Хотимъ вспомнить и не можемъ. Былъ—и нѣтъ его, а если даже

есть, то намъ почти не мѣшаетъ: не бревно, не сучокъ, а соринка въ глазу. И мы ее вынули,—рѣшили: великій художникъ, великій мудрецъ, великій праведникъ, но... Этихъ «но» такъ много, и такъ они извѣстны, что повторять не стоитъ.

Мы забыли о немъ; но вотъ онъ самъ напомнилъ о себѣ, да еще какъ! Немногіе повѣрятъ сейчасъ, что «Дневникъ» (1895—1899)—одно изъ сильнѣйшихъ произведеній его, если не самое сильное.

Книга «несовременная». Но время наше пройдетъ, пройдутъ вѣка, а это останется. И съ чѣмъ это сравнить въ вѣкахъ прошедшихъ? Съ Паскалемъ, Эпиктетомъ, Сократомъ, Маркомъ Авреліемъ? Нѣтъ, все не то. Кто пойметъ эту книгу, тому будетъ понятна и несравнимость, несоизмѣримость ея, небывалость, единственность.

У насъ вообще нѣтъ мѣры для Толстого. Мы еще не знаемъ, что онъ такое. Стоя у подошвы горы, нельзя видѣть ея вершину; по истокамъ рѣки нельзя судить объ ея разливѣ. Толстой растетъ на нашихъ глазахъ, и во что онъ выростетъ, мы еще не вѣдаемъ.

Трудно понять «Дневникъ», потому что онъ слишкомъ простъ. Намъ кажется, что мудрое темно и сложно; а оно просто и ясно. «Все то, что глубоко, то ясно. Какъ вода, которая бываетъ мутна на поверхности, а чѣмъ глубже, тѣмъ прозрачнѣе»,—говоритъ Толстой. Прозрачное—невидимое. Въ «Дневникѣ» эта невидимость.

Скучная книга, — скажетъ читатель со спокойною совѣстью.

Но у кого «горятъ змѣи сердечной угрызенья», тотъ пусть лучше не заглядываетъ въ эту книгу: тамъ соль на раны.

Да это вовсе и не книга, не разговоръ съ читателемъ, а разговоръ съ самимъ собою и съ Богомъ,—чуть слышный шопотъ. Но онъ сильнѣе громовъ: умолкнутъ громы, а то, о чемъ этотъ шопотъ, не умолкнетъ во вѣки вѣковъ.

Это или совсѣмъ не дѣйствуетъ, или такъ, какъ ни одна изъ книгъ. Этого нельзя читать безнаказанно: прочелъ—позабылъ. Можетъ быть, и забудется, но въ самую страшную минуту жизни, въ минуту смерти, вспомнится.

Не книга, а смертный приговоръ читателю. Тотъ «свитокъ,—

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ,—

который будетъ читать каждый изъ насъ «въ день гнѣва, въ день оный, когда и праведникъ едва спасется».

II.

Вообще Толстой насъ противъ шерсти гладитъ, а здѣсь, въ «Дневникѣ», особенно.

Книга о смерти. А мы смерти знать не хотимъ. Не знаютъ смерти боги и звѣри. Но, вѣдь, мы не боги...

— Когда ты перестанешь мнѣ твердить объ этой гадости!—прерывалъ Соболевскій Пушкина, когда тотъ говорилъ ему о смерти.

— Прощайте. Увидимся, если не *шалимг*,—говорила одна старушка XVIII вѣка.

Смерть—«гадость», смерть—«шалость», смерть—«случай». Казалось-бы, наоборотъ: все случайно, кромѣ смерти.

Тутъ между Толстымъ и нами противорѣчіе безысходное: или мы въ здравомъ умѣ, а онъ сумасшедшій, или мы сумасшедшіе, а онъ въ здравомъ умѣ.

«*Е. б. ж.*»—«если буду живъ,—такъ заканчиваетъ онъ запись прошедшаго дня, выставляя впередъ число слѣдующаго, и это лучше всего выражаетъ то состояніе душевно-тѣлесное (да, не только душевное, но и тѣлесное—въ этомъ главное), въ которомъ писался «Дневникъ». «Если буду живъ»—означаетъ условность, сомнительность, призрачность жизни и безусловность, несомнѣнность, дѣй-

ствительность не смерти, а того, что намъ, живымъ, кажется смертью.

Наполеонъ думалъ, что люди умираютъ только тогда, когда сами этого хотятъ, конечно, безсознательно. У Толстого эта безсознательная воля къ смерти становится сознательной.

Намъ кажется, что смерть есть то, что съ нами *дѣлается*; Толстой знаетъ, что смерть есть то, что мы сами съ собою *дѣлаемъ*. «Умирать постоянно готовишься, и это—*дѣло*... Учишься получше умирать». Смерть—наука, смерть—искусство. Человѣкъ — художникъ, творецъ не только своей жизни, но и своей смерти.

«...Лежалъ, засыпая; вдругъ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. Подумалъ: такъ приходитъ смерть отъ разрыва сердца, и остался спокоенъ,—ни огорченія, ни радости, но блаженно спокоенъ; здѣсь ли, тамъ ли,—я знаю, что мнѣ хорошо,—то, что должно,—какъ ребенокъ на рукахъ матери, подкинувшей его, не перестаетъ радостно улыбаться, зная, что онъ въ ея любящихъ рукахъ».

«...Вчера, потушивъ свѣчу, сталъ щупать спички и не нашелъ, и нашла жутость. «А умирать собираешься? Что-жъ, умирать тоже будешь со спичками?»—сказалъ я себѣ, и тотчасъ же увидалъ настоящую свою жизнь въ темнотѣ и успокоился... То, что было страхомъ, стало успокоеніемъ».

«...Страшный чирей на щекѣ. Я думалъ, что ракъ, и радъ, что не очень непріятно было думать это: получаю новое назначеніе,—то, которое, во всякомъ случаѣ, не минуетъ меня».

Чирей, страхъ темноты, боль въ сердцѣ,—это все въ тѣлѣ. Сначала въ тѣлѣ, а потомъ въ душѣ. Отъ тѣлеснаго къ душевному,—таковъ путь Толстого—и здѣсь, въ религіи, какъ тамъ, въ искусствѣ. Намъ казалось, что Толстой, религіозный мыслитель, измѣняетъ художнику. Ничуть не бывало: онъ до конца остается тѣмъ, чѣмъ былъ всегда—великимъ реалистомъ, тайновидцемъ плоти

или, вѣрнѣе, того, что соединяетъ духъ съ плотью, той промежуточной области между тѣломъ и душою, которую апостолъ Павелъ называетъ «тѣломъ душевнымъ». Никакой идеальности, отвлеченности; все реально, тѣлесно, чувственно, опытно.

«Недавно я испытывалъ чувство—*не то что разсужденіе, а чувство*,—что все матеріальное, и я самъ съ своимъ тѣломъ есть только мое представленіе, есть произведеніе моего духа, и что *есть* только мой духъ».

Не разсужденіе, а чувство, не мысль, а опытъ, не идеализмъ, а реализмъ—въ этомъ главное.

«Я вижу въ зеркалѣ человѣка, слышу его голосъ и вполнѣ увѣренъ, что это настоящій человѣкъ; но подхожу, хочу взять его за руку и ощупываю стекло зеркала и вижу свой обманъ. То же должно происходить съ умирающимъ человѣкомъ: нарождается новое чувство, которое открываетъ ему обманъ признанія собою своего тѣла и всего того, что черезъ посредство чувствъ этого тѣла признавалось существующимъ».

Кантъ изслѣдуетъ оптическіе законы, по которымъ предметы отражаются въ зеркалѣ («трансцедентальная эстетика»); Толстой ощупываетъ стекло зеркала: въ этомъ отличіе философскаго мышленія отъ религіознаго опыта.

Безсмертіе—вѣчная жизнь не только тамъ, за гробомъ, когда-нибудь, но и здѣсь, на землѣ, сейчасъ, — таковъ реализмъ этого опыта. «Чтобы вѣрить въ безсмертіе, надо жить безсмертною жизнью *здѣсь*». Смерть есть «перенесеніе себя изъ жизни мірской въ жизнь вѣчную *здѣсь, теперь*, которое я испытываю». Не мыслю, а испытываю,— въ этомъ опять главное.

Умеръ — «преставился», какъ говорятъ христіане. Жизнь—«представленіе»; смерть—«преставленіе», переставленіе, перемѣна декорацій, переходъ изъ одной сцены въ другую. «Въ моментъ перехода видно, что то, что мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представленія къ другому.

Во время этого перехода видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность».

Если охотничій нюхъ дяди Ерошки, влюбленность Анны Карениной, материнство Китти—«самая настоящая реальность», то, можетъ быть, и это чувство безсмертія—тоже? Мы вѣримъ великому реалисту Толстому въ жизни; почему бы не вѣрить ему и въ смерти? Не обманулъ насъ тамъ,—не обманетъ и здѣсь.

Кто обманываетъ, тотъ убѣждаетъ, доказываетъ; а онъ ни въ чемъ не убѣждаетъ, ничего не доказываетъ, — только показываетъ.

Нельзя доказать, но можно «испытать» безсмертіе еще здѣсь, на землѣ. Такой опытъ—«Дневникъ».

Человѣкъ что-то держитъ въ рукахъ; мы не видимъ, *что*,—но по тому, *какъ* держитъ, видимъ, что есть что-то, какъ бы осязаемъ, ощупываемъ. Въ «Дневникѣ»—такое осязаніе безсмертія.

Скрученные пальцы чувствуютъ два хлѣбныхъ шарика, а глазъ видитъ, что шарикъ одинъ; такъ умирающій чувствуетъ жизнь и смерть, а видитъ одно—безсмертіе.

«Вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти вовѣкъ»,—это въ «Дневникѣ» совершается во-очію: умирающій перестаетъ видѣть смерть.

Толстовскій «опытъ безсмертія» есть въ сущности не что иное, какъ самый подлинный опытъ христіанской святости.

Тутъ, несмотря на всѣ свои отступленія отъ церкви, Толстой церковенъ и даже православенъ до мозга костей.

Вѣдь, и опытъ христіанской святости—опытъ не только духовный, но и тѣлесный, не только метафизика, но и физіологія,—физіологія, углубленная до метафизики.

Тутъ можетъ быть одна только разница—въ большей утонченности и обостренности, сознательности опыта. Вносить свѣтъ сознанія въ самыя темныя глубины безсознательнаго, видѣть въ нихъ то, чего никто не видитъ, помнить то, чего никто не помнитъ,—эта особенность Тол-

стовскаго генія художественнаго сохраняется и здѣсь, въ религіи. Цѣлые міры, солнца—въ безконечно-малыхъ дробяхъ, атомахъ чувства.

«На колѣняхъ перевернулся разрѣзной ножъ отъ тяжести, и мнѣ показалось, что это живое, и я вздрогнулъ. Отчего? Оттого, что ко всему живому есть обязательства, и я испугался, что, не исполняя ихъ, я раздавилъ, прижалъ живое существо».

Естественное чувство языческое—страхъ или брезгливость за себя, за свое тѣло, страхъ чужого тѣла неизвѣстнаго; естественное чувство христіанское—страхъ за чужое тѣло.

Здѣсь атомъ чувства, но въ атомѣ—солнце: начало того, что можетъ быть высшимъ явленіемъ святости—«преображеніемъ плоти».

III.

Христіанство Толстого—древнее, вѣчное; но есть въ немъ и новизна небывалая.

Въ христіанской святости нѣтъ боли соціальнаго неравенства. Святой червяка не раздавитъ, цвѣтка не растопчетъ, а мимо вопіющихъ страданій человѣческаго рабства и бѣдности проходитъ безболѣзненно: всегда были, всегда будутъ рабы и нищіе; такъ отъ Бога положено: рабы, повинуйтесь; нищіе, терпите.

Но именно тутъ, гдѣ христіанская святость кончается, святость Толстого начинается.

«...Всю ночь не спалъ. Сердце болитъ не переставая... Помоги, Отецъ!—Вчера шелъ и встрѣтилъ 80-лѣтняго Акима, пашущимъ, Яремичеву бабу, у которой во дворѣ нѣтъ шубы и одинъ кафтанъ, потомъ Марью, у которой мужъ замерзъ, и некому рожь свозить, и моритъ ребенка; и Трофимъ и Халявка, и мужъ и жена, и дѣти ихъ. А мы Бетховена разбираемъ. И молился, чтобъ Онъ избавилъ меня отъ этой

жизни. И опять молюсь, кричу отъ боли. Запутался, завязъ, самъ не могу, но ненавижу себя и свою жизнь».

Онъ весь—воплощенное угрызенiе соцiальной совѣсти, воплощенная боль соцiальнаго неравенства. «Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!» — только теперь, по «Дневнику», мы поняли, что значитъ этотъ страшный крикъ.

Въ мысляхъ суживалъ свое христiанство, понималъ его по-старому, церковному, какъ только личное. Но въ чувствахъ и больше всего именно въ этомъ чувствѣ соцiальной боли—расширялъ до безпредѣльности, дѣлалъ христiанство такимъ общественнымъ, какимъ оно никогда еще не было. Вѣдь, соцiальная боль и есть новая святая, религiозная боль человѣчества. И если христiанство къ ней безчувственно, то правы тѣ, кто утверждаетъ, что оно кончено. Что это не такъ, что можно прiобщить христiанство къ этой боли,—Толстой показалъ, какъ еще никто никогда не показывалъ.

IV.

Судить человѣка въ религiи надо не по тому, что онъ говоритъ и думаетъ, а по тому, чѣмъ онъ живетъ и что дѣлаетъ. Мысль—поверхность, иногда ложная; воля — всегда истинная глубина религiи.

Во всѣхъ своихъ религiозныхъ писанiяхъ Толстой кажется «рацiоналистомъ». Но до какой степени рацiонализмъ для него несуществененъ, поверхностенъ,—видно по «Дневнику».

«Разумъ данъ не на то, чтобы познать, что надо любить: этого онъ не покажетъ; а только на то, чтобы указать, чего не надо любить». Нельзя точнѣе опредѣлить религiозную условность разума. Недостаточность, ограниченность всѣхъ построенiй умственныхъ вообще и своихъ особенно видитъ онъ яснѣе, чѣмъ кто-либо. «Запутался». «Глупо».—«Вотъ такъ чепуха!» — то и дѣло прибавляетъ

послѣ каждой высказанной мысли и не смущается: знаетъ, что тамъ, гдѣ потухаетъ мысль, загорается воля — единственно доступная людямъ, возможность религіозной истины.

Законъ мысли—логическая послѣдовательность, «да» или «нѣтъ»; законъ религіозной воли — метафизическая противорѣчивость, антиномичность,—«да» и «нѣтъ» вмѣстѣ. Чѣмъ религіознѣе, тѣмъ противорѣчивѣе.

Если-бы Толстой былъ послѣдователенъ, онъ не чувствовалъ бы соціальной боли, такъ же какъ не чувствуютъ ея христіанскіе святые. Вѣдь, эта боль есть только часть всей той «поганой плоти», которую онъ хотѣлъ бы уничтожить: «Отецъ, покори, изгони, уничтожь поганую плоть». Всю плоть, со всѣми болями и съ болью соціальною тоже. Такъ—въ логикѣ, въ мысли, но въ религіозной жизни и волѣ не такъ. Всею своею жизнью и волею Толстой принимаетъ это самое острое и огненное жало плоти,—муку соціальнаго неравенства. Тутъ конецъ логики, начало религіи.

Для мысли его есть одна только правда—умираніе, ухожденіе изъ плоти. Для воли его это только одна изъ двухъ правдъ.

«Ѣхалъ мимо закутъ. Вспомнилъ ночи, которыя я проводилъ тамъ, и молодость, и красоту Дуняши (я никогда не былъ въ связи съ нéю), сильное женское тѣло ея. Гдѣ оно?»

Да, гдѣ? Если тамъ же, гдѣ и вся «поганая плоть», то и спрашивать не о чемъ.

«Еще думалъ нынче-же совсѣмъ неожиданно о прелести,—именно прелести,—зарождающейся любви... Это—въ родѣ того, какъ пахнувшій вдругъ запахъ липы или начинающая падать тѣнь отъ мѣсяца». Да, «совсѣмъ неожиданно», нелогично, непослѣдовательно. «Глупо».—«Запутался».—«Вотъ такъ чепуха!» Глупо для христіанина, старца Акима, а для дяди Ерошки, язычника — мудро. Можетъ быть, сильное женское тѣло Дуняши, зарождаю-

щаяся любовь, запахъ липы, тѣнь отъ мѣсяца—не «поганая» а невинная, чистая, «святая плоть»?

«Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего, кромѣ черной земли,—ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника (репья). Три отростка: одинъ сломанъ, и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью черной,—стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ, и серединкѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата... Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля, хоть какъ-нибудь, да отстоялъ ее».

Погубить душу свою, отдать жизнь—свято; но вотъ и «отстаивать жизнь до послѣдняго» — тоже свято. Двѣ святости, какъ-бы два потока — оттуда сюда, изъ того міра въ этотъ—рожденіе, вхожденіе; и отсюда туда, изъ этого міра въ тотъ—умираніе, ухожденіе. Два потока и оба одинаково божественны. Не какъ уничтожить одну святость другою, а какъ соединить обѣ,—вотъ въ чемъ вопросъ. Этого Толстой не видитъ, но этимъ только и живетъ.

V.

«Видѣлъ во снѣ, что думаю, говорю, что все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать усиліе, то самое, что сказано въ Евангеліи: «Царство Божіе усиліемъ берется»... Все хорошее, все настоящее совершается усиліями... Усиліе важнѣе всего».

Вся жизнь и смерть его—одно усиліе безконечное. Изнемогаетъ, падаетъ. «Нѣтъ отдыха ни на чемъ почти».— «Невыразимая тоска... Сейчасъ молился и ужаснулся тому, какъ низко я упалъ».—«Мало вѣрю въ Бога».—«Общая отчаянность».—«Опять все по-старому; опять такъ же гадка моя жизнь»... «Хочется плакать надъ собой, надъ напрасно

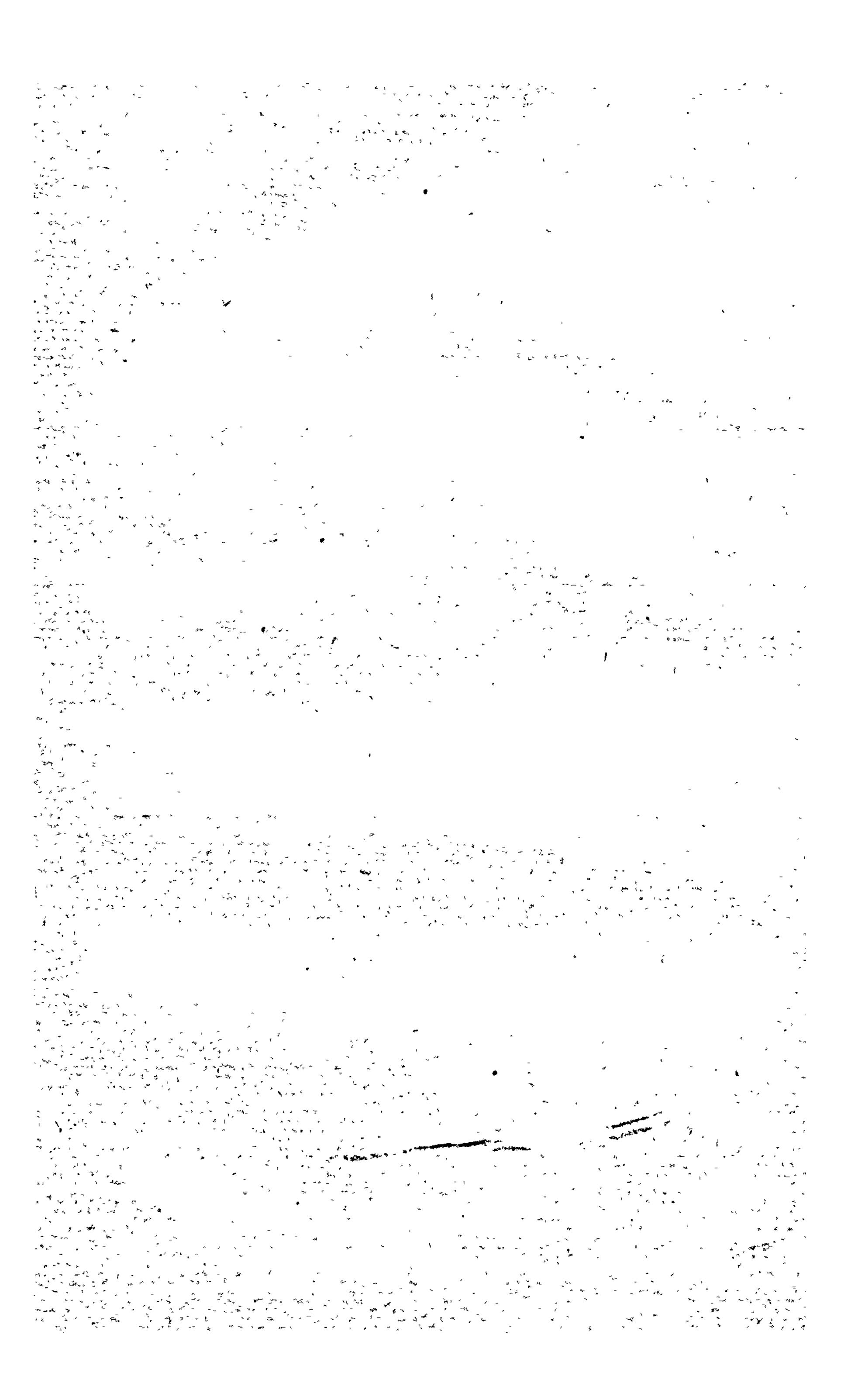
губимымъ остаткомъ жизни». Падаетъ и подымается, лѣзетъ, карабкается на страшную голую кручу, самъ голый и страшный, какъ дядя Ерошка или тотъ мужичокъ изъ бреда Анны Карениной, который въ желѣзѣ копается: «Il faut le battre, le broyer, le petrir».

У насъ тѣло, какъ дымъ; у него — какъ желѣзо. У насъ корни, какъ у луковки; у него—какъ у дуба. Чтобы вырвать ихъ, выкорчевать, какое нужно усиліе!

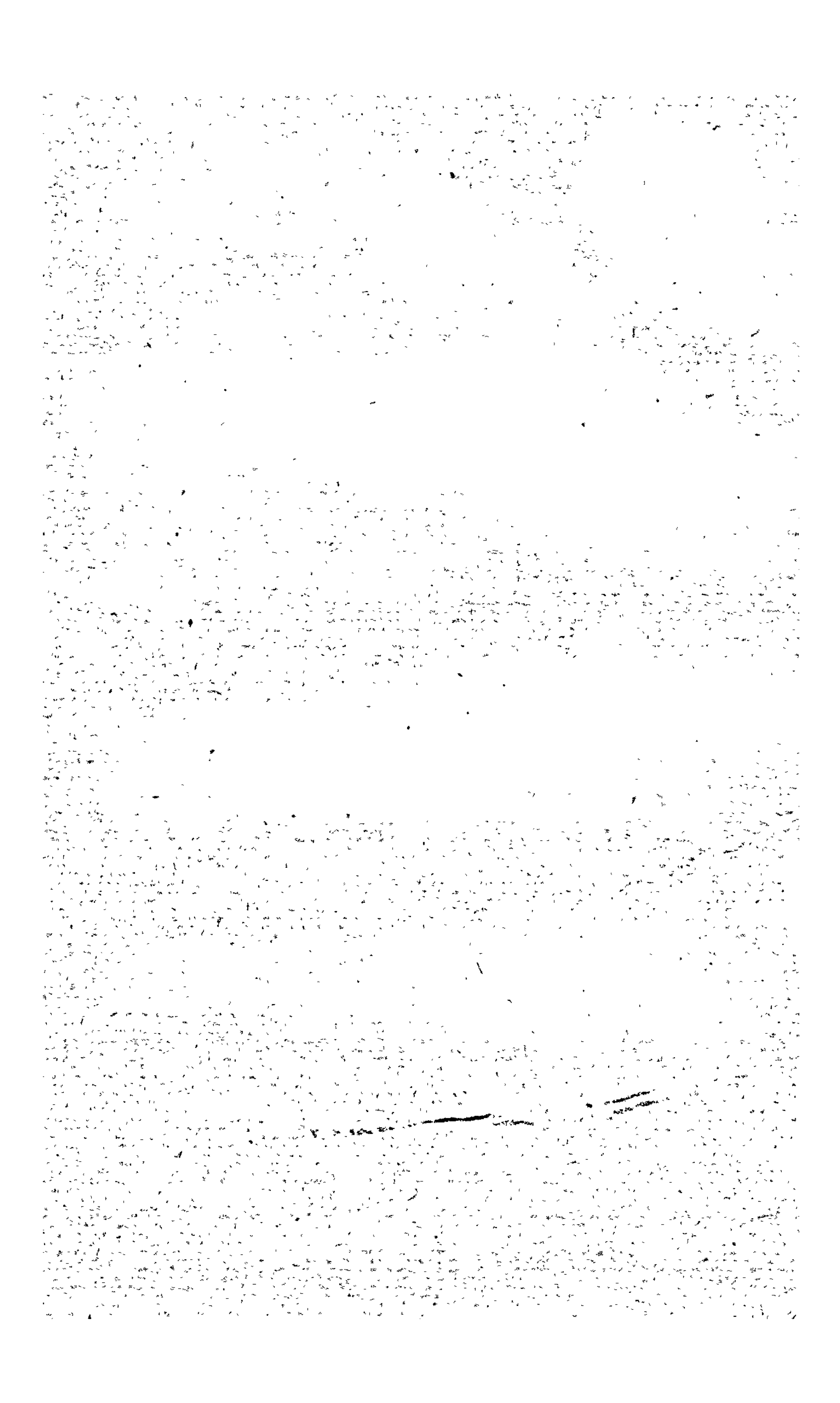
Да, если кто-нибудь восхищалъ Царство Божіе усиліемъ, то это—онъ.

«Трудна работа Господня!»—говорилъ Вл. Соловьевъ, умирая. Можно, сказать, что Толстой всю жизнь умиралъ и работалъ работу Господню.

Не святой, не пророкъ, не учитель, а рабочій, чернорабочій, поденщикъ Христовъ.

РАСПЯТЫЙ НАРОДЪ.

«Настанетъ день, о, народы Европы, когда каждая изъ мыслей вашихъ откроется, какъ открывается глазъ, и когда всѣ ваши мысли, какъ открытые глаза, прикуются къ кровавому образу Народа Распятаго». Это говоритъ Мицкевичъ о Польшѣ въ своей книгѣ «Славяне»—курсѣ лекцій, читанныхъ въ парижскомъ университетѣ, въ 1842—1844 годахъ. Книга эта вышла недавно новымъ изданіемъ (Adam Mickiewicz, «Les Slaves», Paris 1914).

Книга странная, менѣе всего похожая на «курсъ лекцій». Тутъ, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ предисловія, Мицкевичъ уже не поэтъ, не мыслитель, не ученый, а «пророкъ Божій, Исайя или Іезекіиль новыхъ временъ».

Онъ не столько читаетъ лекціи, сколько молится, плачетъ, благовѣствуетъ, проповѣдуетъ, священнодѣйствуетъ. Когда всходитъ на каѳедру, самъ не знаетъ, что скажетъ: далъ обѣтъ Богу не обдумывать заранѣе. Плохо говоритъ по-французски, но французамъ-слушателямъ кажется, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ, какъ на своемъ. Обладаетъ тѣмъ «даромъ языковъ», которымъ обладали апостолы.

«Хотя бы мнѣ пришлось оскорбить привычки моей аудиторіи, хотя бы мнѣ пришлось кончить криками,—я не побоюсь кричать. Не отъ меня будутъ эти крики,—я рѣшилъ собою жертвовать,—а изъ сердца великаго народа. Изъ глубины всѣхъ его преданій, пройдя сквозь душу мою, упадутъ они среди васъ, какъ стрѣлы, дымящіяся потомъ и кровью».—«И развѣ бы я могъ говорить съ вами такъ, если бы не чувствовалъ за собою силу, не отъ людей идущую?...»—«Я провозглашаю себя предъ лицомъ неба жи-

вымъ свидѣтелемъ новаго откровенія и беру на себя смѣлость требовать, чтобы тѣ изъ поляковъ и французовъ, которые находятся здѣсь и знаютъ объ этомъ откровеніи, отвѣтили мнѣ: существуетъ ли оно? да или нѣтъ?» Въ неописанномъ волненіи слушатели встаютъ и, подымая руки, отвѣчаютъ: «Да!»

Герценъ издѣвался надъ Мицкевичемъ: «мистическимъ бредомъ, болѣзнью, сумасшествіемъ» казались ему эти лекціи. Герценъ не понялъ Мицкевича такъ же, какъ впослѣдствіи русскіе люди не поняли Гоголя, Л. Толстого и Достоевскаго.

Не поняли свои—чужіе поняли. «Со времени пророковъ Сіонскихъ не раздавалось такого голоса», — говоритъ Жоржъ-Зандъ. «На нашихъ глазахъ произошло небывалое... съ той поры освятилась каѳедра парижскаго университета»,—говоритъ Мишлэ объ этихъ лекціяхъ.

Семьдесятъ лѣтъ книга пролежала подъ спудомъ, забытая, закрытая, запечатанная семью печатями. И вотъ только теперь, когда на нашихъ глазахъ исполняются пророчества, когда шопотъ ихъ повторяется голосами громовъ,—мы начинаемъ понимать, что это не «бредъ сумасшедшаго». О, если бы мы раньше поняли!

«Я испытываю леденящій ужасъ за Европу»... Угроза новаго нашествія варваровъ—Атиллы, Чингисхана, Тамерлана—тяготѣетъ надъ нею. Туча, чреватая бурями, ожидаетъ только манія Божьяго, чтобы разразиться надъ преступными народами».

И вотъ только теперь, когда туча разразилась,—семь печатей сорвано, книга передъ нами раскрыта, мы ее читаемъ,—и каждая строка огнемъ и кровью наливается. И, какъ всегда бываетъ при исполненіи пророчества, пророкъ болѣе правъ, чѣмъ думалъ самъ.

Главная мысль книги заключается въ томъ, что предстоитъ великая борьба двухъ человѣчествъ, двухъ Европъ,

двухъ культуръ. Прометей, похититель небеснаго огня,— прообразъ культуры подлинной, живого знанія, откровенія— *интуиціи*; Прометей—создатель человѣка. Эпиметей, подражатель брата своего,—прообразъ культуры мнимой, мертваго знанія, бездушной механики—отвлеченнаго *раціонализма*; Эпиметей—«создатель обезьяны».

Интуиція—даръ славянскаго и французскаго, какъ говоритъ Мицкевичъ, или, какъ мы теперь сказали бы, англо-романскаго племени. «Интуиція—познаніе, исходящее не отъ мысли, не отъ внѣшнихъ предметовъ, а изъ внутреннихъ глубинъ духа» Intuitio—intus itio—вхожденіе во внутрь себя, внутренній опытъ, внутреннее зрѣніе, «ясновидѣніе». «Интуитивный методъ познанія—религіозное возвышеніе духа».—«Это не новость для васъ,—обращается Мицкевичъ къ своимъ французскимъ слушателямъ,—это самая глубокая сущность вашего генія, интуитивнаго по-преимуществу. Интуиція—легкость схватыванія того, что приноситъ каждый мигъ, и того, что можно извлечь изъ каждаго мига, составляетъ творческую непосредственность (spontanéité) французскаго генія».—«Въ этой-то области интуиціи, вдохновенія (enthousiasme) Славянство будетъ понято грядущею Франціею».

Интуитивный геній Франціи создалъ революцію и Наполеонову имперію—начало современной культуры. Раціональный геній Германіи создалъ реакцію и Прусскую монархію, начало современнаго культурнаго варварства.

Предстоитъ великая война Прометея съ Эпиметеемъ, человѣка съ обезьяною, истинной культуры съ культурнымъ варварствомъ, Славянскаго и Англо-Романскаго племени съ Германскимъ.

Германскій раціонализмъ, искажающій самое лицо Европы, изсушающій самые родники культурнаго творчества, есть крайній выводъ изъ протестантизма, а протестантизмъ въ свою очередь—крайній выводъ изъ того *религіознаго индивидуализма,* который коренится въ метафизикѣ всего историческаго христіанства. Религіозный индивидуализмъ утвер-

ждаетъ религію, какъ «частное дѣло» (Privatsache) и отрицаетъ ее, какъ дѣло общее, «соборное», «церковное». Но все историческое христіанство отъ религіознаго индивидуализма беззащитно. *«Еванѣеліе, воспринятое только личностью, не вошло въ общественную жизнь народовъ».* Метафизическое существо церкви—существо, отрѣшенное отъ міра, аскетическое, монашеское, созѣрцательное. «Церкви дѣятельной вовсе не было».

Каково нынѣшнее состояніе церкви? Чѣмъ она вліяетъ на людскія дѣла, на общественность, на политику, на великія движенія народовъ? «Народы страдали, народы шли крестнымъ путемъ, народы пріобщились къ тайнамъ и надеждамъ, которыхъ церковь не можетъ раздѣлить, не можетъ понять». Церковь остановилась, а человѣчество продолжало итти впередъ. «Болѣе, ‚чѣмъ когда-либо‘ нуждалось оно въ помощи свыше; но напрасно искало ея въ церкви: она не могла ее дать, потому, что сама лишилась ея, перестала сообщаться съ небомъ».

Никогда еще народы не были такъ одиноки, покинуты, духовно разрознены, какъ въ наши дни. Донынѣ союзы народовъ и государствъ основывались только на внѣшнихъ, матеріальныхъ выгодахъ. Но всегда ли будетъ такъ? Въ личной жизни соединяетъ людей внутренняя правда духовная. И если человѣчество не отречется отъ христіанства окончательно, не исторгнетъ его изъ души своей, то и народы будутъ призваны къ соединенію, основанному на той же правдѣ внутренней. А такъ какъ церковь остается бездѣйственной или даже противится этому призванію, то сами народы исполнятъ его. Христіанство, образовавъ частичные союзы, отдѣльныя государства, должно сдѣлать новое усиліе, чтобы соединить ихъ въ высшій союзъ всечеловѣческій.

Но для этого усилья должно совершиться въ самомъ христіанствѣ «новое откровеніе» (nouvelle revélation) «новый взрывъ Слова» (nouvelle explosion du Verbe),— «третій взрывъ», тотъ самый, который предсказанъ въ

Апокалипсисѣ. Было два откровенія—Отца и Сына,—будетъ третье откровеніе Духа.

«Безчисленные легіоны воиновъ Христовыхъ идутъ въ Римъ и пройдутъ черезъ Римъ, и оружіемъ своимъ поддержатъ падающій куполъ Св. Петра... Это оружіе—духъ народовъ... Великіе народы и великіе люди Европы никогда не переставали служить грядущей Церкви Вселенской».

Всѣ, кто отвергнутъ старою церковью, кто страдаетъ и ожидаетъ, суть воины Христовы, которыхъ Онъ призоветъ, чтобы установить царство Свое на землѣ. Политическіе мученики, солдаты, умирающіе на поляхъ сраженій,—ближе ко Христу, чѣмъ всѣ богословы и сановники церкви.

Въ народѣ таится сѣмя Церкви Будущей; но всякой преждевременной, только человѣческой попыткѣ сдвинуть его народъ неодолимо противится. «Міръ ожидаетъ въ безмолвіи знаменія свыше; это такое же безмолвіе, какъ то, которое было на Голгоѳѣ, въ часъ распятія».

Славянское племя—«Каріатида» всемірной исторіи, несущая всѣ ея тяжести. «Умирающій Гладіаторъ», вѣчная жертва—изъ всѣхъ «распятыхъ народовъ» распятый по преимуществу. «Неизмѣримъ на картѣ,—ничтоженъ въ судьбахъ міра». Но особый знакъ на немъ—знакъ *ожиданія.* И если всѣ другіе народы предчувствуютъ всемірный переворотъ, то у Славянъ предчувствіе это сильнѣе, чѣмъ у кого-либо.

Западная Европа вообще и Франція въ особенности приняла или хотѣла принять *христіанство, какъ дѣйствіе,* и, принявъ его, тотчасъ же приложила къ вопросамъ общественнымъ. Вотъ почему духъ Франціи—духъ революціонный по-преимуществу. Славяне, принявъ *христіанство, какъ созерцаніе,* умѣли только страдать и терпѣть.

За эту религіозную бездѣйственность казнили ихъ сначала татары, потомъ русская историческая государственность, которая говорила народу: «Будь распятъ, терпи и

смиряйся, какъ терпѣлъ и смирялся Христосъ,—и спасешь душу свою».

Но кто страдалъ отъ христіанства созерцательнаго больше всѣхъ, тотъ раньше всѣхъ пойметъ, что оно неполно. «Славяне должны *восполнить христіанство*; они призваны къ откровеніямъ послѣдующимъ (révélations successives)». И если вообще христіанству суждено зажечь «пламя дѣйственное» (flamme active), то Славяне должны распространить это пламя въ человѣчествѣ, сдѣлаться орудіемъ для «христіанства развивающагося» (christianisme développé).

Славяне—«словене»—народъ Слова, ставшаго Плотью. Съ нихъ-то и начнется «третій взрывъ» Слова,—Апокалипсисъ—откровеніе Духа.

Почему же Польскій народъ ближе всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ къ истинѣ? Потому что есть одинъ только путь къ истинѣ—путь крестный, а что Польскій народъ шелъ самымъ крестнымъ изъ крестныхъ путей,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Послѣ паденія Польши, духъ ея ссредоточился въ самомъ себѣ съ такою силою, что не было ей равной со временъ политическаго паденія Израиля. Восходя отъ скорби къ скорби, Польскій народъ соединился съ Богомъ своимъ, который былъ на землѣ «человѣкомъ скорбей». Почти ничего на землѣ не имѣющій, расчлененный, стертый съ карты Европы, изгнанный, блуждающій, онъ сдѣлался «народомъ Божьимъ», «новымъ Израилемъ».

Польша—искупительная жертва за все человѣчество, «распятый народъ».

Что-же такое въ послѣднемъ счетѣ эти два племени—Славянское и Латинское—самое религіозно-страдательное и самое религіозно-дѣятельное? «Два полюса единой силы, двѣ руки единаго генія». Двѣ руки титана Прометея, которыя соединяются, чтобы обнять и одолѣть въ послѣдней

борьбѣ Эпиметея, двойника и «обезьяну» человѣчества. Это и значитъ: племена Славянское и Англо-Романское соединяются для борьбы съ Германскимъ племенемъ.

«Генію Франціи, генію всѣхъ, кто не усомнился и не отчаялся въ будущемъ, мы обѣщаемъ, что въ Славянахъ найдутъ они поддержку, помощь и орудіе. Пусть же смотрятъ они на Славянъ, какъ на воинство того Слова, которымъ создается новый порядокъ вещей».—«Мы, Славяне, ничего не сдѣлаемъ безъ Франціи (безъ Европейскаго Запада). Но и Франція (Западъ) ничего не сдѣлаетъ безъ Христа. *Нашъ союзъ можетъ быть основанъ только на Христѣ*».

Такъ при свѣтѣ этой пророческой книги, какъ при внезапномъ блескѣ молніи, открывается религіозный смыслъ великой войны. Эта война есть казнь за два отступленія отъ Христа—за религіозный *индивидуализмъ*, съ его предѣломъ—«человѣкобожествомъ», и за религіозный *націонализмъ*, съ его предѣломъ—«народобожествомъ».

Какъ силенъ соблазнъ этихъ двухъ отступленій, видно на догматическихъ ошибкахъ самого Мицкевича. То единый народъ (Польшу), то единую личность (Наполеона, Товянскаго) дѣлаетъ онъ или едва не дѣлаетъ новымъ воплощеніемъ, богоявленіемъ Духа. Но если первое богоявленіе—Отчее—совершалось въ единомъ народѣ (Израилѣ), второе — Сыновнее — въ единой личности (Христѣ), то третье богоявленіе—Духа—совершится уже не въ народѣ и не въ личности, а въ человѣчествѣ.

Муки великой войны—муки великихъ родовъ: нынѣ человѣчество рождается. И если родится живой младенецъ, а не мертвый выкидышъ, то человѣчество будетъ Богочеловѣчествомъ.

Книга Мицкевича обращена не только къ Европѣ, но и къ Россіи. Онъ сознаетъ «ожесточенную борьбу двухъ непримиримыхъ идей—русской и польской». Между 1830 и 1848 годомъ эта непримиримость была слишкомъ ясна. И все-таки: «Мы, поляки, не питаемъ ненависти къ Россіи». Дорого стоили Мицкевичу эти слова . . . .

«Оба народа дѣйствовали въ противоположныхъ направленіяхъ; но есть высшая точка, въ которой они могутъ соединиться». Эта высшая точка Славянство, какъ явленіе религіозно-всемірное.

Какъ бы ни страдалъ русскій народъ,—польскій все-таки страдаетъ больше, и если страданіе источникъ познанія, то и больше знаетъ: намъ есть чему у него поучиться.

Истинный пророкъ Славянства, какъ явленія религіозно-всемірнаго,—не Л. Толстой и Достоевскій, а Мицкевичъ.

У Л. Толстого—вмѣсто религіознаго утвержденія и преодолѣнія, голое отрицаніе народности; «международность», «космополитизмъ»—вмѣсто всемірности.

У Достоевскаго—всемірность двусмысленная: быть русскимъ значитъ быть «всечеловѣкомъ»; но и обратно: быть «всечеловѣкомъ», значитъ быть русскимъ. И если «не будучи православнымъ, нельзя быть русскимъ», то нельзя быть и «всечеловѣкомъ», потому что православіе, по Достоевскому,—*уже* христіанство вселенское, а слѣдовательно, всѣ церкви и всѣ народы, только отрекшись отъ самихъ себя, могутъ пріобщиться къ православной русской «вселенскости». Но вѣдь, пожалуй, и германцы отъ такого «всечеловѣчества» не отказались-бы. «Панславизмъ» Достоевскаго такъ же какъ всѣхъ русскихъ славянофиловъ,—«пангерманизмъ», перелицованный, переведенный на русскій языкъ.

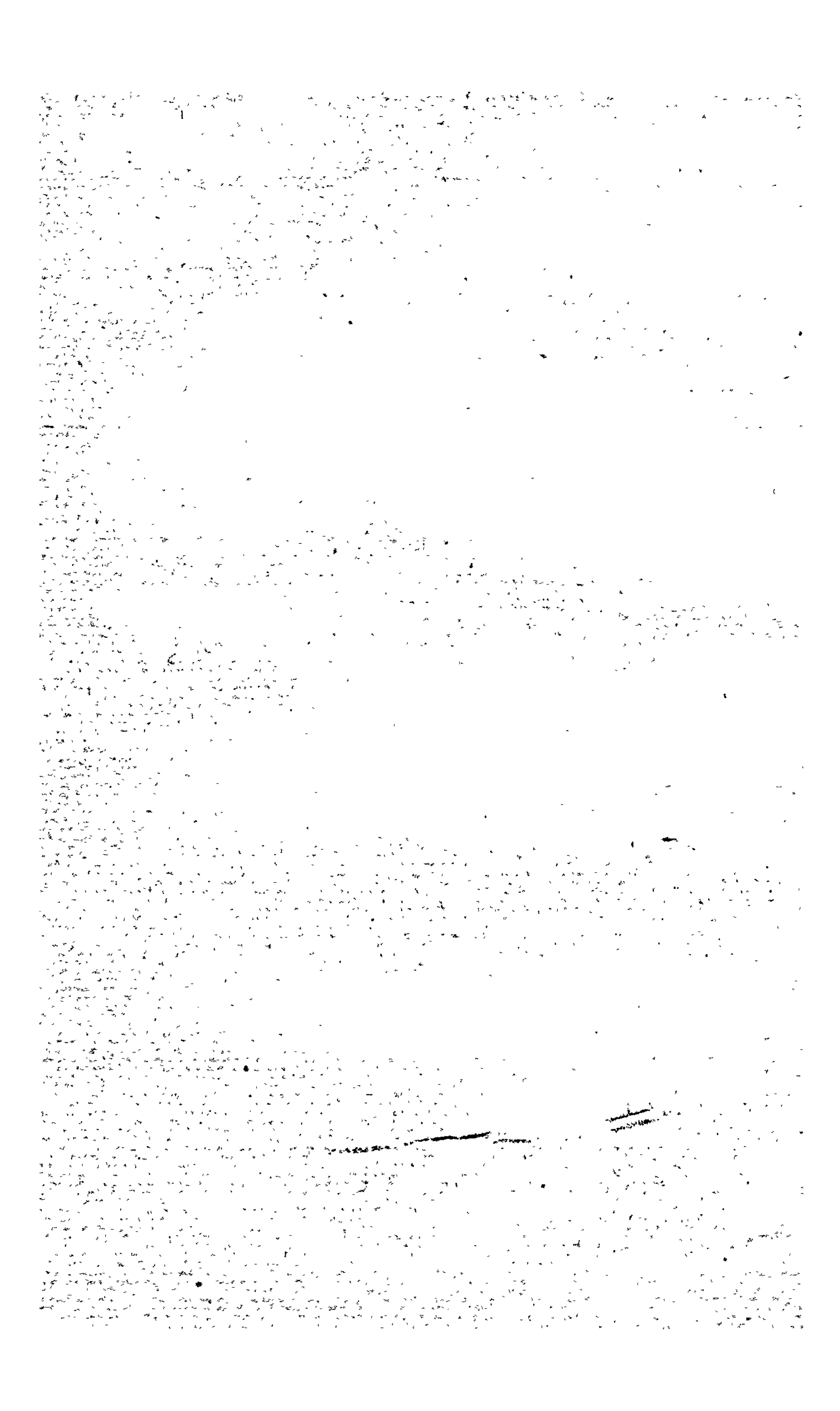
Мицкевичъ понялъ то, чего не понималъ Л. Толстой,—что всемірность не «космополитизмъ», не голое отрицаніе, а высшее религіозное утвержденіе и преодолѣніе народности. Понялъ и то, чего не понималъ Достоевскій,—что историческое христіанство еще не вселенское, что необходимъ новый «третій взрывъ Слова», «откровеніе Духа» для Церкви Грядущей, основы «всечеловѣчества».

Поразительно сходство главной религіозной мысли Мицкевича съ такъ называемымъ русскимъ «богоискательствомъ». Тутъ, однако, нѣтъ заимствованій: русскіе «богоискатели» такъ-же мало знали о Мицкевичѣ, какъ онъ—

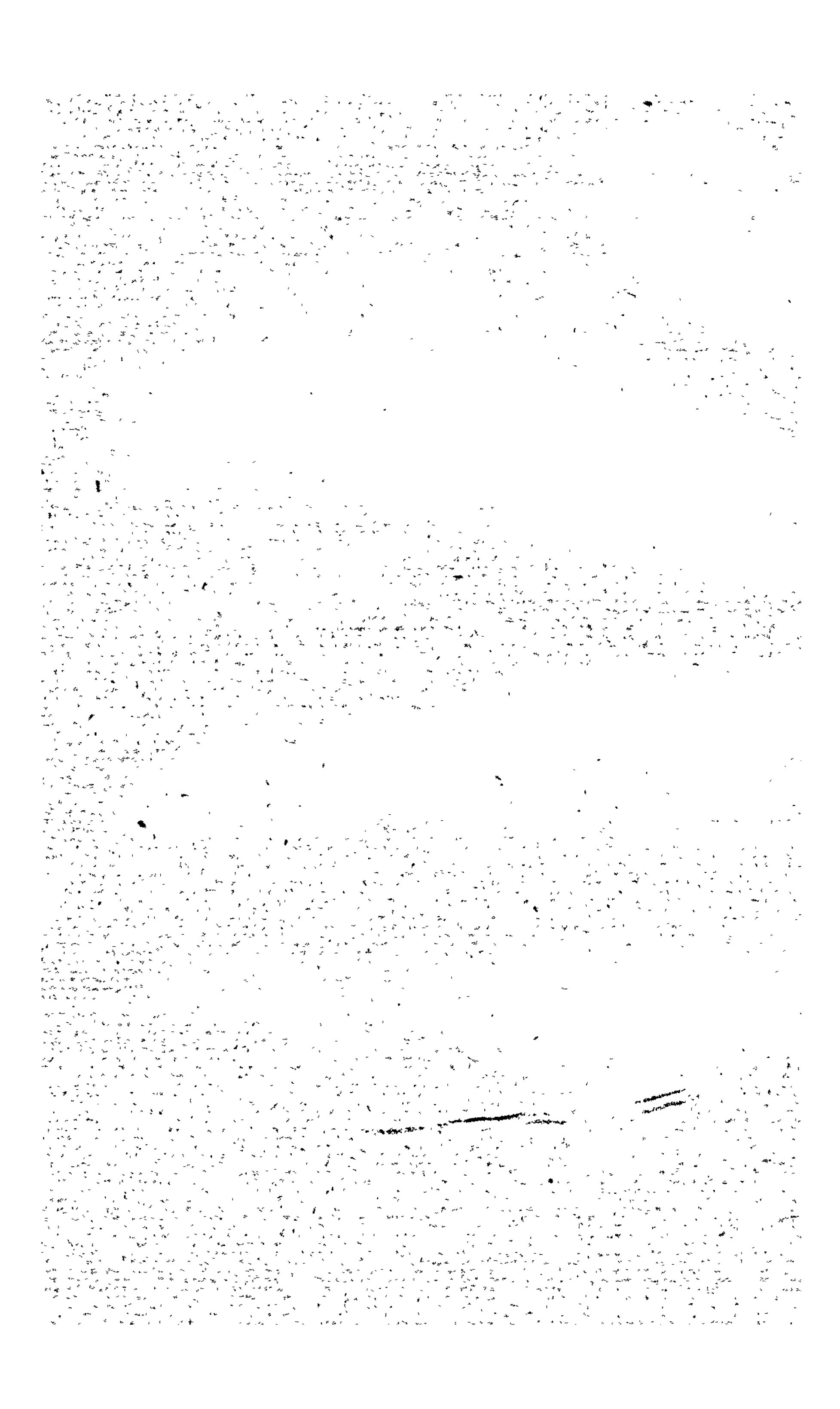
о нихъ. Тутъ встрѣча нежданная: съ разныхъ концовъ міра, по тѣмъ же звѣздамъ, пришли они въ ту же страну.

«Настанетъ день, о, народы Европы, когда каждая изъ мыслей вашихъ откроется, какъ открывается глазъ, и когда всѣ ваши мысли прикуются навѣки къ кровавому образу Народа Распятаго».

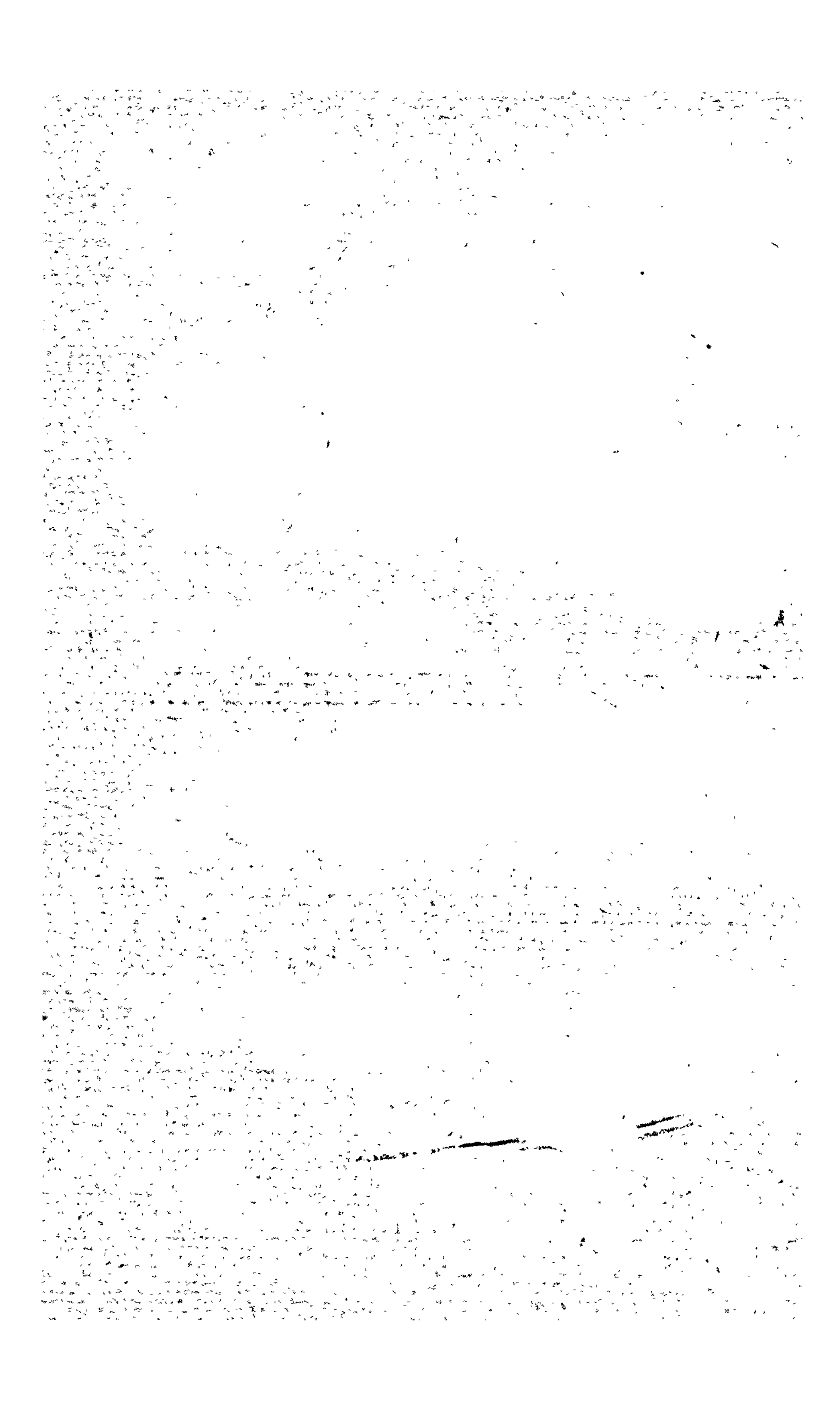
Много сейчасъ распятыхъ народовъ. Но только тогда, когда всѣ они соединятся въ одно распятое человѣчество,— оно воскреснетъ такъ же, какъ Распятый Человѣкъ воскресъ.

ПОЭТЪ ВѢЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

ПОЭТЪ ВѢЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

Тургеневъ забытъ, ненуженъ, ничтоженъ по сравненію съ Л. Толстымъ и Достоевскимъ. Такова еще робкая, не сказанная, но уже у многихъ шевелящаяся мысль.

Такъ ли это? Не вспомнимъ ли мы о Тургеневѣ? Не вернемся ли къ нему?

Можетъ быть, не простая случайность, что именно въ наши дни, столь не тургеневскіе, вышла замѣчательная книга о Тургеневѣ («Сборникъ», изд. «Тургеневскимъ Кружкомъ» слушательницъ Пет-скихъ Высшихъ Женскихъ курсовъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова.—«Новыя страницы, неизданная переписка, воспоминанія, библіографія»).

«Мы лѣнивы и нелюбопытны». За треть столѣтія какими только пустяками не занимались, а мимо такого явленія русскаго духа, какъ Тургеневъ, прошли безъ вниманія: ни одного научнаго изслѣдованія, критическаго изданія, исчерпывающей біографіи, ни даже полнаго собранія писемъ. Мы проглядѣли Тургенева. Скоро умрутъ всѣ, кто видѣлъ живое лицо его, и мы почти ничего не узнали отъ нихъ. А что мы знаемъ о писателѣ? Кое-что сказано о Л. Толстомъ и Достоевскомъ, а о Тургеневѣ, кромѣ общихъ мѣстъ, ничего. Да, мы лѣнивы и нелюбопытны.

Но вотъ, наконецъ, этотъ «Сборникъ».

Можетъ быть, не простая случайность и то, что именно женскія руки впервые съ любовью коснулись пѣвца женщинъ по преимуществу.

Но тутъ произошло что-то странное, почти жуткое: любящія женскія руки, совлекая нечаянно саванъ, чистый покровъ забвенія, открыли наготу покойника.

— Что они со мною дѣлаютъ!—ужаснулся бы живой Тургеневъ, если бы увидѣлъ себя въ такомъ обнаженіи.

Но если бы увидѣлъ и то, какъ мы смотримъ на него, обнаженнаго, то, можетъ быть, понялъ бы, что ужасаться нечему, что не мертвый саванъ славы или забвенія (они такъ схожи), а живая любовь наша къ нему покрываетъ его наготу.

Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Тургеневъ въ этой книгѣ даже не черненькій, а сѣренькій, какъ та уродливая куколка, пустая кожица, изъ которой вылетѣла бабочка. Тамъ, въ его созданіяхъ, или гдѣ-то надъ ними бьются бѣлыя крылья безсмертной Психеи, а здѣсь только ея оболочка смертная.

И неужели этотъ сѣренькій, маленькій—онъ? Да онъ. Чему мы удивляемся? Или не знаемъ, что такова судьба поэта, что «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ»?

«Онъ малъ, какъ мы; онъ мерзокъ, какъ мы». Нѣтъ, будемъ помнить, что «онъ малъ и мерзокъ не такъ, какъ мы,—иначе»; глядя на куколку, будемъ помнить о бабочкѣ.

Кое-что мы и раньше слышали о человѣческой малости Тургенева.

«Тургеневъ занималъ меня разговоромъ о своей поѣздкѣ за-границу и однажды разсказалъ о пожарѣ на пароходѣ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Штетина, причемъ, не потерявъ присутствія духа, успокаивалъ плачущихъ женщинъ и ободрялъ ихъ мужей, обезумѣвшихъ отъ паники... Я уже слышала объ этой катастрофѣ отъ одного знакомаго, который тоже былъ пассажиромъ на этомъ пароходѣ; между прочимъ, знакомый разсказалъ мнѣ, какъ одинъ молоденькій пассажиръ былъ наказанъ капитаномъ парохода за то, что онъ, когда спустили лодку, чтобы первыхъ свезти съ горѣвшаго парохода женщинъ и дѣтей, толкалъ ихъ, желая сѣсть раньше всѣхъ въ лодку, причемъ жалобно восклицалъ:

— «Mourir si jeune!»

Этотъ пассажиръ оказался Тургеневымъ («Воспоминанія» А. Я. Головачевой-Панаевой, 1824—1870).

Мы слышали объ этомъ и не повѣрили. Но вотъ, послѣ письма Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, напечатаннаго въ «Сборникѣ»,—уже нельзя не вѣрить.

...«Почему могли замѣтить *на пароходѣ* однѣ твои ламентаціи?.. Слухи всюду доходятъ!—и мнѣ уже многіе говорили къ большому моему неудовольствію... Ce gros monsieur Tourguéneff qui se lamentait tant, qui disait mourir si jeune... Какая-то Толстая... Голицына... И еще, и еще... Тамъ дамы были, матери семействъ.—Почему же о тебѣ разсказываютъ? Что ты gros monsieur—не твоя вина. Но ты трусилъ, когда другіе въ тогдашнемъ страхѣ могли замѣтить... Это оставило на тебѣ пятно, ежели не безчестное, то ридикюльное».

Кто знаетъ себя въ смертномъ страхѣ? Кто посмѣетъ судить другого въ этомъ страхѣ? Не то скверно, что Тургеневъ испугался до потери сознанія, а то, что онъ потомъ лгалъ такъ безсовѣстно.

— «Когда вы, Тургеневъ, перестанете быть Хлестаковымъ? Это возмутительно... Стыдно и больно мнѣ за васъ! упрекалъ его Бѣлинскій». (Головачева-Панаева).

Не лучше исторія съ «Өетисткою», дворовою дѣвушкою, горничной одной изъ дальнихъ родственницъ Тургенева. Влюбившись въ эту дѣвушку до того, что, какъ потомъ самъ признавался, «готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями», онъ выторговалъ ее у хозяйки за 700 рублей (цѣна неимовѣрная,—дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50), сдѣлалъ ее своею возлюбленной, а когда она ему наскучила, выдалъ ее за маленькаго петербургскаго чиновника. Но черезъ двѣнадцать лѣтъ Өетистка тайкомъ отъ мужа пробралась въ Спасское, чтобъ только «посмотрѣть на своего барина». Онъ поигралъ съ нею, а она отдала ему свою душу. Тогда же, послѣ свиданія съ нею, Тургеневъ писалъ своему другу, И. И. Маслову:

...«Отъѣзжавъ отъ меня въ 53 г., она была беременна, и у ней въ Москвѣ родился сынъ Иванъ, котораго она отдала въ воспитательный домъ. Я имѣю достаточныя причины предполагать, что этотъ сынъ не отъ меня; однако, съ увѣренностью ручаться за это не могу. Онъ, пожалуй, можетъ быть мое произведеніе.—Иванъ попалъ въ деревню къ мужику, которому былъ отданъ на прокормленіе... Голова у этой Ѳеоктисты слабая... Если этотъ Иванъ живъ и отыщется, то я-бъ готовъ былъ помѣстить его въ ремесленную школу—и платить за него... Мужъ ни о чемъ не знаетъ—вѣрнѣе, онъ очень смирный и порядочный человѣкъ».

Тутъ опять не то самое скверное, что «печальникъ» народной доли» и пѣвецъ женской прелести поступаетъ съ женщиной, какъ съ рабою, и съ живымъ человѣкомъ, какъ съ вещью, а то, что совѣсть его при этомъ такъ спокойна. «Я готовъ платить». Чего же болѣе? Все просто, все ясно. Холодная ясность ума, холодная сухость сердца.

«Ты эгоистъ изо всѣхъ эгоистовъ. Пророчу тебѣ—ты не будешь любимъ женою.—Ты не умѣешь любить, т. е. ты будешь любить не жену, не женщину, а свое удовольствіе».

Это пророчество матери только отчасти исполнилось: онъ, дѣйствительно, не былъ любимъ, но любилъ—и не «свое удовольствіе». Очаровательная женщина «съ некрасивымъ длиннымъ желтымъ лицомъ, съ крупною нижнею челюстью, какъ у лошади», и съ очень крѣпкой головой, г-жа Віардо отомстила ему за Ѳетисткину «слабую голову».

— «Если бы она была ваша законная дочь, вы бы ее иначе воспитывали»—замѣтилъ Л. Н. Толстой, когда Тургеневъ началъ хвастать передъ нимъ воспитаніемъ своей незаконной дочери. «Тутъ ужъ я свѣта не взвидѣлъ, сказалъ ему что-то вродѣ того, что размозжу ему голову, хлопнулъ дверью и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты».

Толстой послалъ Тургеневу вызовъ, но потомъ извинился. «Онъ писалъ, что сознаетъ себя кругомъ виноватымъ, но

что, хотя онъ понимаетъ, насколько его чувство дурно, непростительно, онъ не можетъ себя побороть, что онъ меня ненавидитъ, что встрѣчаться со мной не въ состояніи, отъ дуэли же онъ отказывается и проситъ простить его... Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видались» («Сборникъ», Н. А. Островская, «Воспоминанія»).

Ненавидятъ другъ друга, а почему, за что—не знаютъ,— знаютъ только, что имъ нельзя встрѣчаться, дышать однимъ воздухомъ, быть въ одномъ мірѣ: бытіе одного исключаетъ бытіе другого. Это ненависть порядка нездѣшняго, трансцендентнаго. Не только ненавидятъ другъ друга физически, какъ двѣ стихіи—огонь и вода, но отрицаютъ метафизически, какъ двѣ антиноміи.

Тургеневъ такъ до конца и не понялъ Толстого. Когда умолялъ его въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ (1883) «вернуться къ литературной дѣятельности», онъ понималъ его, можетъ быть, меньше, чѣмъ когда хотѣлъ «размозжить ему голову». Совѣтъ Толстому вернуться къ литературѣ— все равно что совѣтъ рѣкѣ, впадающей въ море, вернуться къ источнику, или яблонѣ, отягченной плодами, опять зацвѣсти по-весеннему: хорошо, что Толстой не послушался и далъ намъ все, что могъ дать,—и цвѣтъ, и плодъ.

Достоевскаго Тургеневъ также не понялъ,—отрицалъ и ненавидѣлъ метафизически. Что Достоевскій просто «сумасшедшій», онъ «нисколько не сомнѣвается» (Полонскому, 1871).—«Я заглянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковырянье» (Салтыкову, 1875). Сравниваетъ его съ маркизомъ де-Садомъ. «И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка» (Салтыкову, 1882).

Не понимаетъ великихъ русскихъ писателей, потому что не понимаетъ въ самой Россіи чего-то главнаго.

«Я больше надѣюсь на Францію, чѣмъ на Россію, гдѣ съ каждымъ днемъ... расплывается какой-то мерзкій кисель»

(Салтыкову, 1876).—«Все это (русское) возбудило во мнѣ чувство гадливости, доходящее до омерзѣнія» (Кн. А. И. Урусову, 1880).—«Остается только краснѣть за себя, за свою родину, свой народъ—и молчать» (Е. Я. Колбасину, 1882).

Измѣна родинѣ, измѣна матери (она его любитъ: «моя жизнь отъ тебя зависитъ... какъ нитка въ иголкѣ,—куда иголка, туда и нитка»,—а онъ ее отталкиваетъ), измѣна другу (Некрасову: онъ оскорбляетъ его, какъ только человѣкъ можетъ оскорбить человѣка), измѣна женщинѣ, измѣна себѣ самому — своему слову, послѣдней святынѣ поэта. Никакой твердости, крѣпости, потому что никакой воли. «Содержаніе безъ воли», какъ онъ самъ себя опредѣляетъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, людьми 40-хъ годовъ. Содержаніе безъ воли—тѣло безъ костей. «Я оказался расплывчатымъ»...—«Я несчастнѣйшій человѣкъ... Меня надо высѣчь за мой слабый характеръ!» Да, слабый, мягкій, жидкій, текучій, измѣнчивый, волнообразный, какъ стихія водная—стихія женская.

Такимъ «уродился», ибо это—конечно, «уродство»,— уродство генія. Геній—внутри себя—высшій ладъ, строй, чудо гармоніи, а извнѣ—уродство, чудовищность, односторонность, однобокость, роскошь въ одномъ и нищета во всемъ остальномъ. Геній, какъ евангельскій купецъ, продаетъ все свое имѣніе, чтобы купить одну жемчужину. Такая жемчужина Тургенева—*вѣчная женственность.*

Всей мужественной половины міра онъ почти не видитъ, зато женственную—видитъ такъ, какъ никто.

Тутъ уже нѣтъ противорѣчія между человѣкомъ и художникомъ, куколкой и бабочкой. Тутъ вершины духа связаны съ корнями плоти и крови.

«...Ma chère fille, ma Jeannette!.. О, точно, точно, Vous êtes ma favorite. Тс... ради Бога, чтобы этого кто не услышалъ!» (В. П. Тургенева, 1838).

Никто не долженъ слышать объ этомъ, потому что это—*физіологически* тайное, скрытое, стыдное,—то чего нельзя обнажать какъ наготу пола.

Душа женщины—въ тѣлѣ мужчины. Въ сѣдомъ старикѣ-исполинѣ, Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ—маленькая Жанетта, четырнадцатилѣтняя дѣвочка.

У него «тоненькій голосъ, что очень поражаетъ при такомъ большомъ ростѣ и плотномъ тѣлосложеніи» (Головачева-Панаева). Этимъ смѣшнымъ тоненькимъ «бабьимъ» голосомъ плакалъ онъ: «mourir si jeune!»—но имъ же спѣлъ пѣснь, которой міръ не забудетъ,—«Пѣснь торжествующей любви»—гимнъ Вѣчной Женственности.

Женственное прекрасно въ женщинѣ, а въ мужчинѣ кажется «бабьимъ», слабымъ, лживымъ, предательскимъ, подлымъ,—тѣмъ, за что порой «убить мало».

Онъ «свой братъ» женщинамъ,—и онѣ это чувствуютъ и влекутся къ нему, но до извѣстной черты: онъ слишкомъ соотвѣтственъ, параллеленъ женщинѣ, чтобы пересѣчься съ нею въ одной точкѣ, соединиться окончательно: близокъ, неразлученъ, но несоединимъ, несліяненъ. Отсюда безнадежная любовь его къ Віардо, такая смѣшная, «ридикюльная» и страшная. Тутъ великая мука, великая правда и совѣсть Тургенева, но тоже особая, женская.

Это въ жизни—это и въ творчествѣ.

Естество женское, отвѣка безгласное, едва-ли не впервые нашло свой голосъ въ Тургеневѣ. Можетъ быть, не только въ русской, но и во всемірной поэзіи нѣчто небывалое, единственное—тургеневскія женщины и дѣвушки.

Шекспиръ въ Дездемону, Гете въ Гретхенъ, Пушкинъ въ Татьяну проникаютъ проникновеніемъ художественнымъ, т. е. все-таки внѣшнимъ, мужскимъ; Тургеневу не нужно проникать въ женщину извнѣ: онъ видитъ ее изнутри. Это не о женщинѣ,—это сама женщина.

Кажется иногда, что и на своихъ героевъ-мужчинъ (вѣчныхъ жениховъ и любовниковъ) онъ смотритъ глазами женскими, влюбленъ въ нихъ, какъ женщина.

Если вѣрить Якову Бёму, Шеллингу и другимъ великимъ мистикамъ, существо природы—женское,—«Душа Міра». Не потому-ли Тургеневъ не изображаетъ, не «описываетъ»

природы, какъ другіе поэты, что видитъ ее не извнѣ, а изнутри, какъ женщину? Не онъ о ней говоритъ, а она сама о себѣ—черезъ него. У другихъ—любовь, у него—влюбленность въ природу.

Есть два полюса въ вѣчно-женственномъ: любовь-материнство и влюбленность-дѣвственность. Ихъ соединеніе — въ мірѣ божественныхъ сущностей—въ Дѣвѣ-Матери, а въ мірѣ явленій эти два начала противоборствуютъ другъ другу.

Шопенгауэръ ошибается, когда смѣшиваетъ половую чувственность, какъ «волю къ продолженію рода», съ влюбленностью: влюбленность есть *воля не къ роду, а къ личности*. Тутъ антиномія пола неразрѣшимая: безконечность рода—конецъ, смерть личности, и наоборотъ, безсмертіе личности—конецъ рода. Вѣдь только потому и нужна смѣна родовъ, поколѣній во времени, что совершеніе личности отмѣняется, переносится изъ рода въ родъ.

Кратчайшій и высшій мигъ влюбленности есть *утвержденіе абсолютной личности въ полѣ*. Влюбленность хочетъ брака, соединенія любящихъ, но иного брака, иного соединенія, чѣмъ то, которое можетъ дать обладаніе тѣлесное, и только изнемогая, измѣняя себѣ, падаетъ въ бракъ. «Счастливый бракъ»—конецъ влюбленности.

Влюбленность есть «нечаянная радость», неземная тайна земли, воспоминаніе души о томъ, что было съ нею до рожденія.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Что небесный звукъ влюбленности незамѣнимъ скучною пѣснею брака,—Тургеневъ знаетъ, какъ никто.

Лицо человѣка—сѣрая куколка, смертная личинка безсмертной бабочки—личности: надо умереть лицу, чтобы родилась личность. Вотъ почему у Тургенева погибаютъ всѣ влюбленные.

Мы изъ рода бѣдныхъ Азра,—
Полюбивъ, мы умираемъ.

Вотъ почему «первая любовь»—послѣдняя. Любовь требуетъ чуда, но не можетъ быть чуда въ порядкѣ естественномъ; не можетъ быть брака, утоленія, достиженія любви здѣсь на землѣ. И вотъ почему «пѣснь торжествующей любви»—пѣснь торжествующей смерти,—но и безсмертія,—«пѣснь пѣсней», та «музыка сферъ», которой «движутся солнце и другія звѣзды» (l'amor che muove il sol e l'altre stelle).

Христіанство есть откровеніе личности по преимуществу. И утвержденіе личности въ полѣ—влюбленность родилась вмѣстѣ съ христіанствомъ (Платоновскій «Эросъ»—лишь смутное предчувствіе христіанства въ самомъ язычествѣ).

Христіанская любовь есть влюбленность въ своемъ высшемъ, неземномъ предѣлѣ—преображеніе пола въ той же мѣрѣ, какъ преображеніе личности. Безполая «братская» любовь—ущербъ, угасаніе любви Христовой, а полнота ея, огненность—брачная: царствіе Божіе—«брачная вечеря», и входящіе въ него—«сыны чертога брачнаго».

«Я преимущественно реалистъ... ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты не вѣрю»,—говоритъ Тургеневъ (М. А. Милютиной, 1875). Такъ въ сознаніи, но не такъ въ волѣ, въ творчествѣ: тутъ проникаетъ онъ въ такія глубины религіознаго духа народнаго («Живыя мощи»), въ какія, можетъ быть, не проникали ни Л. Толстой, ни Достоевскій, ибо изъ этихъ глубинъ и возникаетъ творческая мысль Тургенева—вѣчная женственность.

Въ человѣчествѣ—обществѣ, такъ же какъ въ человѣкѣ—личности, борются два начала—мужское и женское. Ихъ сочетаніе—благо, ихъ раздѣленіе—зло. Мужское безъ женскаго—сила безъ любви, война безъ мира, огонь безъ влаги,—самумъ сжигающій.

Такой самумъ уже пронесся разъ надъ человѣчествомъ: дряхлое мужество Рима, юное мужество варваровъ едва не

погубили міръ. Тогда-то спасла его Вѣчная Женственность. Неземное видѣніе посѣтило «бѣднаго рыцаря».

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ,

Начало новыхъ временъ—возрожденіе древняго римскаго и юнаго варварскаго мужества. Если душа Среднихъ Вѣковъ—созерцательная, страдательная, женственная, то душа Современности—волевая, дѣятельная, мужественная: раціонализмъ, побѣда «чистаго разума» въ наукѣ, философіи, религіи, во всемъ культурномъ и общественномъ строительствѣ—побѣда мужского начала.

Но вотъ опять, какъ тогда, мужское безъ женскаго становится злымъ; опять сила безъ любви, война безъ мира, огонь безъ влаги—самумъ сжигающій; опять гибнетъ міръ отъ мужества.

Не должна ли опять спасти его Вѣчная Женственность?

Германо-романскій Западъ мужественъ, славяно-русскій Востокъ женственъ. Мы знаемъ о мірѣ то, чего другіе народы не знаютъ,—что *міръ есть миръ*—не война и ненависть, а вѣчная любовь, вѣчная женственность?

Но истинная женственность требуетъ мужества. Мужество есть и у насъ: тайная женственность—явное мужество.

Отъ Петра и Пушкина (потому что Пушкинъ—пѣвецъ Петра по преимуществу) къ Толстому и Достоевскому—титанамъ русской воли и русскаго разума—идетъ линія нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линія женственности—отъ Лермонтова къ Тургеневу: отъ Лермонтова, пѣвца Небесной Дѣвы Матери («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»...) черезъ Тютчева, пѣвца земной Возлюбленной («Ты, ты—мое земное Провидѣніе») и Некрасова, пѣвца земной Матери,—къ Тургеневу, уже не только русскому, но и всемірному поэту Вѣчной Женственности. И, можетъ быть, далѣе—отъ прошлаго къ будущему—отъ Тургенева поэта къ Вл. Соловьеву пророку, а отъ него и къ намъ.

Знайте же: вѣчная женственность нынѣ
Въ тѣлѣ безсмертномъ на землю идетъ.
Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини
Небо слилося съ пучиною водъ...
Гордые черти, вы все же мужчины,—
Съ женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорѣй!

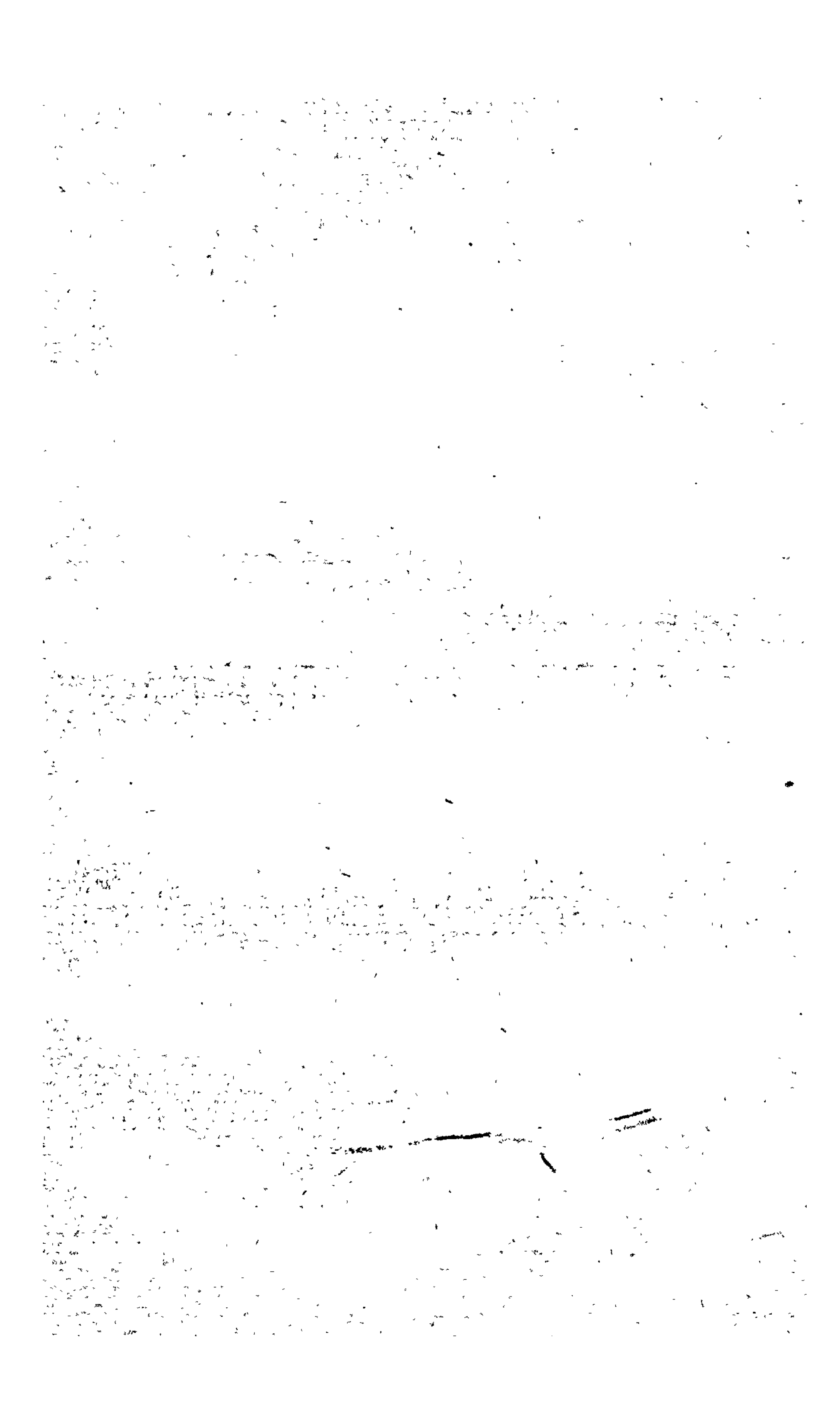
Нѣтъ, еще не такъ скоро сдадутся, но все же сдадутся когда-нибудь; исполнится когда-нибудь пророчество: *Сѣмя жены сотретъ главу змія.*

Въ наши дни, дни мужества неправаго и невѣчнаго, дни вражды нечеловѣческой и даже не звѣрской, а дьявольской, не пора-ли намъ вспомнить о вѣчной любви, о вѣчной женственности?

Ея пѣвецъ забытый—Тургеневъ. Если мы вспомнимъ о ней, то и о немъ.

Да, мы еще вернемся къ Тургеневу.

ЕЩЕ ШАГЪ ГРЯДУЩАГО ХАМА

Уйди отъ скандала. И если даже услышишь: «караулъ! помогите!»—уйди. Это не жертва скандала кричитъ, а онъ самъ. Уйди молча: для него единственная казнь—молчанiе.

Футуризмъ—скандалъ. Надо молча уйти отъ него. Если же говорить, то не о немъ самомъ, а о тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ о немъ говорить.

Какiя, въ самомъ дѣлѣ, причины, что мы попали въ скандалъ футуризма?

Всемiрное невѣжество газетной критики—одна изъ главныхъ, а также особенная русская рыхлость, мягкотѣлость, податливость. Всѣ на все готовы, и никто ничего не хочетъ, а футуристы *какъ будто* хотятъ чего-то.

Вотъ почему нигдѣ скандалъ футуризма не разразился съ такой непристойностью, какъ у насъ, въ Россiи. Кстати же совпалъ онъ и съ внезапно охватившей насъ жаждою лекцiй, пренiй, диспутовъ. Какъ будто вся Россiя сейчасъ—оружейная палата, гдѣ стучатъ молоты, новое оружiе куютъ, новую идеологiю. Ну, а что, если только языки стучатъ, а не молоты? Футуризмъ, кубизмъ, акмеизмъ, символизмъ, реализмъ,—какое-то бѣшенство «измовъ», кликушество. Достаточно первому шуту гороховому взойти на каѳедру съ лакейскою развязностью, чтобы всѣ рты разинули, уши развѣсили. «Ахъ, футуризмъ! Ахъ, кубизмъ! Ахъ, Маринетти!» Валомъ валятъ, жмутся, тѣснятся, какъ овцы безъ пастыря.

Пришелъ таборъ дикарей, шайка хулигановъ,—скандалитъ, безчинствуетъ,—и всѣ покоряются, подымаютъ «руки

вверхъ», какъ сидѣльцы въ лавкѣ, которую грабятъ экспропріаторы.

«Мы хотимъ прославить пощечину и ударъ кулака... войну, милитаризмъ, патріотизмъ, разрушительный жестъ анархистовъ... многоголосыя бури революціи... презрѣніе къ женщинѣ... Мы хотимъ истребить музеи, библіотеки... Пусть же придутъ поджигатели съ почернѣвшими пальцами!.. Вотъ они! Вотъ они! Подожгите же полки библіотекъ!.. Возьмитесь за лопаты и молоты! Сройте основанія славныхъ городовъ!» (*Манифестъ о футуризмѣ*, 1909).

Если это не безстыдная реклама, не «всеоглушающій звукъ надувательства», то просто ахинея, ибо нельзя же соединять патріотизмъ и милитаризмъ съ анархизмомъ, пощечину и ударъ кулака съ откровеніемъ новой истины.

Казалось бы такъ. Но вотъ оказывается, что «вся наша эпоха подъ знакомъ футуризма»; что это—«возрожденіе культурныхъ цѣнностей»; что «безсознательная религіозность, несомнѣнно, кроется въ футуризмѣ»; что «мы еще услышимъ отъ него новое слово». («Футуризмъ», Генрихъ Тестевенъ. Москва, 1914.).

Неизвѣстному критику весь этотъ вздоръ, пожалуй, извинителенъ. Но вотъ и просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ Струве и академичнѣйшій Валерій Брюсовъ—туда же! Въ «Русской Мысли», въ этомъ домѣ, отъ всѣхъ «бѣсовъ» очищенномъ, выметенномъ и убранномъ, развели они футуристскую нечисть и теперь сами не знаютъ, какъ съ нею справиться.

Бѣдный Брюсовъ! Онъ ли не хранилъ святого огня на алтарѣ искусства? И вотъ, когда святотатцы говорятъ ему: «надо плевать на алтарь искусства»,—Брюсову возразить нечего. Онъ ли не берегъ «великій русскій языкъ»? И вотъ, когда дикари или сумасшедшіе превратили этотъ языкъ въ нечленораздѣльный ревъ звѣриный,—Брюсову опять таки возразить нечего. Онъ пасъ футуристовъ, какъ пастухъ пасетъ овецъ; но овцы оказались волками, и волки съѣдятъ пастуха.

Что такое футуризмъ? Утвержденіе будущаго. Это не ново, ибо кто не утверждалъ и не утверждаетъ будущаго? Новизна футуризма начинается тамъ, гдѣ утвержденіе будущаго переходитъ въ отрицаніе прошлаго: чтобы создать то, что будетъ, надо уничтожить то, что было.

Такое противуположеніе будущаго прошлому отрицаетъ вѣчное, ибо вѣчное соединяетъ прошлое съ будущимъ: все, что было, и все, что будетъ, есть въ вѣчности.

Футуризмъ—мнимое утвержденіе будущаго, дѣйствительное утвержденіе *настоящаго*, т. е. ближайшаго прошлаго и ближайшаго будущаго, дѣйствительное отрицаніе вѣчнаго, т. е. отдаленнѣйшаго будущаго.

Футуризмъ—благословеніе сегодняшняго дня, поклоненіе существующему порядку вещей, «образу міра сего, преходящему»,—какъ вѣчному.

Да не будетъ того, что было; да не будетъ того, что будетъ,—да будетъ то, что есть. Футуризмъ называетъ себя «футуризмомъ« (отъ *futurum—будущее*), чтобы скрыть главную сущность свою—отрицаніе будущаго.

Душа настоящаго—позитивизмъ, какъ міросозерцаніе не научное, а религіозное (конечно, беззаконно и безсознательно религіозное). Но, вѣдь это и душа футуризма: обезцѣнить всѣ религіозныя цѣнности, уничтожить самое «чувство потусторонняго»—главный завѣтъ его, и едва ли не единственный—единственная правда, подлинность, искренность, а все остальное—ложь, реклама, «всеоглушающій звукъ надувательства».

Футуризмъ—позитивизмъ, слегка подновленный, подкрашенный, перелицованный.

«Позитивизмъ—міросозерцаніе механическое». И тутъ опять у футуризма и позитивизма сущность одна.

«Послѣ царства животнаго вотъ начинается царство механики... Весь міръ управляется, какъ огромная спираль Румкорфа... Разумъ царствуетъ вездѣ». Это съ одной стороны, а съ другой: «Поэты-футуристы! я научилъ васъ ненавидѣть библіотеки и музеи. Это для того, чтобы при-

готовить васъ *ненавидѣть разумъ*, пробудить въ васъ божественную интуицію». Разумъ отрицается, разумъ утверждается. Опять безсмыслица. Въ уничтоженіи библіотекъ не при чемъ разумъ; въ спирали Румкорфа не при чемъ интуиція.

Футуризмъ есть утвержденіе даже не механики, а «машинности», т. е. бездушности. Убійство Психеи, «души міра», «вѣчной женственности». Вотъ откуда «презрѣніе къ женщинѣ», «обезцѣненіе любви». Естественное зачатіе, материнство ненужно,—его замѣняетъ «размноженіе человѣка механическимъ путемъ».

Человѣкъ мечталъ царить надъ природою посредствомъ механики. Но вотъ мнимый царь становится рабомъ своихъ рабовъ. Футуризмъ—рабья пѣснь машинѣ, владычицѣ міра.

Органическое медленно, и чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ медленнѣе; механическое быстро, и чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ быстрѣе. Быстрота—красота машины. «Мы, футуристы, возвѣщаемъ, что міръ обогатился новой красотою—красотою скорости».

Но моментъ скорости только одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ движеніе даже съ точки зрѣнія механики: медленный ходъ колеса подъ нагруженной повозкой требуетъ большей силы, чѣмъ быстрое вращеніе того же колеса въ воздухѣ.

Это въ порядкѣ физическомъ, а въ духовномъ—тѣмъ болѣе. Тихое движеніе губъ въ улыбкѣ Джіоконды значительнѣе, чѣмъ громовое движеніе локомотива или мотора. Въ механикѣ цѣлой планетной системы нѣтъ ничего подобнаго движенію ростка изъ сѣмени.

Чтобы понять смыслъ движенія, надо знать не только, какъ скоро, но и *что* и *куда* движется.

Футуризмъ этого не хочетъ знать; ему все равно, что и куда, только бы скорѣе двигалось: стремглавъ—никуда. Мы скоро движемся, но можетъ быть, это—скорость камня, летящаго въ пропасть или сумасшедшаго, который изъ окна выпрыгнулъ.

Можетъ быть, движеніе наше на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ бѣлки въ колесѣ,—неподвижность въ движеніи. Китаецъ или Обломовъ на аэропланѣ—тотъ же китаецъ и тотъ же Обломовъ. И свинья, летящая въ лазури небесной,—та же свинья.

Новый матеріализмъ движенія ничѣмъ не лучше стараго матеріализма матеріи. «Автомобиль прекраснѣе, чѣмъ статуя Побѣды Самоѳракіи». Для кого? Для готтентота. Футуристъ—готтентотъ, голый дикарь въ котелкѣ.

Да, возможна *одичалость въ культурѣ.* Духовное вліяніе техники преувеличено. Человѣкъ страшно мало мѣняется. «Смертный» остается смертнымъ, т. е. животнымъ, познавшимъ смерть, въ свѣтѣ электричества, такъ же какъ въ свѣтѣ перваго огня «деревяннаго». Смерть непобѣдима никакою техникой. Знаніе смерти для смертнаго больше всѣхъ знаній.

Вглядитесь въ человѣческія лица, мелькающія въ современныхъ толпахъ большихъ городовъ: какое озвѣреніе! Одинокій на улицѣ Парижа или Лондона, какъ троглодитъ въ пещерѣ. Горилла, лѣсная звѣрушка, съ телеграфами, телефонами, аэропланами и броненосцами.

Образцы одичалыхъ культуръ—Вавилонъ, Ассирія, Римъ упадка. Сущность подлинныхъ культуръ — единомысліе, единодушіе: всѣ—одно; одно—во всѣхъ; сущность культуръ одичалыхъ—разъединеніе, уединеніе: каждый одинъ; индивидуализмъ торжествующій.

Еще недавно томились мы въ одиночествѣ:

Желалъ бы я не быть Валерій Брюсовъ...

Теперь уже не томимся, а торжествуемъ:

Я—геній, Игорь Сѣверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ...

Футуризмъ—индивидуализмъ торжествующій, индивидуализмъ безъ трагедіи. Глубины бытія трагичны. Отказъ отъ трагедіи—отказъ отъ глубинъ, утвержденіе плоскости, пошлости, «лакееобразности».

— «Нѣтъ, никогда я не былъ такимъ лакеемъ»— могъ бы сказать современный человѣкъ футуризму.

Исторія—движеніе во времени. Время глубже пространства. Тѣло движется въ пространствѣ, духъ—во времени; въ пространствѣ есть то, что есть; во времени—и то, что было, и то, что будетъ. Футуризмъ отрицаетъ движеніе во времени, исторію, потому что отрицаетъ глубины, утверждаетъ плоскость.

Недавно въ Японіи возникла новая торговля углемъ, добытымъ изъ человѣческихъ костей на поляхъ Манджуріи, «по 92 коп. за 100 цинъ». Кости перерабатываются въ порохъ и въ видѣ разрывныхъ снарядовъ вылетаютъ изъ жерла пушекъ. «Слава неукротимому пеплу человѣка, который оживаетъ внутри пушекъ!—восклицаетъ Маринетти.— Скорѣе: чтобы расчистить пути, упрячьте дорогихъ покойниковъ въ жерла пушекъ!».

Дикари пожираютъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Надругательство надъ прошлымъ, отрицаніе исторіи—сущность дикарства—сущность футуризма.

«Бояться людей—значитъ ихъ баловать». И сердиться на нихъ—значитъ ихъ баловать. Не стоитъ футуризма бояться, не стоитъ на него сердиться. Сегодня онъ есть, а завтра нѣтъ, пройдетъ, забудется и не вспомнится. Упадетъ и эта волна современности, какъ всѣ остальныя падали. Но отразилось въ ней то, что во всѣхъ отражается.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Зѣницы «Звѣря».—«Звѣря нужно поставить образцомъ»—объявляетъ футуризмъ. Да, если не къ Богу, то къ Звѣрю, потому что человѣкъ—равновѣсіе неустойчивое между Богомъ и Звѣремъ.

Самого Звѣря мы еще не видимъ,—видимъ только его отраженіе въ волнахъ современности. Волна за волной набѣгаетъ и падаетъ, а отраженіе остается; значитъ есть то, что отражается,—ликъ Звѣря.

«Кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?» Сами футуристы меньше всего думаютъ объ этомъ пророчествѣ,—тѣмъ изумительнѣе точнѣйшее совпаденіе признаковъ.

Силу электричества, какъ «единственную мать будущаго человѣчества», «ослѣпительное царство божественнаго электричества», — славитъ футуризмъ. Электричество — огонь грозовой, низведенный съ неба на землю. Но вотъ и Звѣрь Апокалипсиса «творитъ великія знаменія, такъ что и огонь низводитъ на землю съ неба».

«Мы готовимъ созданіе *механическаго человѣка*»,—объявляетъ футуризмъ. Механическій человѣкъ—автоматъ—«образъ Звѣря», ибо «Звѣря нужно поставить образцомъ» человѣку. Но вотъ и Звѣрь Апокалипсиса «обольщаетъ живущихъ на землѣ, чтобы они сдѣлали *образъ Звѣря*. И дано ему вложить духъ въ образъ Звѣря, чтобы образъ Звѣря говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу Звѣря». Отъ Бога—къ Звѣрю, отъ Звѣря—къ Автомату, механизму бездушному—таковъ путь нисхожденія, футуризмомъ начатый, но не имъ предсказанный.

Имъ же начато, но не имъ предсказано соединеніе «Блудницы» со «Звѣремъ», сладострастія съ жестокостью. «Развратъ есть сила... Надо обнажить похоть отъ всѣхъ покрововъ... Женщины, вернитесь къ жестокости, съ остервенѣніемъ нападайте на побѣжденныхъ, только потому, что они побѣжденные,—уродуйте ихъ... Та, которая слезами удерживаетъ мужчину у своихъ ногъ,—ниже проститутки, которая побуждаетъ своего любовника удерживать посредствомъ револьвера господство надъ подонками города». Это говоритъ футуристическая женщина. «Блудница со Звѣремъ»—проститутка съ хулиганомъ.—«На челѣ ея

написано имя: тайна, Вавилонъ Великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ». Вавилонъ—великій городъ современности, гдѣ царствуетъ проституція, обнаженная въ ослѣпительномъ свѣтѣ «божественнаго электричества», «упоенная кровью святыхъ, облеченная въ порфиру и багряницу, украшенная золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ»,—т. е. всѣми «культурными цѣнностями». Что это, видѣніе или реальнѣйшая дѣйствительность?

Да, футуризмъ въ искусствѣ ничтоженъ, но въ жизни страшно значителенъ. Это дѣйствительное откровеніе будущаго, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ самъ онъ думаетъ,— «апокалипсисъ» обратный и нечаянный.

Футуризмъ похожъ на будущее, какъ щенокъ на звѣря, червь на дракона: еще безсильный, беззубый, безкрылый, но тѣ мѣста уже чешутся, гдѣ выростутъ зубы и крылья. Зловѣщестрекочущій звукъ пропеллера, звукъ стальныхъ «драконьихъ» крылъ—пѣснь футуризма—дѣйствительная музыка будущаго.

«Апокалипсическій анекдотъ!»—хихикаетъ просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ Струве. Но не менѣе просвѣщенный Карлейль не хихикаетъ: «Вы непрестанно подвигаетесь къ концу земли,—говоритъ онъ со страшной серьезностью, — вы въ буквальномъ смыслѣ завершаете путь, шагъ за шагомъ, пока, наконецъ, не очутитесь на краю земли; пока не сдѣлаете послѣдняго шага уже не надъ землею, но въ воздухѣ, надъ глубинами океана и клокочущими безднами. Или, можетъ быть, законъ тяготѣнія пересталъ дѣйствовать?» (Past and Present, III, 2).

Чувство «конца», единственное подлинное чувство футуризма, хотя онъ и самъ не понимаетъ его, какъ слѣдуетъ.

«Мы—на крайней оконечности столѣтій... Пространство и время умерли вчера,—мы уже живемъ въ абсолютномъ... Стоя на вершинѣ міра, мы бросаемъ вызовъ звѣздамъ!»— восклицаетъ футуризмъ съ хлестаковской развязностью. Смѣшонъ «Хлестаковъ, залетѣвшій въ надзвѣздныя про-

странства»,—смѣшонъ, но, можетъ быть, и страшенъ. Это футуристское чувство конца ложно и подлинно, дѣйствительно и призрачно. Футуризмъ еще не конецъ, а только *проба конца*. Пусть и эта не удастся, какъ тысячи другихъ, но удастся одна изъ пробъ,—и тогда, просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ, «сдѣлавъ, наконецъ, послѣдній шагъ уже не надъ землею, а въ воздухѣ», вы хихикать перестанете...

Футуризмъ—позитивизмъ ближайшаго будущаго—казнь за позитивизмъ ближайшаго прошлаго. Сохранить культуру, уничтоживъ религію или сдѣлавъ ее одной изъ «культурныхъ цѣнностей» (золотомъ и жемчугомъ на тѣлѣ Блудницы),—такова мечта позитивизма. Но, что религія—душа культуры и что нельзя вынуть душу, не убивая тѣла,—это понялъ футуризмъ. Новый позитивизмъ лучше стараго.

Для обоихъ религія—«клерикальныя нечистоты, отъ которыхъ надо очистить землю».—«Но почему же вы топчетесь такъ? Васъ удерживаетъ ровъ, великій средневѣковый ровъ, который защищаетъ Соборъ? Ну, такъ сравняйте его съ землей, старики, бросьте туда тѣ сокровища, подъ тяжестью которыхъ гнутся ваши спины,—безсмертныя изваянія, гитары, залитыя луннымъ свѣтомъ, излюбленное оружіе предковъ, драгоцѣнные металлы... Что, ровъ еще слишкомъ глубокъ? Такъ бросьтесь же сами туда! Пусть ваши старыя тѣла, наваленныя кучею, приготовятъ путь для великой надежды будущаго. А вы, молодые, бодрые, пройдите по нимъ! Галопомъ, впередъ!».

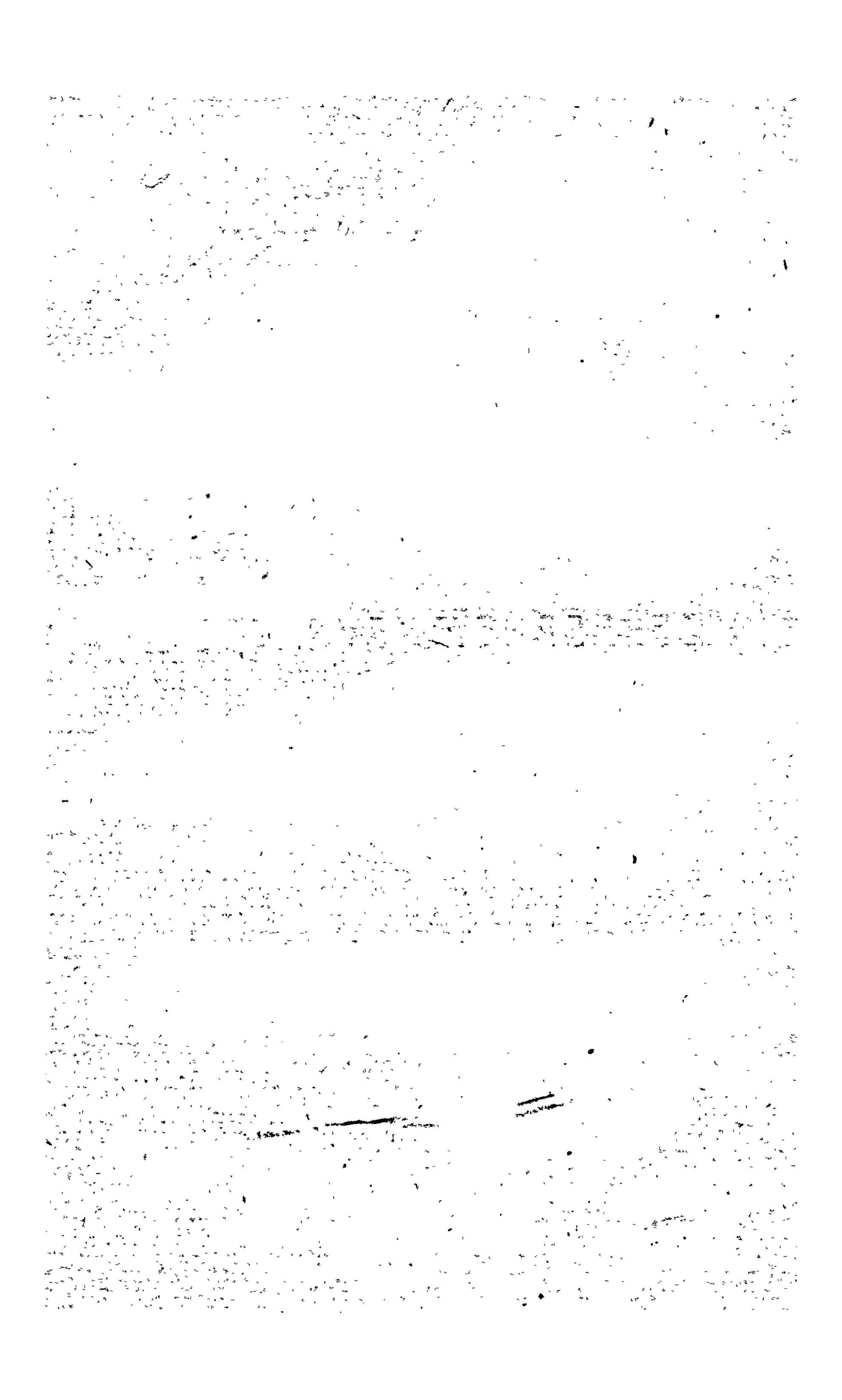
Просвѣщеннѣйшій Петръ Бернгардовичъ Струве, академичнѣйшій Валерій Брюсовъ, что вы на это скажете? Знаете ли, кто идетъ по вашимъ тѣламъ? Если еще не узнали, то скоро узнаете.

Футуризмъ—еще шагъ грядущаго Хама. Встрѣчайте же его, господа эстеты, академики, культурники! Вамъ отъ него не уйти никуда. Вы сами родили его: онъ вышелъ изъ васъ, какъ Ева изъ ребра Адамова. И не спасетъ васъ отъ

него никакая культура. Для кого Хамъ, а для васъ Царь. Что онъ захочетъ, то съ вами и сдѣлаетъ: наплюетъ вамъ въ глаза, а вы скажете: Божья роса. Кидайтесь же подъ ноги Хаму Грядущему!

Что такое «хамъ»? Рабъ на царствѣ. Безъ Царя Христа не побѣдить Хама. Только съ Царемъ истиннымъ можно сказать рабу на царствѣ: ты не Царь, а Хамъ.

ДЕКАБРИСТЪ БУЛАТОВЪ

Александръ Михайловичъ Булатовъ—герой 12-го года. Подъ Смоленскомъ былъ тяжело раненъ въ голову и умеръ бы, истекая кровью, если бы солдаты не вынесли его изъ огня на плечахъ. Подъ Бородинымъ такъ далеко зашелъ въ ряды непріятелей, что всѣ въ полку были увѣрены, что онъ погибъ,—но уцѣлѣлъ не болѣе какъ съ шестью людьми изъ всей своей роты. Въ 1814 году, въ тріумфальномъ вшествіи русскихъ въ Парижъ шелъ, весь израненый, съ повязками на головѣ и на правой рукѣ, салютуя государю лѣвою. «Vive le brave!»—кричали французы и кидали ему подъ ноги цвѣты. Государь замѣтилъ Булатова и пожаловалъ ему золотую шпагу за храбрость.

А наружностью этотъ храбрый солдатъ напоминалъ фарфоровую куколку: такой бѣлый цвѣтъ кожи, такой нѣжный румянецъ, такіе голубые глаза. Въ лицѣ была неправильность: одинъ глазъ выше другого, и отъ этого все оно чуть-чуть на-криво, какъ въ кривомъ зеркалѣ, или какъ будто двѣ половины лица неровно склеены; должно быть, отъ этого же было въ немъ что-то тяжелое, странное, почти жуткое. Но стоило ему улыбнуться, чтобы кривизна исчезла,—и все лицо сдѣлалось правильнымъ и почти прекраснымъ. Въ улыбкѣ видна была душа его, душа солдата, простая и прямая, какъ шпага.

Недаромъ товарищи любили его, какъ брата, а нижніе чины «жалѣли» и «почитали», какъ отца родного. Этотъ немудреный и неученый армейскій полковникъ былъ такой же простой, какъ они. Вся философія его сводилась къ немногимъ правиламъ: не искать ни въ комъ, а итти всегда прямою

дорогою, служа во фронтѣ вѣрою и правдою своему царю и отечеству; давъ слово, держать его, въ чемъ бы оно ни состояло; дружбѣ не измѣнять; нижнихъ чиновъ не обижать, потому что «и подъ сими толстыми шинелями таятся сердца русскія, благородныя»; дорожить честью больше чѣмъ жизнью; и «всегда съ охотою умереть для пользы отечества». Горячихъ напитковъ не употреблять, а «въ картишки—можно, особенно, ежели по маленькой».

Было у него еще что-то, не входившее ни въ какія правила: когда онъ видѣлъ или только слышалъ, что сильный обижаетъ слабаго, съ нимъ дѣлался припадокъ бѣшенства—«родимчикъ», какъ шутили товарищи.

Отецъ его, послѣ 50-лѣтней непорочной службы былъ оклеветанъ Аракчеевымъ и лишенъ государевой милости и сосланъ въ Сибирь. Когда Булатовъ сынъ узналъ объ этомъ, имъ овладѣло бѣшенство, и онъ рѣшилъ «вступить въ заговоръ» (хотя ни о какихъ заговорахъ тогда еще не слыхивалъ), чтобы отомстить Аракчееву и, можетъ быть, покуситься на жизнь самого государя. Эта безумная мысль исчезла вмѣстѣ съ «родимчикомъ»; но что-то осталось отъ нея, чего онъ и самъ не могъ бы выразить словами...

Осенью 1825 года Булатовъ получилъ трехмѣсячный отпускъ для раздѣла имущества послѣ смерти отца и изъ г. Керенска Пензенской губерніи, гдѣ командовалъ 12-мъ егерьскимъ полкомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Однажды, въ театрѣ, встрѣтилъ онъ Рылѣева, своего товарища по I-му кадетскому корпусу. Рылѣевъ былъ человѣкъ осторожный; но, вѣрно, замѣтилъ что-то въ словахъ или умолчаніяхъ собесѣдника, что побудило его закинуть удочку. Тутъ же, въ театрѣ, онъ отвелъ Булатова въ сторону и «потихоньку, съ усмѣшкою» (усмѣшка эта запомнилась ему—должно быть, не понравилась) сообщилъ, что въ Россіи существуетъ заговоръ, вотъ уже 8 или 9 лѣтъ, и «въ будущемъ году будетъ всему рѣшеніе».

«Признаюсь чистосердечно, — вспоминалъ впослѣдствіи Булатовъ,—я не повѣрилъ ему и полагалъ, что подобные

разговоры не что иное, какъ болтаніе молодыхъ людей, которое вошло въ моду въ столицѣ».

Но, можетъ быть, все-таки сердце у него сильнѣе забилось, можетъ быть, вспомнилось ему, что онъ чувствовалъ въ минуту бѣшенства — «родимчика» — за неотомщенную обиду отца.

Онъ ничего не отвѣтилъ Рылѣеву, больше не видался съ нимъ и забылъ или старался забыть объ этомъ разговорѣ. Торопился кончить дѣло о наслѣдствѣ, чтобы вернуться въ полкъ.

27 ноября получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича. Россія присягнула Константину I. Но манифеста отъ новаго государя не было, и ходили слухи, что дѣло неладно: Константинъ отъ престола отрекается. Наступило междуцарствіе.

Снаружи все было тихо, но внутри смута. Если бы Константинъ отрекся, то Николай воцарился бы. А его не любили: говорили, что онъ «золъ, мстителенъ, скупъ, на нѣмца похожъ и окруженъ будетъ нѣмцами»; а пуще всего боялись, что при немъ останется въ прежней силѣ Аракчеевъ или духъ аракчеевскій, и что это гибель Россіи.

Смута была внизу, въ народѣ, и еще большая смута, вверху, у престола. Курьеры скакали изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Варшавы въ Петербургъ, но все безъ толку. А злые языки говорили, что «корона русская нынѣ подносится, какъ чай—и никто не хочетъ; съ головы на голову перебрасывается, какъ соломенное колечко въ дѣтской игрѣ—серсо».

Булатовъ, какъ всѣ желавшіе «пользы отечества», Николая не любилъ. Что если онъ воцарится? «За царя и отечество»—всегда звучало для Булатова единымъ вѣрнымъ звукомъ, а теперь—двойнымъ, фальшивымъ, какъ стекло съ трещиной. За царя противъ отечества, за отечество противъ царя—можетъ ли это быть? И если можетъ, то какъ раздѣлить ихъ? Какъ сдѣлать выборъ?...

6 Декабря, въ Воскресеніе, въ день тезоименитства Ни-

колая Павловича, Булатовъ обѣдалъ у лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Панова въ компаніи военныхъ, большею частью незнакомыхъ ему людей.

Несмотря на правило не пить, пришлось выпить: сначала за здоровье двухъ старыхъ гренадеровъ, тѣхъ самыхъ, которые вынесли его изъ огня подъ Смоленскомъ; потомъ за весь ихъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ въ 12-мъ году; и наконецъ за невѣсту хозяина; онъ при этомъ пилъ изъ башмачка невѣстина.

Послѣ обѣда начались «разговоры очень вольные», какъ Булатову казалось, «не для чего болѣе, какъ для выказки своего ума». Онъ отозвалъ Панова и просилъ унять молодыхъ людей, которые «врутъ вздоръ» и могутъ за это пострадать невинно.

Когда Булатовъ вернулся къ собесѣдникамъ, рѣчь зашла объ Аракчеевѣ. Одинъ молоденькій артиллерійскій поручикъ началъ говорить въ пользу Аракчеева. Булатовъ заспорилъ съ нимъ, вспылилъ и наговорилъ ему дерзостей.

— Желалъ бы я, сударь, чтобы вы сами были Аракчеевымъ: тогда услышали бы отъ меня всю правду!—сказалъ Булатовъ, чтобы кончить разговоръ. Но противникъ его согласился быть Аракчеевымъ, и Булатовъ облегчилъ сердце, выругалъ его какъ слѣдуетъ. Тотъ не обидѣлся,—только разсмѣялся. Булатовъ на минуту затихъ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Все еще не могъ успокоиться; къ тому же, съ непривычки, чувствовалъ, что выпилъ лишнее.

— Аракчеевъ, потерявъ любовницу, забылъ о пользѣ отечества,—началъ онъ опять,—а по моему мнѣнію, человѣкъ, пекущійся о пользѣ отечества, не долженъ жалѣть о собственной жизни своей...

Эти два слова: «польза отечества» повторялъ онъ упорно и мучительно, какъ будто вдумывался въ нихъ, хотѣлъ и не могъ что-то понять.

Потомъ вдругъ взялъ въ руки пистолетъ, пустой или заряженный, не зналъ; и даже не помнилъ, какъ онъ очутился въ рукахъ его.

— Вотъ, друзья мои,—сказалъ онъ, приставляя дуло къ виску,—если бы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни,—и меня бы не было!

— Живите! живите!—закричали всѣ. Ваша жизнь нужна для пользы отечества, особенно, по теперешнимъ обстоятельствамъ...

«По какимъ обстоятельствамъ?»—могъ бы спросить Булатовъ, но не спросилъ. Опомнился и почувствовалъ, что голова у него кружится не только отъ вина. Вдругъ опять затихъ, какъ будто задумался: все чаще находила на него эта странная задумчивость, похожая на столбнякъ или безпамятство.

Потомъ скоро уѣхалъ домой. Такъ и не понялъ въ чемъ дѣло: былъ простъ, какъ голубь, но не мудръ, какъ змій.

Пановъ и гости его, заговорщики, члены Сѣвернаго Тайнаго Общества, испытывали Булатова,—и онъ испытаніе выдержалъ. Сѣть была разставлена такъ ловко, что онъ и не почувствовалъ, какъ увязъ въ ней—пока лишь однимъ коготкомъ; но коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть.

На другой день, по приглашенію Панова, Булатовъ поѣхалъ къ больному Рылѣеву. Тотъ уже прямо повелъ съ нимъ рѣчь о заговорѣ: должно быть, зналъ о вчерашнемъ испытаніи.

Булатовъ опять, какъ и тогда, въ театрѣ, ничего не отвѣтилъ, но по его молчанію и смятенію Рылѣевъ понялъ, что на этотъ разъ «клюнуло».

— Я, по старой нашей дружбѣ, никакъ отъ тебя не могъ онаго скрыть,—продолжалъ онъ:—тебя знаютъ здѣсь за благороднѣйшаго человѣка... Комплотъ нашъ состоитъ изъ людей рѣшительныхъ...

— Такъ и должно быть, ибо на такія дѣла малодушнымъ рѣшаться не должно,—проговорилъ, наконецъ, Булатовъ, чувствуя, что молчаніе становится неловкимъ.

Слова его, видимо, понравились Рылѣеву.

— Тебя давно сюда поджидали, и первое твое появленіе обратило вниманіе,—опять закинулъ онъ удочку.

Это значило: хочешь быть съ нами, да или нѣтъ?

Кто-то вошелъ. Рылѣевъ попросилъ Булатова заѣхать завтра.

Булатовъ имѣлъ время обдумать вопросъ. Но, чтобы отвѣтить, надо было знать, въ чемъ, «по теперешнимъ обстоятельствамъ», польза отечества. А этого онъ все еще не зналъ. И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше зналъ. Не поможетъ ли Рылѣевъ узнать?

На другой день бесѣда продолжалась. Рылѣевъ открылъ ему цѣль заговора—«уничтожить монархическое правленіе», т. е. «тиранскую власть».

— Какая же въ этомъ польза отечества?—спросилъ Булатовъ.

Рылѣевъ не понялъ его или не хотѣлъ понять и началъ говорить о представительномъ образѣ правленія, о двухпалатной системѣ, о выборѣ депутатовъ. Но это было совсѣмъ не то, что нужно Булатову: ему нужно было знать, что такое царь и отечество—одно или два; и если два, то какой сдѣлать выборъ, какъ раздѣлить сердце, какъ единымъ сердцемъ любить не единое?

Опять кто-то вошелъ.

— Это *нашъ*,—сказалъ Рылѣевъ, представляя гостю Булатова.

Однимъ этимъ словомъ: «нашъ» Булатовъ былъ принятъ въ заговоръ.

Что все это не шутка, какъ ему сначала казалось, онъ теперь уже понялъ. Люди жизнью не шутятъ. Но, вѣдь, и онъ не шутилъ своей честью и совѣстью. Почему же не отвѣтилъ: «нѣтъ, не вашъ»? Потому что не могъ отвѣтить по совѣсти ни да, ни нѣтъ, не могъ рѣшить и чувствовалъ съ ужасомъ, что чѣмъ необходимѣе рѣшеніе, тѣмъ невозможнѣе.

Съ минуты на минуту ждали въ Петербургѣ послѣдняго отвѣта изъ Варшавы, кому царствовать, Константину или Николаю.

12 декабря вечеромъ собрались заговорщики у Рылѣева. Пришелъ и Булатовъ, по приглашенію хозяина.

Здѣсь впервые онъ увидѣлъ главныхъ членовъ Тайнаго Общества: все молоденькіе ротные командиры; одинъ только полковникъ—князь Трубецкой, будущій «диктаторъ» мятежниковъ. Онъ все молчалъ, «принявъ на себя важность настоящаго монарха». Это не понравилось Булатову: ужъ не въ цари ли, въ самомъ дѣлѣ, мѣтитъ? Онъ ждалъ «чего-нибудь посерьезнѣе».

Говорили опять все не о томъ—не о «пользѣ отечества».

— Какова наша сила?—спросилъ Булатовъ у Рылѣева. Тотъ отвѣтилъ неопредѣленно: «пѣхота, кавалерія, артиллерія». А по числу бывшихъ здѣсь командировъ, выходило не болѣе шести ротъ. Не обманываетъ ли ихъ Рылѣевъ? По кадетскимъ воспоминаніямъ Булатовъ считалъ его человѣкомъ «годнымъ только для заварки кашъ», а не для того, чтобы ихъ расхлебывать.

Что здѣсь, все-таки, больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ,—онъ сразу увидѣлъ. Но ему казалось, что почти всѣ идутъ въ заговоръ нехотя, потому что сомнѣваются, не могутъ рѣшить, гдѣ «польза отечества», и мучатся этимъ такъ же, какъ онъ.

Не рѣшивъ главнаго, рѣшили «вздоръ», по мнѣнію Булатова: въ случаѣ, если Константинъ отречется, возмутить войска и собраться на Сенатской площади, «а тамъ видно будетъ». На Булатова надѣялись, какъ на старшаго по лѣтамъ и по чину: онъ долженъ былъ принять команду вмѣстѣ съ Трубецкимъ, «диктаторомъ».

И онъ опять не возражалъ, все по той-же нерѣшимости. Да и жаль было «хорошихъ людей»: какъ покинуть ихъ въ такую минуту опасности не только для жизни, но и для чести и совѣсти.

Онъ былъ похожъ на солдата, который вдругъ ослѣпъ въ бою: нельзя сражаться и нельзя бѣжать.

Въ тотъ же день, 12 декабря, получено было въ Зим-

немъ дворцѣ отреченіе Константина, и на 14-ое объявлена присяга императору Николаю I.

Булатовъ узналъ объ этомъ изъ коротенькой записки Рылѣева, кончавшейся тремя словами: «*Честь—Польза—Россія*».

Онъ понялъ, что рѣшать уже нечего,—само рѣшается.

14 Декабря Булатовъ былъ на Сенатской площади, рядомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

«Вижу государя императора,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи.—Мнѣ понравилось мужество его. Я былъ очень близко отъ него, и даже не болѣе шести шаговъ, имѣя при себѣ кинжалъ и пару пистолетовъ... Я очень жалѣлъ, что не могу ему быть полезенъ... Обратился къ собранію 12-го числа, гдѣ было положено для пользы отечества убить государя. Но теперь я былъ возлѣ него и совершенно покоенъ и судилъ, что попалъ не въ свою компанію... Узналъ, что полковникъ Стюрлеръ раненъ, и одна мысль, что, можетъ быть, несчастное имя мое причиною жестокой раны вѣрнаго слуги государя и отечества, приводитъ меня въ ужасъ... Орудія начали дѣйствовать... Я былъ вблизи оныхъ, досадовалъ на распорядителей заговора, что, не имѣя понятія въ военномъ дѣлѣ, губятъ людей... А когда услышалъ, что изрубленъ обезоруженный офицеръ Московскаго (мятежнаго) полка, злоба овладѣла мною. И такъ, хотя гнусное дѣло быть заговорщикомъ, но если бы они не обманули меня числомъ войскъ и открыли видимую пользу отечества, я сдержалъ бы слово. Можетъ быть, мы были бы разбиты большинствомъ войскъ, но не такъ легко могли бы купить послѣднюю каплю крови моей... Когда заговорщики были прогнаны, я уѣхалъ домой, имѣя въ душѣ большое волненіе... Слышу безпрестанно разносящіеся слухи, что перевѣсъ на сторонѣ заговора—и то радуюсь, то сожалѣю...—Уважая государя, кипѣлъ къ нему ужаснымъ мщеніемъ, съ часу на часъ усиливающимся по доходящимъ слухамъ, что рубятъ обезоруженныхъ... Узналъ, что артиллерія не присягала, и какъ будто досадовалъ, что

она не идетъ на помощь (мятежникамъ), и опять довольствовался, что она покойна. Не знаю, откуда человѣкъ мой Иванъ Семеновъ слышалъ, что въ 12 часовъ (опять) начнется дѣло... Ложась въ постель, я приказалъ, если что будетъ, осѣдлать мнѣ лошадь. Но вскорѣ живущій у насъ въ домѣ капитанъ Полянской увѣдомилъ, что все кончено».

Булатовъ такъ и не сумѣлъ раздѣлить сердца,—и оно само раздѣлилось, раскололось на-двое. Два сердца—два Булатова: одинъ за царя, другой за отечество. Въ этомъ была мука, но еще бóльшая мука въ томъ, что онъ не зналъ, гдѣ настоящій Булатовъ и гдѣ двойникъ. Или нѣтъ настоящаго, а только два двойника, которые сцѣпились и душатъ другъ друга?

«На другой день отправился въ Главный Штабъ для присяги... Злоба моя къ государю еще болѣе увеличилась... Я вбѣжалъ въ залу въ ужасномъ смятеніи, протолкался впередъ между народомъ. Читали манифестъ. Я слушалъ и дрожалъ. Подняли руки вверхъ, и я тоже. Присягаютъ всѣ, *и я присягаю. Присяга кончена, всѣ цѣлуютъ слова* Священнаго Писанія и подходятъ ко кресту... И такъ вотъ главное мое преступленіе... Я подхожу къ св. Евангелію, дрожа, цѣлую священныя слова онаго и, поцѣловавъ крестъ, приношу клятву отомстить государю за изрубленныхъ моихъ товарищей. Я отшатнулся отъ креста, едва стоялъ на ногахъ и удивлялся, что никто меня не замѣчаетъ. Всякій, взглянувъ на меня, могъ смѣло сказать, что я злодѣй, и злодѣй такой, котораго и свѣтъ не производилъ».

Вотъ одинъ Булатовъ, а вотъ другой:

«Съ сими мыслями выхожу изъ Штаба. Государь ѣдетъ къ войскамъ. Въ глазахъ моихъ онъ кажется очень хорошъ, милостивъ. Онъ мнѣ поклонился и, казалось, улыбнулся. Неужели одни слухи могли ожесточить меня такъ противъ него?».

Въ эту минуту Булатовъ понялъ бы восклицаніе Аракчеева: «что мнѣ до отечества? Былъ бы живъ государь!»

Два Булатова—два двойника; то·одинъ, то другой—смѣняются, перемежаются, все чаще и чаще, какъ біенія сердца въ стремительномъ бѣгѣ или мельканія раскачавшагося маятника.

Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Иногда находили на него минуты безпамятства.

Послѣ одной изъ такихъ минутъ, очнулся онъ, «съ самою черною душою», въ Зимнемъ дворцѣ, въ государевыхъ комнатахъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ подошелъ къ нему.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ Булатова съ тою любезностью, съ которою въ этотъ день въ Зимнемъ дворцѣ встрѣчали всѣхъ «подозрительныхъ».

— Имѣю нужду говорить съ государемъ,—отвѣтилъ Булатовъ.

Онъ былъ страшенъ: больше чѣмъ когда-либо, лицо его кривилось, какъ въ кривомъ зеркалѣ и, казалось, что двѣ половины лица плохо склеены.

Великій князь понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ докладывать. Булатовъ остался на своемъ мѣстѣ.

Кто-то закричалъ:

— Веревокъ!

Онъ поблѣднѣлъ: думалъ, что его хотятъ вязать. Хватился кинжала и пистолетовъ: ихъ не было,—должно быть, гдѣ-то забылъ. Злоба его удвоилась.

Но онъ ошибся: не его хотѣли вязать, а кого-то другого. Весь этотъ день хватали заговорщиковъ, водили во дворецъ, встрѣчали съ «любезностью» и тутъ же обыскивали, допрашивали, вязали веревками, набивали кандалы и отсылали въ крѣпость.

Булатову велѣли итти къ государю. Онъ вошелъ въ дверь и увидѣлъ издали идущаго къ нему навстрѣчу Николая Павловича.

До послѣдней минуты не зналъ онъ, какой изъ двойниковъ что скажетъ и сдѣлаетъ.

Но произошло то, чего онъ меньше всего ожидалъ.

— Я преступникъ... вели разстрѣлять...—началъ онъ и вдругъ остолбенѣлъ, почувствовалъ, что его обнимаютъ, цѣлуютъ. Долго не могъ понять, что это; когда же, наконецъ, понялъ, что государь милуетъ его, прощаетъ, благодаритъ, называетъ своимъ «товарищемъ»,—ужасъ охватилъ его, больше всѣхъ прежнихъ ужасовъ. Онъ почти лишился чувствъ въ объятьяхъ государя...

Очнулся опять уже въ крѣпости.

Зналъ, что умретъ; самъ себя осудилъ на смерть: нельзя человѣку жить, испытавъ то, что онъ испыталъ; но былъ спокоенъ и счастливъ: умереть «за царя и отечество».

Исчезли двойники проклятые. Сердце его, простое и прямое, какъ шпага солдата, сломалось на двое; но царская милость расплавила его, какъ молнія плавитъ желѣзо, и спаяла куски. Опять—одно сердце, чтобы любить одно: царя и отечество.

«Народъ, какъ несправедлива молва твоя! Какого вы хотите имѣть еще государя? А ты, Рылѣевъ, взгляни, чѣмъ я жертвовалъ для пользы отечества, которую ты не открылъ мнѣ... Куда ты велъ душу мою? Въ вѣчное мученіе... Но царь искупилъ ее... Боже, благодарю тебя!»—молился онъ и плакалъ отъ счастья.

Что милость царская, какъ милость Божья,—не сомнѣвался. Ужъ если такого злодѣя, какъ онъ, царь помиловалъ, то какъ-же не помилуетъ и всѣхъ остальныхъ «невинныхъ преступниковъ»? Преступники, потому что возстали на царя; невинны, потому что возстали для «пользы отечества», сами не зная, что дѣлаютъ.

«Чувствую біеніе ангельскаго сердца его, и можно ли думать, чтобы государь, оказывающій милости ужаснѣйшимъ злодѣямъ, не захотѣлъ любви народной себѣ и блага отечеству?... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все... Но отъ кого узнаетъ онъ, что нужно народу?»

Отъ него-же, отъ Булатова. Онъ поклялся довести до царя «ропотъ народа», сказать ему всю правду, не щадя ни его самого, ни любимцевъ его и никого на свѣтѣ.

Обо всемъ этомъ писалъ онъ великому князю Михаилу Павловичу безконечныя письма.

На одномъ изъ такихъ писемъ государь сдѣлалъ собственноручную надпись карандашемъ:

«Дозволить ему писать, лгать и врать по волѣ его».

Велико было удивленіе Булатова, когда повели его къ допросу и онъ узналъ, что его будутъ судить. Не самимъ-ли царемъ онъ помилованъ? Какой же судъ на царскую милость?

— Я виноватъ, но болѣе ни слова не скажу,—отвѣчалъ онъ судьямъ все одно и то—же, а потомъ и совсѣмъ замолчалъ.

Ждалъ отвѣта отъ царя,—отвѣта не было. Онъ не могъ понять, что это значитъ. Если бы зналъ, что тѣ пятеро, которымъ суждена была висѣлица, тоже прощены, то понялъ бы.

Опять черныя мысли стали находить на него: неужели онъ ошибся? прощенъ, но не помилованъ; или помилованъ, но не понятъ и презрѣнъ? Опять сердце, по тому же мѣсту, еще не зажившему, ломалось на двое. Только что изъ ада—и снова въ адъ.

Наконецъ, не выдержалъ,—потребовалъ отвѣта:

«Боясь потерять разсудокъ, желая лучше лишиться жизни, прошу ваше императорское высочество исходатайствовать всемилостивѣйшаго утвержденія моего приговора. Онъ необходимъ. Безъ прощенія всѣхъ я свободы не принимаю... Ваше императорское высочество, умоляя васъ, прошу исходатайствовать свободу всѣмъ или мнѣ смерть. Избирайте любое».

«Il parle comme un fou. Je ne puis pour le moment rien pour lui». (Онъ говоритъ, какъ помѣшанный. Я сейчасъ ничего не могу для него),—надписалъ великій князь на этомъ письмѣ.

Положеніе было, дѣйствительно, трудное. Что дѣлать съ «помѣшаннымъ»? Скорая смерть была-бы для него единственною милостью. Но не разстрѣлять-же его безъ суда, какъ онъ этого требовалъ.

А Булатовъ продолжалъ вопить изъ своего ада. Уже не молилъ прощенія всѣмъ, а только себѣ казни,—иначе грозилъ покончить съ собой.

«Я имѣю случай найти тьму смертей: ножи, веревки, крючки, мой шарфъ и даже портупея могутъ прервать дни мои, но я не хочу употребить во зло великодушіе моего государя... Итакъ, прошу ваше высочество утвердить мой приговоръ, мною избранный: велѣть меня безъ замедленія разстрѣлять».

Булатова не разстрѣляли, и онъ понялъ, наконецъ, страшную истину.

«Съ 30-го числа (декабря), видѣвши ко мнѣ пренебреженіе государя и вашего высочества, началъ я готовиться къ избранной мною смерти: уморить себя голодомъ. И по моему разсчету, я долженъ кончить жизнь въ день Богоявленія (6 января) и очень желаю для блага моего государя и отечества сойти въ могилу. Тогда, хотя тѣмъ, что говорилъ правду въ защиту невинныхъ преступниковъ и въ пользу отечества, возвращу доброе имя мое и не посрамлю креста моего».

Въ назначенный день началъ онъ голодать. Дня черезъ три такъ ослабѣлъ, что видно было, долго не выживетъ.

У Михаила Павловича было доброе сердце. Онъ посѣтилъ Булатова въ крѣпости, образумливалъ, убѣждалъ, умолялъ его; но, наконецъ, видя, что все безполезно, заговорилъ, какъ съ «помѣшаннымъ»: обѣщалъ исполнить просьбу его, если онъ согласится ужинать. Булатовъ согласился. Но уже плохо вѣрилъ.

«Я далъ слово вашему императорскому высочеству вчерашній день ужинать—и исполнилъ. Теперь ожидаю выполненія слова вашего высочества, чтобы завтрашній день исполнить мой приговоръ... 6-го числа, въ день Богоявле-

нія, я уже никакихъ милостей не принимаю и даю клятву, если завтрашній день не рѣшится участь моя, во всемъ обманывать государя императора и ваше императорское высочество—и быть льстецомъ», т. е. лжецомъ. Ложь за ложь, обманъ за обманъ.

Въ назначенный день, 5 января, Булатовъ не получилъ отвѣта и 6-го, въ день Богоявленія, снова началъ голодать.

Просилъ, чтобы ему позволили причаститься передъ смертью. Не позволили. Все еще надѣялись, что образумится. Установили строжайшій надзоръ. Жалѣли и мучили его. Ставили передъ нимъ самую вкусную пищу, самое свѣжее питье. Онъ ни къ чему не прикасался—только грызъ пальцы и сосалъ изъ нихъ кровь, чтобы утолить жажду.

Должно быть, его насильно кормили, потому что муки его продолжались дольше, чѣмъ онъ думалъ,—12 дней.

Какъ ни строгъ былъ надзоръ, онъ сумѣлъ обмануть сторожей. Вечеромъ 18 января, когда одинъ изъ нихъ вышелъ или задремалъ,—Булатовъ разбилъ себѣ голову объ стѣну.

Его перевезли, еще живого, въ госпиталь. На слѣдующій день, 19 января, утромъ онъ скончался. Причастилъ-ли его добрый о. Петръ Мысловскій, духовникъ арестантовъ по дѣлу 14 декабря? Онъ такъ любилъ и жалѣлъ ихъ, что не побоялся-бы взять грѣхъ на душу.

Булатовъ—«безумецъ»? Но нѣтъ-ли такихъ предѣловъ человѣческой муки, которые кажутся тѣмъ, кто не испыталъ этихъ мукъ,—«безуміемъ»? Какъ бы то ни было, но въ послѣднія минуты сознанія онъ говорилъ слова не безумныя.

«Каждый христіанинъ, имѣя крестъ, долженъ нести его, ибо Самъ Спаситель несъ крестъ, данный Ему Отцомъ Его».

Вину своей гибели онъ бралъ всю на себя и никого не судилъ. «Не только не кляну тотъ день, въ который попалъ въ партію заговора, но въ послѣднія минуты жизни

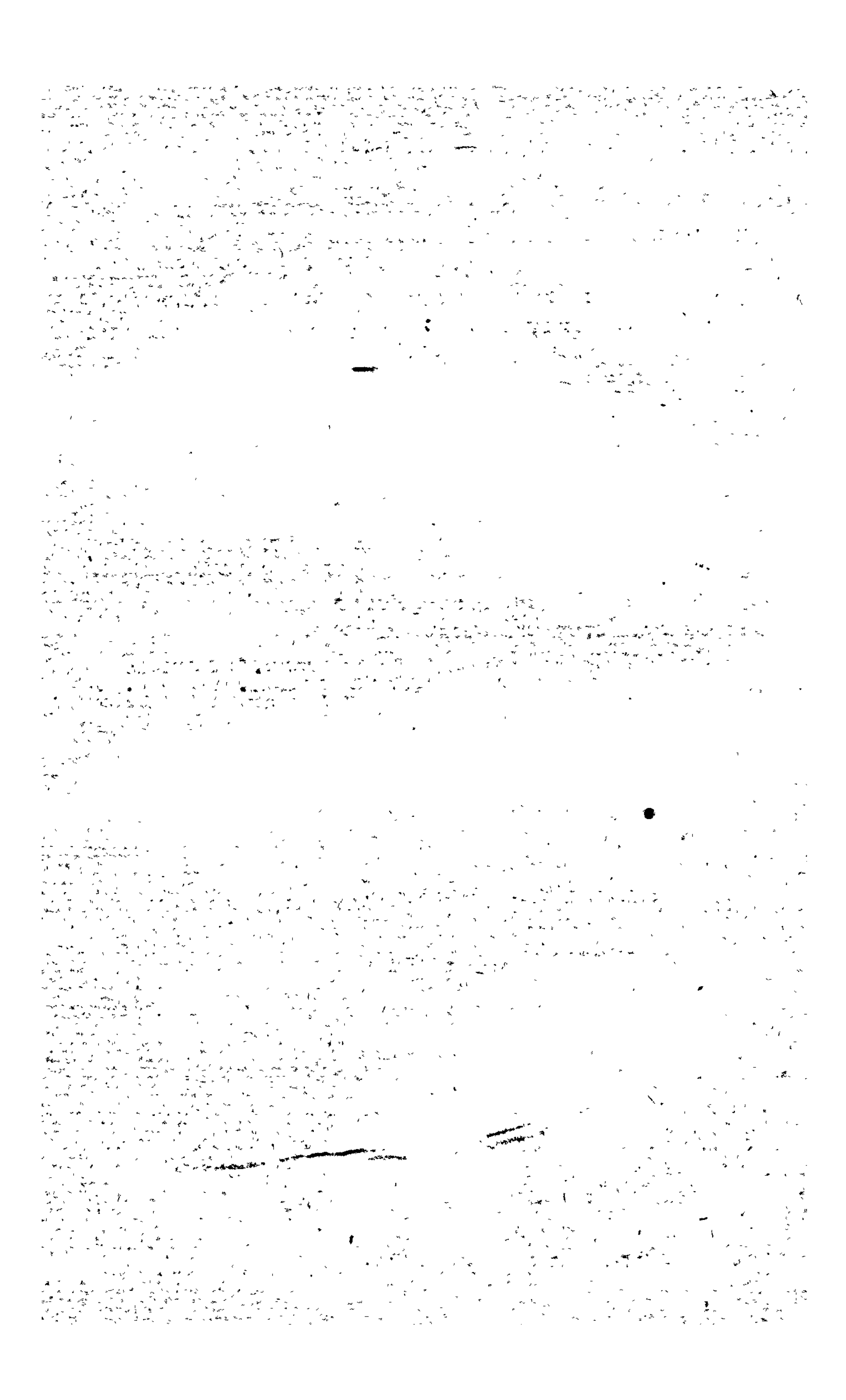
моей благословляю его и благодарю моего стараго товарища Рылѣева». И всѣхъ остальныхъ заговорщиковъ «желалъ бы обнять, какъ друзей». У Аракчеева, злѣйшаго врага своего, просилъ прощенія: «отомстя ему за ненависть къ русскому народу, прошу его прощенія, принося ему мое совершенное благодареніе, ибо одно имя его дало случай уловить меня въ сей заговоръ». Государю возвращалъ слово, которымъ онъ простилъ его.

Такъ умеръ этотъ «безумецъ».

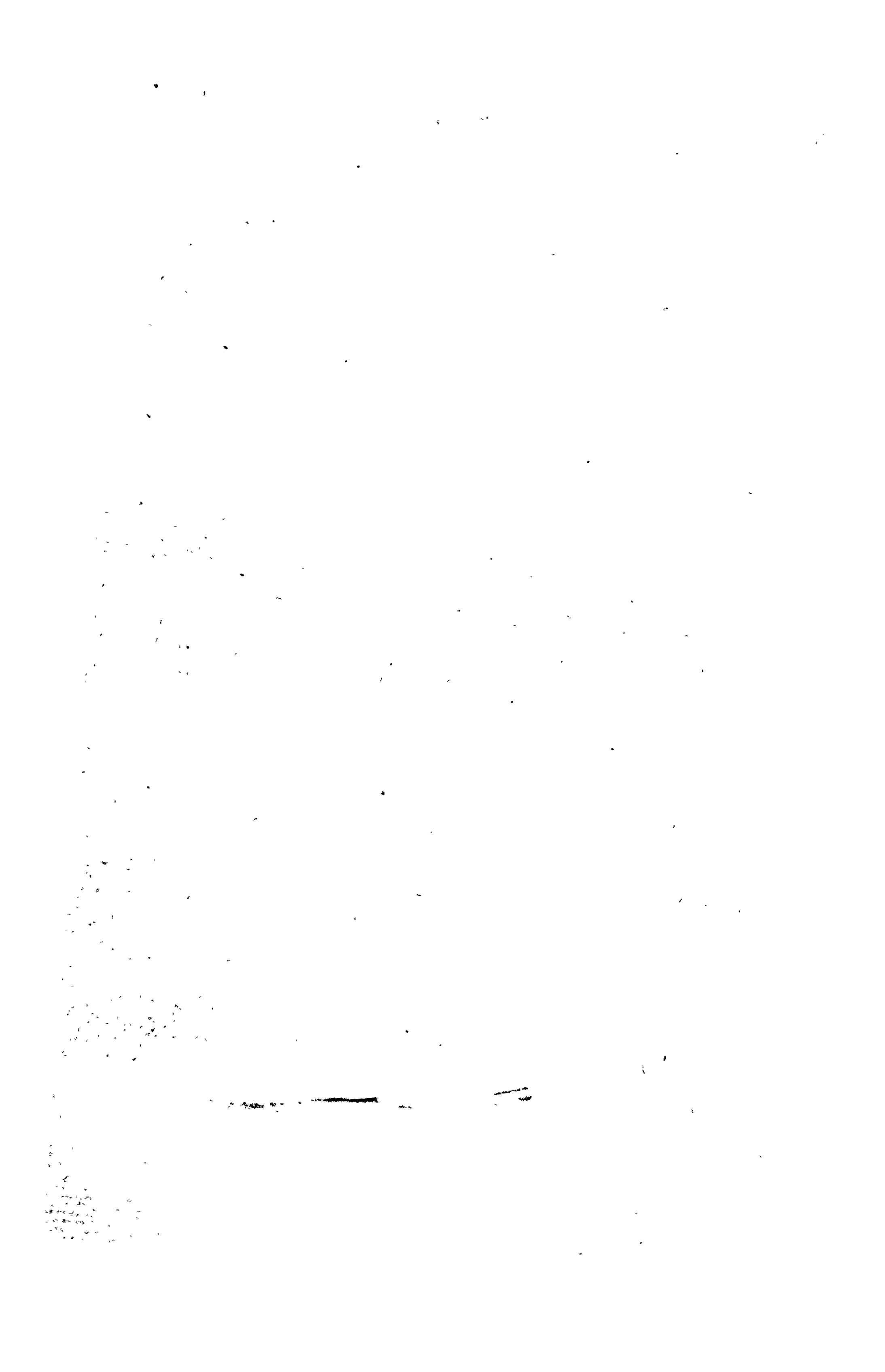
Среди «невинныхъ преступниковъ» 14-го декабря есть много людей болѣе сильныхъ и свободныхъ духомъ, чѣмъ Булатовъ; но нѣтъ ни одного, болѣе чистаго сердцемъ, и кто бы такъ страдалъ, какъ онъ.

«По послѣднюю минуту дыханія моего люблю отечество и народъ русскій и за пользу ихъ умираю самою мучительною смертью».

Онъ это сказалъ и сдѣлалъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ 60-е ГОДЫ.

«Я давно уже раздѣлилъ Россiйскую исторiю на два перiода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй—деспотизмъ съ Iоанна III. Третьему—сѣмя положено 14 декабря... И сiе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Iоаннъ Калита къ Iоанну III», («Дневникъ» Погодина, 1826 г., «Жизнь и труды М. П. Погодина», Н. Барсукова, кн. II, стр. 18).

Въ свободомыслiи трудно заподозрить Погодина; но у него было чувство исторической дѣйствительности.

Великiй рубежъ новой Россiи—преобразованiе Петра—въ этомъ раздѣленiи какъ будто отсутствуетъ. Но въ дѣйствительности, реформа Петровская нашла свое завершенiе въ 14 декабря на Петровской площади: недаромъ батальонное карре мятежнаго Московскаго полка избрало для себя опорою подножье Мѣднаго Всадника. Петръ прiобщилъ Россiю къ плоти,—14 декабря прiобщило ее къ духу Европейскаго Запада: если духъ съ плотью, то 14 декабря—съ Петромъ.

1825—1915, — объ этой девяностолѣтней годовщинѣ никто не вспомнилъ.

Вообще, память у насъ коротка. Вся русская исторiя, отъ Карамзина до нынѣшнихъ—«попятная», реакцiонная, а наше движенiе впередъ—какъ будто внѣ исторiи. Тутъ каждое поколѣнiе внезапное; дѣти безъ отцовъ; сегодняшнiй день безъ вчерашняго.

«Новое поколѣнiе не считаетъ себя связаннымъ съ прошедшимъ: оно хочетъ жить своею собственною жизнью

Пусть такъ, но ни одна жизнь не проявляется сама собою, она основывается на прошедшемъ; а если въ этомъ прошедшемъ было жизненное начало, то оно проявляется и въ будущемъ»,—писалъ въ 1860 году князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ декабрскаго возстанія.

Святое преданіе свободы, святую связь временъ воплощаютъ тѣ немногіе декабристы, которые дожили до 60-хъ годовъ. Таковы кн. Оболенскій и Батенковъ.

«Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣева, виновникомъ мятежа. За неприбытіемъ Трубецкого на мѣсто возстанія, собравшіеся злоумышленники единогласно поставили его своимъ начальникомъ», говоритъ Боровковъ, дѣлопроизводитель Слѣдственной Комиссіи.

А во «всеподданнѣйшемъ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда» Оболенскій помѣщенъ въ I-мъ разрядѣ «государственныхъ преступниковъ», тотчасъ послѣ Трубецкого, «диктатора»:

«Поручикъ князь Оболенскій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза Благоденствія установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное Общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ ономъ съ оружіемъ, съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство».

Судъ приговорилъ Оболенскаго къ «отсѣченію головы». Но, при высочайшей конфирмаціи, смертная казнь замѣнена «ссылкою въ каторжныя работы вѣчно».

Онъ пробылъ на каторгѣ, въ Нерчинскихъ рудникахъ, въ Читѣ и на Петровскомъ заводѣ, 13 лѣтъ; затѣмъ, на поселеніи, въ Туринскѣ и Ялуторовскѣ — еще 17; всего

30 лѣтъ въ ссылкѣ. Въ 1856 году, по манифесту Александра II, вернулся въ Россію и умеръ въ 1865 г.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ занесенъ въ 3-й разрядъ: «Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами».

3-й разрядъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ, а по конфирмаціи—къ 20 лѣтней. Но каторга замѣнена для Батенкова одиночнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Почему—неизвѣстно, но отчасти можно объ этомъ судить по сохранившемуся въ Государственномъ Архивѣ собственноручному показанію Батенкова отъ 18 марта 1826 года:

«Странный и ничѣмъ для меня неизъяснимый припадокъ, продолжавшійся во время производства дѣла, унизилъ моральный мой характеръ... Постыднымъ образомъ отрицался я отъ лучшаго дѣла моей жизни... Я не только былъ членъ Тайнаго Общества, но членъ самый дѣятельный... Тайное Общество наше отнюдь не было крамольнымъ, но политическимъ. Оно, исключая развѣ немногихъ, состояло изъ людей, коими Россія всегда будетъ гордиться... Цѣль покушенія не была ничтожна... не мятежъ, какъ къ стыду моему именовалъ я его нѣсколько разъ, но первый въ Россіи опытъ революціи политической... Чѣмъ менѣе была горсть людей, его предпріявшая, тѣмъ славнѣе для нихъ, ибо, хотя, по несоразмѣрности силъ и по недостатку лицъ, готовыхъ для подобныхъ дѣлъ, гласъ свободы раздавался не долѣе нѣсколькихъ часовъ, но и то пріятно, что онъ раздавался»...

Батенковъ, когда дѣлалъ свое показаніе, зналъ, на что идетъ.

Существуетъ преданіе, будто бы императоръ Николай Павловичъ, еще во время слѣдствія, признавъ Батенкова невиннымъ, повелѣлъ выпустить его изъ крѣпости. Но тотъ написалъ государю, что если его выпустятъ, то онъ составитъ новый заговоръ. Тогда Николай Павловичъ послалъ къ нему своего лейбъ-медика Арендта, освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки.

— «Если вы скажете, что я боленъ, то будете сами отвѣчать за послѣдствія»—объявилъ ему, будто-бы, Батенковъ.

Арендтъ доложилъ государю, что хотя пульсъ у Батенкова возбужденъ, но помѣшательства нѣтъ.

Его заключили въ фортѣ Свартгольмъ, высѣченномъ въ голой гранитной скалѣ среди моря, на Аландскихъ островахъ, въ Финляндіи. Здѣсь написалъ онъ свою страшную поэму «Одичалый»:

Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый
И на увлаженныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ...
 Живой въ гробу,
 Кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья...
Скажите: свѣтитъ ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
И дышутъ ли зефиры въ полѣ?
По старому-ль цвѣтетъ весна?
... Не вѣрю. Все перемѣнилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось;
Но, можетъ быть, лишь для меня!

Послѣ полугодового заключенія въ Свартгольмѣ, перевели его снова въ Петропавловскую крѣпость и посадили въ Алексѣевскій равелинъ, въ полутемный казематъ, шаговъ 10 въ длину и 6 въ ширину.

Заключеніе было такъ строго, что караульнымъ запрещено было говорить съ арестантомъ, и на самые невинные вопросы: «который часъ? Какой день?»—былъ одинъ отвѣтъ: «говорить не велѣно».

Здѣсь просидѣлъ онъ остальныя 19 лѣтъ съ половиною, спасаясь отъ безумія чтеніемъ Библіи. Наконецъ, потерялъ счетъ времени: ему казалось иногда, что онъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ въ заключеніи, или что нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ, не принимая пищи.

Всѣ, друзья и враги, забыли о немъ. Никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. «И узнать нельзя было, что за *вещь* попала подъ № 5» (номеръ его каземата)—вспоминалъ онъ впослѣдствіи.

Такъ бы и умеръ онъ въ заключеніи, если бы случайно не вспомнилъ о немъ и не доложилъ государю комендантъ крѣпости. Въ 1846 году отправили Батенкова на поселеніе въ Томскъ.

На второй станціи отъ Петербурга, увидѣвъ женщину, первую послѣ 20 лѣтъ, онъ обрадовался ей, какъ малый ребенокъ, обнялъ ее и расцѣловалъ.

Очутившись вдругъ на свободѣ, съ живыми людьми, онъ чувствовалъ такую растерянность, «одичалость», что многіе считали его помѣшаннымъ. Прохаживаясь по комнатѣ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ—длину каземата,—внезапно останавливался, какъ будто натолкнувшись на стѣну и поворачивалъ назадъ. Боялся тишины. Однажды сидѣлъ одинъ въ комнатѣ. Вдругъ послышались оттуда крики. Бывшіе въ сосѣдней комнатѣ побѣжали узнать, что случилось. Оказалось, что Батенковъ сидитъ спокойно на томъ же мѣстѣ.

— «Гавріилъ Степановичъ, что съ вами»?

— «Ничего. Надо же человѣку и покричать».

Такъ въ казематѣ кричалъ, чтобы услышать хотя бы звуки собственнаго голоса.

По манифесту 1856 года вернулся въ Россію и умеръ въ 1863 году.

Оболенскій и Батенковъ были друзья, и больше, чѣмъ друзья,—близнецы духовные.

Участникамъ 14 декабря, перваго неудачнаго «опыта», имъ суждено было сдѣлаться свидѣтелями и второго опыта, тоже не совсѣмъ удачнаго—19 февраля.

Батенковъ почти не говорилъ о дѣлахъ общественныхъ. «Я, кажется, остолбенѣлъ до гроба». Остолбенѣлъ и замолчалъ. Но о томъ, что онъ думалъ и чувствовалъ, можно судить по письмамъ друга его, Оболенскаго. («Декабристы», П. М. Головачева, изд. Зензинова, Москва, 1907 г.).

«Вотъ и Новый годъ наступилъ,—писалъ Оболенскій въ январѣ 1861 г., т. е. наканунѣ 19 февраля, другому бывшему члену Тайнаго Общества, но могъ бы написать и Батенкову.—Обнимемъ другъ друга... и пожелаемъ новому поколѣнію того счастья, котораго желали себѣ... Голосъ свободы земли русской скоро раздастся на всю ея ширину и долготу»...

«И это все будетъ совершаться въ присутствіи нашемъ, т. е. тѣхъ, которые давно и очень давно чувствовали всю тяжесть того зла, которое лежало тяжелымъ гнетомъ на всемъ народѣ нашемъ» (1864).—«Нашъ покойный Александръ всѣмъ сердцемъ желалъ ввести въ жизнь все то, что нынѣ уже совершено и что совершается» (1865).

Старая, вѣчная исторія: зло становится добромъ, преступленіе—подвигомъ.

За что-же эти «люди, которыми Россія всегда будетъ гордиться», причтены къ злодѣямъ? Этого вопроса нѣтъ у нихъ—ни осужденія, ни ропота—только тихая улыбка тихой мудрости.

«Многое, мой другъ, мы пережили и многое переживаемъ нынѣ... Останемся вѣрны прошедшему—хорошему; по милости Божіей, оно въ насъ очищено и очищается ежедневно; пусть оно явится въ свѣтѣ истины,—и жизнь наша не потеряетъ своего значенія... Пусть юное поколѣніе видитъ въ насъ цѣнителей добра... Въ этомъ наше призваніе... *Мы представляемъ знамя*».

Да, «знамя», — лучше нельзя выразить того, что эти люди сдѣлали въ русской исторіи.

Но и вторымъ «опытомъ» они себя не обманываютъ, такъ же какъ не обманывали первымъ: знаютъ, что дѣло не кончено, а едва лишь начато.

«Много ранъ надо уврачевать, много зла, укоренившагося вѣками, должно съ корнемъ вырвать! И все это сдѣлается не безъ боли, не безъ сопротивленія тѣхъ, которые будутъ предметомъ леченія. И все негодованіе, всю невзгоду припишутъ гласу свободы»—предсказываетъ Оболен-

скій, и тутъ же, на глазахъ его, исполняется это предсказаніе.

«Старое не хочетъ умереть, а новое еще не окрѣпло».—«Память крѣпостного состоянія остается въ нравахъ, привычкахъ и даже въ крови... Весь нашъ чиновничій міръ, весь составъ нашего правительства не тѣ-же ли помѣщики, зараженные тѣмъ же духомъ крѣпостного права?.. По буквѣ закона свобода водворена, но она не въ жизни; она едва видна на бумагѣ, откуда ее хотя не вычеркнутъ, но исказятъ ея смыслъ».—«На словахъ всѣ согласны, что свобода весьма прекрасная идея, но когда нужно примѣнить ее къ жизни, то одна сторона—правительствующая—даетъ ей смыслъ безусловной покорности, а другая находитъ, что свобода, въ примѣненіи къ жизни, лишаетъ ее того нравственнаго и вещественнаго капитала, безъ котораго слово «свобода» улетучиваетъ ея существованіе» (1861).

«Это время — переходное, которое окончательно устроится, когда *обѣ стороны* найдутъ полезнымъ тѣснѣйшее единеніе... Но до того времени много еще будетъ столкновеній неизбѣжныхъ... Образованная сторона не можетъ еще признать равноправности другой» (1861).

Что «обѣ стороны», народъ и *интеллигенція* (Оболенскій здѣсь впервые употребляетъ это слово)—двѣ стороны, два края вновь зазіявшей пропасти, онъ уже предчувствуетъ.

Смыслъ перваго «опыта»—14 декабря—только политическій; смыслъ второго—19 февраля—политическій и *соціальный*. Вотъ эта-то новая, невѣдомая сторона освобожденія пугаетъ стариковъ. Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ, что чего-то не понимаютъ и никогда не поймутъ. «Молодое поколѣніе опередило насъ и должно опередить». Тутъ между двумя поколѣніями неразрѣшимая антиномія либерализма и соціализма, свободы и равенства.

«Петербургскіе пожары (1862) страшно всполошили всѣхъ и своимъ заревомъ освѣтили всю Россію».—«Какая причина поджоговъ? Кто знаетъ? Но всѣмъ извѣстно, что

прокламаціи самаго революціоннаго характера стараются разсѣивать въ народѣ... Неужели нѣтъ связи между огнемъ вещественнымъ, которымъ истребляютъ собственность, и огнемъ революціоннымъ, коимъ стараются поджечь основанія гражданскаго быта?»

Старики удивляются, что блѣдная заря становится красною, и, можетъ быть, находятъ на нихъ минуты сомнѣнія, та ли это свобода, о которой они мечтали. «Мысль о будущемъ страшитъ. Какъ и чѣмъ разрѣшится готовящаяся буря?»

Но страхъ и сомнѣніе—только мгновенная тѣнь, какъ отъ бѣгущаго облака. Антиномію, умомъ неразрѣшимую, разрѣшаетъ сердце.

«Вѣрю, что зло излѣчимо и исправимо».—«Пусть общее движеніе будетъ даже ненормально; но и то хорошо, что люди пробудились отъ сна, и жизнь начинаетъ проявляться».—«Тѣ, которые привыкли къ оковамъ, не умѣютъ еще справляться со свободными движеніями; неужели имъ можно ставить въ вину естественную неловкость? Она скоро пройдетъ...»—«Мы или дѣти наши увидятъ плоды нашихъ лучшихъ стремленій и желаній».—«Рядъ свѣтлыхъ годовъ рисуется впереди, какъ отрадные лучи того солнца правды и свободы, которые свѣтятъ намъ и будутъ постоянно освѣщать путь нашей тысячелѣтней Россіи».—*«Все будетъ ладно»*.

Да, «все будетъ ладно»,—это тихій свѣтъ вечерній, всеозаряющій, святая старость—святая радость.

«Въ душѣ миръ и тишина... Благословеніе свыше есть основаніе, на коемъ одномъ зиждется радость вѣчная»...—«Дай Богъ намъ явиться съ именемъ Его святымъ, напечатлѣннымъ на всей нашей жизни».—«Отрадна вѣра въ свѣтлую будущность, которая открывается намъ въ домѣ Отца нашего небеснаго... Другъ, держись крѣпко за этотъ единственный якорь спасенія—и свѣтла предстанетъ тебѣ жизнь во всей ея полнотѣ и небесномъ величіи».

Къ тому же приходитъ и Батенковъ. Онѣмѣвшій,

«остолбенѣвшій до гроба», онъ говоритъ, лепечетъ невнятно, вспоминая все, что выстрадалъ: «Сначала мнѣ казалось вопіющею несправедливостью, потомъ кое какъ приподымался въ уровень, а теперь ужъ смѣшно было бы отталкивать понесенный крестъ... Тутъ Христосъ, научившій смиренію... Вотъ, мой другъ, утреннія мои мысли...»

«Владыко, отпусти слугу
Въ родной домъ съ миромъ по глаголу;
Я видѣлъ свѣтъ, нисшедшій долу,
И указать его могу»...

Не то ли это самое, что онъ предчувствовалъ еще тогда, въ Свартгольмской крѣпости, «живой въ гробу»?

«Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новыя мученья!
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!»

Тутъ религіозная правда личная сливается съ религіозной правдой общественной. Потому-то такъ и крѣпка общественность, что за нею—религія, за временнымъ—вѣчное.

«Необходимо и неопровержимо отношеніе временнаго къ вѣчному, — говоритъ Оболенскій, и могъ бы сказать Батенковъ.—Новая жизнь да восторжествуетъ надо всѣмъ, что чуждо духу *православному*».

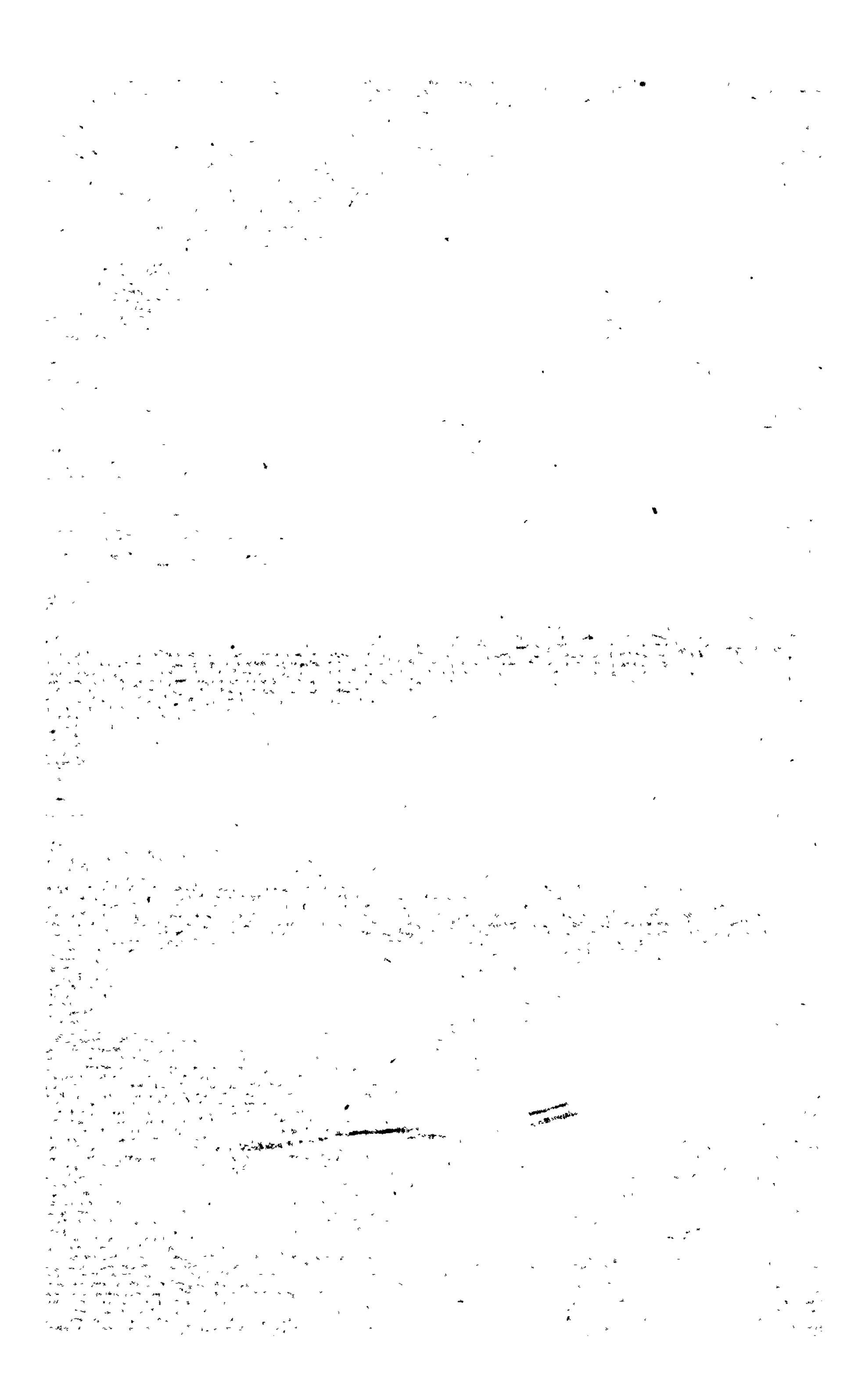
Онъ говоритъ «православіе», потому-что не умѣетъ иначе сказать. Но что тутъ больше, чѣмъ православіе, что тутъ явленіе «новаго міра»,—намъ теперь уже ясно. «Проходитъ старый и начинается новый міръ, какъ было въ началѣ нашей эры. Но истина тогда же была въ Евангеліи».

Таковъ религіозный смыслъ 14 декабря—перваго опыта русской свободы. Во второмъ—въ шестидесятыхъ годахъ—этотъ смыслъ утраченъ; новое поколѣніе подняло знамя, на которомъ было написано: общественность безъ религіи, свобода безъ Бога.

Но тутъ уже не новое поколѣніе, не молодые опередили стариковъ, а, наоборотъ, старики—молодыхъ. Тутъ, въ соединеніи религіозной правды съ общественной, мы, внуки и правнуки, къ нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ ближе, чѣмъ къ нашимъ отцамъ.

Если таковъ смыслъ перваго опыта, то не таковъ ли будетъ и смыслъ послѣдняго? И если 14 декабря—«знамя», то не склонятся ли всѣ грядущія знамена передъ этимъ первымъ, на которомъ написано: *свобода съ Богомъ?*

О
РЕЛИГІОЗНОЙ ЛЖИ НАЦІОНАЛИЗМА

Война съ войною — таковъ желательный для насъ, должный смыслъ настоящей войны. Но таковъ ли смыслъ данный, дѣйствительный?

Противъ милитаризма, какъ ложной культуры, выставляется принципъ культуры истинной, всечеловѣческой. Но принципъ этотъ оказывается на нашихъ глазахъ отвлеченнымъ и бездѣйственнымъ. Никогда еще, за память европейскаго человѣчества, не бывало такого попранія самой идеи культуры всечеловѣческой.

Утвержденіе, будто бы Германія — страна мало-культурная, легкомысленно и невѣжественно. Связь Канта съ Круппомъ сомнительна. Но, если какая бы то ни была культура можетъ привести къ тому, къ чему привела Германію, то сама культура—палка о двухъ концахъ. Въ настоящей войнѣ она не съ варварствомъ, а съ иною культурою борется, — кажущаяся истинной — съ кажущейся ложной. А чтобы отдѣлить ложную отъ истинной, въ самой культурѣ, повидимому, нѣтъ мѣрила абсолютнаго.

Существо культуры сверхнаціонально, всемірно. «Потребность всемірнаго соединенія есть послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великой исторіей, но, чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисъ-ханы, пролетѣли, какъ вихрь, по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую ве-

ликую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему соединенію». (Достоевскій, «Великій Инквизиторъ»).

Эта потребность одна изъ главныхъ движущихъ силъ древняго, дохристіанскаго человѣчества. Ассирія, Мидія, Македонія—неудачныя попытки всемірнаго соединенія. Первая удача—Римъ. Tu regere imperio, Romane, memento,—въ этомъ сущность Римской имперіи. Римъ есть міръ, и «римскій миръ», pax romana—воистину «миръ всего міра». Таковъ первый моментъ всемірнаго соединенія внѣшняго, государственнаго, какъ будто вѣчнаго, а на самомъ дѣлѣ, мгновеннаго, — равновѣсія, какъ будто непоколебимаго, а на самомъ дѣлѣ, неустойчиваго. Нашествіе варваровъ, по преимуществу, германцевъ, — своего рода національная реакція противъ римскаго единства, возвращеніе къ національной самобытности племенъ,—разбиваетъ изнутри это внѣшнее единство римской имперіи, какъ теплыя, вешнія воды разбиваютъ ледяную кору.

Второй моментъ—всемірное соединеніе уже не внѣшнее, а внутреннее, во имя не человѣческаго, а Божескаго Разума, Логоса. Отвлеченная идея человѣчества впервые воплощается въ церкви вселенской, и «Римскій миръ» становится *миромъ Божіимъ*—pax Dei. Но тутъ же, въ самой церкви, происходитъ смѣшеніе двухъ несовмѣстимыхъ началъ—церковнаго и государственнаго. Вотъ почему и это второе соединеніе, второй «миръ всего міра» оказывается непрочнымъ. Опять національнзмъ вторгается въ единство всемірное, но уже не изнутри, а извнѣ, и раскалываетъ его сначала на двѣ половины—восточную и западную церкви,—потомъ на множество національныхъ, помѣстныхъ церквей. Въ этомъ смыслѣ реформація, не случайно германская, есть второе «нашествіе варваровъ».

Третій моментъ—Великая Французская Революція и неизбѣжный выводъ изъ нея — наполеоновская имперія, новое возрожденіе древняго единства римскаго. Объявляя цѣлью завоеваній своихъ «le reigne de la raison humaine»—царство человѣческаго, только человѣческаго разума, Напо-

леонъ совпалъ съ Робеспьеромъ. И въ третій разъ націонализмъ разрушаетъ единство всемірное: борьба за національную самобытность противъ Наполеоновской имперіи, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, противъ революціи, приводитъ къ Священному Союзу, къ злѣйшей реакціи.

Наконецъ, четвертый моментъ, пока не осуществленный въ исторіи—соціализмъ. Сейчасъ мы видимъ воочію только безпомощность его, какъ начала объединенія всемірнаго.

Настоящая война—продолженіе «отечественныхъ», «освободительныхъ» войнъ съ Наполеономъ (1812—1815 г.г.),—по внѣшности тоже освободительная, «народная», война съ имперіализмомъ Германіи, выразившимся, будто бы, исключительно въ «Прусской военщинѣ». Но это именно только по внѣшности: въ дѣйствительности, существуетъ неразрывная связь между имперіализмомъ и націонализмомъ не въ одной Германіи, но и во всѣхъ ея противникахъ. У всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ подъ пепломъ націонализма тлѣетъ огонь имперіализма, въ большей или меньшей степени: тутъ количественная, а не качественная разница.

Что же такое націонализмъ? Утвержденіе національной правды, частной и относительной, какъ абсолютной, всеобщей и всечеловѣческой. «Deutschland, Deutschland über alles!» или «Разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ» (т. е. съ нами съ одними и больше ни съ кѣмъ),—эти два лозунга одинаково кощунственны. Націонализмъ лицемѣрно, словесно утверждаетъ,—искренне, дѣятельно исключаетъ всѣ другія національности, кромѣ своей: если національная правда абсолютна, то она исключительна, единственна, ибо не можетъ быть двухъ абсолютовъ.

Съ патріотизмомъ, съ чувствомъ родины, націонализмъ не совпадаетъ метафизически. Въ плоскости духовной, внутренней, понятіе родины шире, чѣмъ понятіе государства: самое живое, личное въ бытѣ народномъ не вмѣщается въ бытіи государственномъ. Въ плоскости матеріальной, внѣшней, понятіе государства шире, чѣмъ по-

нятіе родины: въ одномъ государствѣ можетъ быть много народовъ, много родинъ. Это значитъ, что патріотизмъ можетъ быть и внѣгосударственнымъ: у современныхъ поляковъ и евреевъ нѣтъ государства, но есть родина. Существо національзма всегда государственно. Но существо самого государства сверхнаціонально. Понятіе націи вмѣщается въ понятіи государства, но не обратно: много націй можетъ входить въ одно государство. Нѣтъ столь малой державы, которая не стремилась бы сдѣлаться «великою», на счетъ другихъ меньшихъ. Неизбѣжный метафизическій предѣлъ государственности—«великодержавность», имперіализмъ, нація, утверждающая свою частную, относительную правду, какъ абсолютную и всечеловѣческую.

Вотъ почему національзмъ, метафизически связанный съ имперіализмомъ, по природѣ своей, хищенъ, воинственъ и завоевателенъ.

Нѣтъ націонализма безъ имперіализма. Подъ вѣчнымъ предлогомъ защиты своего отечества, онъ вѣчно нападаетъ на чужое, беззащитное. Глаза у него «завидущіе», руки «загребущія». Ex ungue leonem, по когтямъ узнается левъ или волкъ: національзмъ—волкъ въ овечьей шкурѣ.

Борьба съ націонализмомъ — главная задача русской интеллигенціи. Кажется, ни въ одной странѣ, ни въ одну эпоху борьба эта не велась такъ непримиримо. Отъ Чаадаева до Вл. Соловьева, русское «западничество», борьба со славянофильствомъ, и есть не что иное, какъ борьба съ націонализмомъ. «Да будетъ проклята всякая народность, исключающая изъ себя человѣчность!»—этотъ завѣтъ Бѣлинскаго—завѣтъ всей русской общественности.

Въ этомъ смыслѣ Петръ Великій—нашъ первообразъ: первый западникъ, онъ, въ то же время, самый русскій изъ русскихъ людей. И какъ бы ни смѣшивалъ онъ идеи національной съ государственной, сущность его остается сверхнаціональною, всемірною. То же—въ Пушкинѣ и во всей русской литературѣ: народность возвышается въ ней до всечеловѣчности.

Тяжкій грѣхъ славянофильства—мнимое признаніе, дѣйствительное отрицаніе всемірности. Одно изъ главныхъ свойствъ русскаго славянофильства—мягкотѣлость, безкостность, неумѣніе или нежеланіе доводить мысль до конца, договаривать, ставить точки на і. Вотъ эту-то недоговоренную мысль и обнажаетъ въ кристально-ясной, математически—точной формулѣ Тютчевъ, самый безстрашный и послѣдовательный изъ русскихъ славянофиловъ. Онъ вкладываетъ кости въ тѣло, ставитъ точки на і. Логика его безпощадна: стоитъ принять посылки, чтобы сдѣлать неизбѣжные выводы.

Сущность революціи, — утверждаетъ Тютчевъ, — есть человѣческое *я*, ставящее себя на мѣсто Бога; «самовластье человѣческаго *я*, возведенное на степень политическаго и соціальнаго права». Сущность эта — антихристіанская, «антихристова», ибо «антихристъ» и есть человѣкъ, поставившій себя на мѣсто Бога, «человѣкобогъ».

Таковы посылки, а вотъ и выводы.

Сущность Европейскаго Запада—революція, антихристіанство, т. е. абсолютная ложь, а человѣческое общество, построенное на лжи, обречено на гибель.

«Будетъ ли Франція имѣть силу отречься отъ революціи, сдѣлаться снова христіанской и монархической?— спрашиваетъ Тютчевъ въ 1870 г., наканунѣ Коммуны.— Если нѣтъ, то гибель ея неизбѣжна». И не только гибель Франціи, но и всего Европейскаго Запада. «Западъ отходитъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ. Цивилизація убиваетъ себя своими собственными руками,— предсказывалъ онъ еще въ 1848 г. И въ 1873 г., послѣ Коммуны: «что-то въ родѣ размягченія мозга у цѣлой націи... Состояніе близкое къ идіотизму... Судорога бѣшенства овладѣла Европою... Цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью»... Послѣднее слово Запада—«слово Іуды, который, предавъ Христа, очень умно разсудилъ, что ему остается одно: удавиться»,

Всѣ вообще славянофилы ненавидятъ Западъ, можетъ

быть, не менѣе Тютчева, но стыдятся, робѣютъ и сами не знаютъ, что дѣлаютъ, когда съ медвѣжьею ловкостью сгоняютъ муху со лба спящаго друга булыжникомъ. Тютчевъ знаетъ. Правда, для него это только «игра ума», но что для него игра, то для другихъ дѣло.

Всѣ мысли Достоевскаго о «человѣкобожествѣ» революціи почти дословное повтореніе Тютчева.

Люди стыдливо скрываютъ тайну своего рожденія: такъ славянофилы скрываютъ ненависть къ Западу. Тютчевъ обнажилъ этотъ стыдъ, и, если нагота оказалась чудовищной, то вина не его, а того ученія, которое онъ проповѣдуетъ.

Человѣкоубійственная ненависть—таковъ стыдъ славянофильства, обращенный къ Западу, а вотъ и другой стыдъ, обращенный къ Россіи.

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Это значитъ: Христосъ благословилъ Россію, а всѣ остальные народы проклялъ. «Russland, Russland, über alles». — Разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ», съ нами съ одними и больше ни съ кѣмъ.

Въ мірѣ только двѣ силы: Россія и революція. «Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ: что для одной жизнь, то для другой смерть. Отъ исхода ихъ борьбы зависитъ вся будущность человѣчества... Надъ громаднымъ крушеніемъ Запада всплываетъ еще болѣе громадная Русская Держава святымъ ковчегомъ... Кто дерзнетъ усумниться въ ея призваніи?».

Не вѣрь въ Святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой!

«Ну вотъ, мы въ схваткѣ со всею Европою» (въ 1854 г., наканунѣ Севастополя). Это «заговоръ». «Въ исторіи не бывало примѣровъ гнусности, замышленной и совершенной въ такомъ объемѣ»... Ополченіе Европы противъ Россіи— ополченіе самого «антихриста» противъ Христа:

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы...

Дѣло идетъ о послѣдней борьбѣ всего западно-европейскаго человѣчества съ Россіей. Очень возможно, что Россія погибнетъ. Но если бы случилось, что погибнетъ не она, то уже не съ Россіей придется имѣть дѣло Западу, а съ чѣмъ-то исполинскимъ и окончательнымъ, чему еще нѣтъ имени въ исторіи. Предсказаніе Наполеона на Св. Еленѣ: «черезъ 50 лѣтъ Европа будетъ революціонною или казацкою» (т. е. русскою) на нашихъ глазахъ исполняется.

Революція и Россія—«море и утесъ»: волны бьютъ объ утесъ, разбиваются и, рано или поздно, присмирѣютъ окончательно.

И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Вся Европа подъ пятою Россіи. Или, какъ Хомяковъ предсказалъ:

И другой странѣ смиренной
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Мечъ земли и громъ небесъ.

Отъ такого смиренія, пожалуй, самъ діаволъ не отказался бы.

Но всего безстыднѣе открываетъ Тютчевъ наготу славянофильства именно тамъ, гдѣ оно всего стыдливѣе,—въ вопросѣ о религіозномъ смыслѣ самодержавія.

Власть царя—и мірская, и церковная вмѣстѣ,—власть отъ Бога; помазаніе Божіе; царь—не только царь—глава государства, но и первосвященникъ, глава церкви, намѣстникъ Христа, папа, хотя и обратный, потому что въ Римѣ церковь становится государствомъ, а въ Россіи государство—церковью. Въ этой противоположности двухъ теократій, восточной и западной, заключается главная мысль Достоевскаго, который идетъ дальше всѣхъ славянофиловъ; но и онъ до конца не доходитъ. Тютчевъ дошелъ до конца.

О будь же, царь, прославленъ и хвалимъ,
Но не какъ царь, а какъ намѣстникъ Бога...

т. е. какъ папа Третьяго Русскаго Рима.

Онъ божествомъ себя провозгласилъ,
О новомъ богочеловѣкѣ
Вдругъ притча создалась—и въ міръ вошла...

—могъ бы сказать Тютчевъ о немъ же, о русскомъ царѣ-первосвященникѣ.

Между тѣмъ какъ новые «славянофилы» (Булгаковъ, Бердяевъ, Эрнъ, Флоренскій и прочіе «вѣховцы») косноязычно мямлятъ,—Тютчевъ говоритъ внятно: самодержавіе и православіе связаны, какъ внѣшность и внутренность, форма и содержаніе, тѣло и духъ; самодержавіе—апокалипсисъ православія; православіе въ самодержавіи исполняется; разорвать ихъ, значитъ, убить.

И, наконецъ, послѣдній выводъ: русская всемірная имперія.

«Нельзя отвергать христіанскую имперію, не отвергая христіанской церкви: онѣ обоюдны (corrélatifs). Церковь, освящая имперію, ее себѣ пріобщила и сдѣлала ее окончательною (абсолютною)». Единая вселенская церковь—единая вселенская имперія.

Ея возстановленію должны содѣйствовать два великихъ дѣла: въ области свѣтской—образованіе Греко-Славянской имперіи; въ области духовной—возсоединеніе церквей, или, вѣрнѣе, поглощеніе западной церкви восточною.

«Имперія существовала всегда, только мѣняла властителей. Четыре имперіи: Ассирійская, Персидская, Македонская, Римская. Съ Константина Равноапостольнаго начинается пятая окончательная, христіанская; ея завершеніе—Россія.

Что значитъ «христіанство»,—этой христіанской имперіи, видно изъ того, какъ Тютчевъ рѣшаетъ судьбы входящихъ въ нее народовъ.

«Или быть Польшѣ, или быть Россіи». А такъ какъ, разумѣется, быть Россіи, то Польшѣ не быть: уничтожить

ее, раздавить «подъ гигантскою пятою», и не ее одну, но и Австрію, Италію, Германію,—всѣ «богомерзкіе народы». Давить и душить,—«въ одной рукѣ распятіе и ножъ»,—какъ говоритъ онъ о Первомъ—и могъ бы сказать о третьемъ Русскомъ Римѣ. Человѣкоубійство подъ знаменемъ Христа; царство «Звѣря» подъ знаменемъ царства Божьяго.

Византійская реставрація Тютчева, эта драгоцѣнная ткань, оказалась непригодною для русской политики: дѣло обошлось дешевле. Но на полинялой тряпицѣ современнаго славянофильскаго національзма, если всмотрѣться въ него, можно узнать тотъ же византійскій узоръ—«орлики да крестики», какъ на златотканной ризѣ Тютчева. Онъ вскрываетъ самую сущность того, что выдается и по сей день за «русскій стиль», «русскій духъ». Тютчевъ не лучше и не хуже другихъ славянофиловъ: онъ только правдивѣе всѣхъ.

Въ настоящей войнѣ происходитъ торжество славянофильскаго національзма, окончательно выродившагося въ «зоологическій патріотизмъ». Вотъ почему исконная задача русской общественности—борьба съ національзмомъ—сейчасъ труднѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ когда-либо.

Борьба велась донынѣ въ позитивной плоскости. Но окончательное преодолѣніе славянофильскаго національзма возможно только въ той плоскости, гдѣ самъ онъ движется, а именно,—въ религіозной.

Въ этомъ отношеніи польская интеллигенція можетъ быть сейчасъ могущественной идейной союзницей интеллигенціи русской. Въ ученіи польскаго мессіанизма вопросъ объ отношеніи національной правды къ человѣческой поставленъ религіозно, т. е. именно такъ, какъ должна была и не сумѣла поставить его русская интеллигенція.

Польскій мессіанизмъ наиболѣе противоположенъ русскому славянофильскому національзму. Сущность идеи мессіанской — не хищное, насильственное господство одного народа надъ всѣми другими, а служеніе, самоотреченіе, страданіе, жертва. «Кто изъ васъ хочетъ быть господи-

номъ, да будетъ всѣмъ слугою; кто хочетъ быть первымъ, да будетъ послѣднимъ».

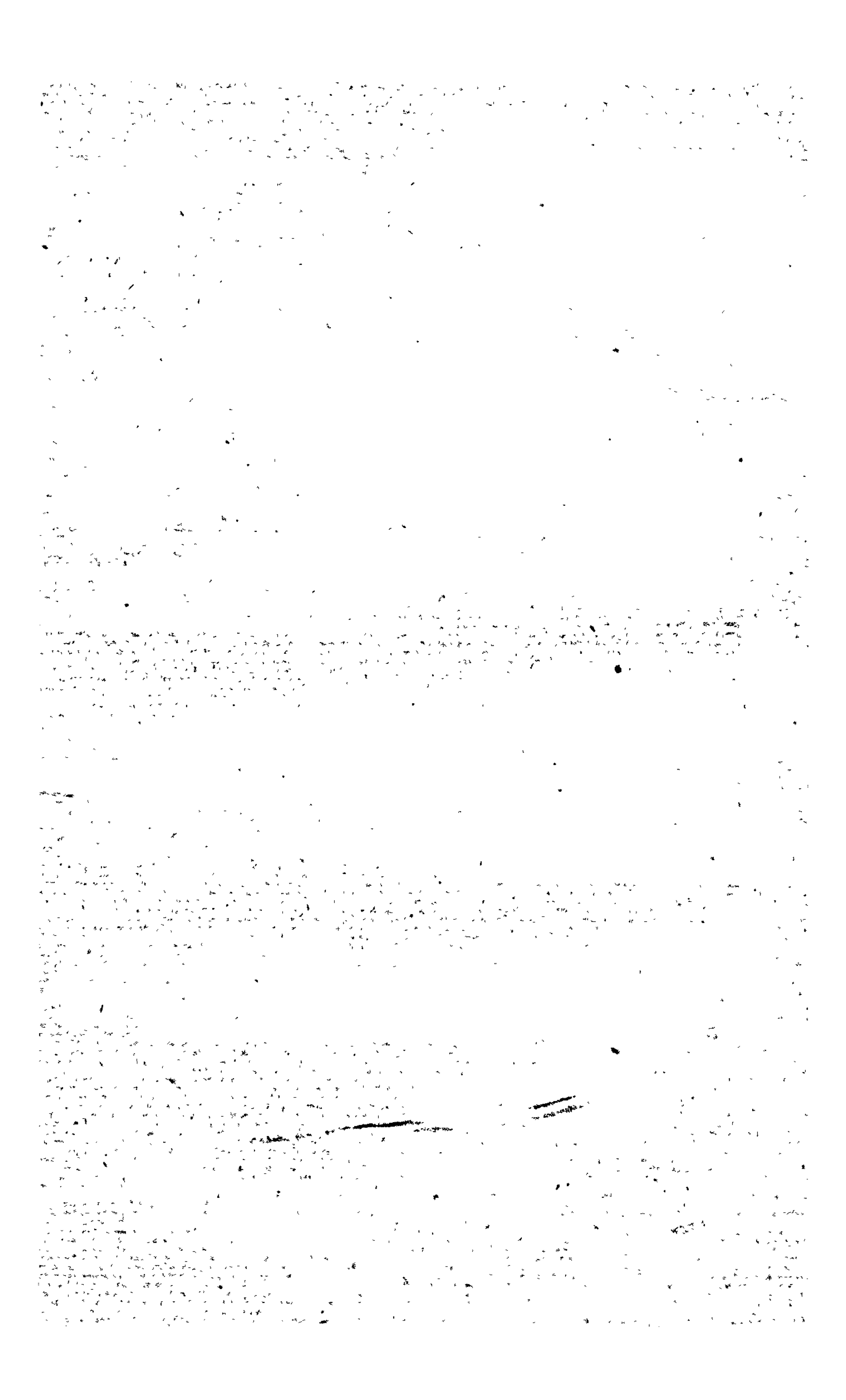
Великія страдальческія судьбы Польши—небывалая всемірно-историческая Голгофа. Ни одинъ народъ такъ не страдалъ, кромѣ народа Божьяго, народа Мессіи по преимуществу,—Израиля. Польша и есть новый Израиль, воистину новый народъ Божій. Идея жертвеннаго служенія воплотилась въ немъ, какъ ни въ одномъ изъ христіанскихъ народовъ. Россія страдала за Европу; Польша страдаетъ за Россію. «Язвами ея мы исцѣлѣемъ». Въ этомъ смыслѣ польскій народъ — во-истину народъ «богоносецъ».

Лучшее лѣкарство отъ застарѣлой русской болѣзни— славянофильскаго національизма — польскій мессіанизмъ, жертвенное служеніе народа высшей правдѣ всечеловѣческой.

Вотъ почему совершающееся нынѣ духовное сближеніе Польши съ Россіей можетъ быть спасеніемъ обоихъ народовъ. «Еще Польша не сгинула» — да прозвучитъ въ нашихъ сердцахъ, какъ вѣчный завѣтъ: «еще Россія не погибла».

Вмѣстѣ погибали—вмѣстѣ и спасемся.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ, КАКЪ РУССКІЙ

Хочется думать сейчасъ о Россіи, объ одной Россіи и больше ни о чемъ, ни о комъ. Вопросъ о бытіи всѣхъ племенъ и языковъ, сущихъ въ Россіи (по слову Пушкина: «Всякъ сущій въ ней языкъ») есть вопросъ о бытіи самой Россіи. Хочется спросить всѣ эти племена и языки: какъ вы желаете быть,—съ Россіей или помимо нея? Если помимо, то зачѣмъ обращаетесь къ намъ, русскимъ, за помощью? А если не помимо, то забудьте въ эту страшную минуту о себѣ, только о Россіи думайте, потому что не будетъ ея—не будетъ и васъ всѣхъ: ея спасеніе—ваше, ея погибель—ваша. Хочется сказать, что нѣтъ вопроса еврейскаго, польскаго, армянскаго, грузинскаго, русинскаго и проч. и пр., а есть только русскій вопросъ.

Хочется это сказать, но нельзя. Трагедія русскаго общества въ томъ и заключается, что оно сейчасъ не имѣетъ права это сказать. Развѣ оно можетъ сказать, что благо Россіи будетъ благомъ всѣхъ «сущихъ въ ней языковъ»? Это сказать легко,—сколько разъ мы говорили,—но намъ уже не вѣрятъ.

Весь идеализмъ русскаго общества въ вопросахъ національныхъ безсиленъ и потому безотвѣтственъ.

Въ еврейскомъ вопросѣ это особенно ясно.

Чего отъ насъ хотятъ евреи? Возмущенія нравственнаго, признанія того, что антисемитизмъ гнусенъ? Но это признаніе давно уже сдѣлано; это возмущеніе такъ сильно и просто, что о немъ почти нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать о помощи вмѣстѣ съ евреями. Мы и кричимъ.

Но одного крика мало. И вотъ это сознаніе что мало крика,—изнуряетъ, обезсиливаетъ. Тяжело, больно, стыдно...

Но и сквозь боль и стыдъ мы кричимъ, твердимъ, клянемся, увѣряемъ людей, не знающихъ таблицы умноженія, что $2 \times 2 = 4$, что евреи такіе же люди, какъ мы,—не враги отечества, не измѣнники, а честные русскіе граждане, любящіе Россію не меньше нашего; что антисемитизмъ—позорное клеймо на лицѣ Россіи.

Но, помимо крика, нельзя ли высказать и одну спокойную мысль.

«Юдофобство» съ «юдофильствомъ» связано. Слѣпое отрицаніе вызываетъ такое же слѣпое утвержденіе чужой національности. Когда всему въ ней говорится абсолютное «нѣтъ», то, возражая, надо всему сказать абсолютное «да».

Что значитъ «юдофилъ», по крайней мѣрѣ, сейчасъ, въ Россіи? Это значитъ человѣкъ, любящій евреевъ особой исключительной любовью, признающій въ нихъ правду большую, чѣмъ во всѣхъ другихъ національностяхъ. Такими «юдофилами» представляемся націоналистамъ, «истинно русскимъ людямъ», мы, русскіе люди, не «истинные».

— Что вы все съ евреями возитесь?—говорятъ намъ націоналисты.

Но какъ же намъ не возиться съ евреями и не только съ ними, но и съ поляками, армянами, грузинами, русинами и проч., и проч? Когда на нашихъ глазахъ кого нибудь обижаютъ,—«по человѣчеству», нельзя пройти мимо, надо помочь или, по крайней мѣрѣ, надо кричать о помощи вмѣстѣ съ тѣмъ, кого обижаютъ. Это мы и дѣлаемъ, и горе намъ если мы перестанемъ это дѣлать, перестанемъ быть людьми, чтобы сдѣлаться русскими.

Цѣлый дремучій лѣсъ національныхъ вопросовъ всталъ вокругъ насъ и заслонилъ русское небо. Голоса всѣхъ сущихъ въ Россіи языковъ заглушили русскій языкъ. И неизбѣжно и праведно. Намъ плохо, а имъ еще хуже; у насъ болитъ, а у нихъ еще сильнѣе. И мы должны забывать себя для нихъ.

И вотъ почему мы говоримъ націоналистамъ:

— Перестаньте угнетать чужія національности, чтобы мы имѣли право быть русскими, чтобы мы могли показать свое національное лицо съ достоинствомъ, какъ лицо человѣческое, а не звѣриное.

Возьму примѣръ на-удачу.

Еврейскій вопросъ имѣетъ сторону не только національную, но и религіозную. Межлу іудействомъ и христіанствомъ существуютъ, какъ между двумя полюсами, глубокія притяженія и столь же глубокія отталкиванія. Христіанство вышло изъ іудейства, Новый Завѣтъ—изъ Ветхаго. Апостолъ Павелъ, который больше всѣхъ боролся съ іудействомъ, желалъ *«быть отлученнымъ отъ Христа за своихъ братьевъ по плоти»*. т. е. за іудеевъ. И самъ Христосъ—іудей по плоти. Кощунство надъ іудействомъ — кощунство надъ Плотью Христовой.

О притяженіяхъ говорить можно, а объ отталкиваніяхъ нельзя. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса. Безправіе евреевъ — безмолвіе христіанъ. Внѣшнее насиліе надъ ними—внутреннее насиліе надъ нами. Намъ нельзя отдѣлять христіанства отъ іудейства, потому что это значитъ, какъ выразился одинъ еврей, проводить «новую духовную черту осѣдлости». Уничтожьте сперва черту матеріальную, и тогда можно будетъ говорить о духовной. А пока это не сдѣлано, правда христіанства предъ лицомъ іудейства остается тщетною.

Почему сейчасъ, во время войны, такъ заболѣлъ еврейскій вопросъ? Потому же, почему заболѣли и всѣ вопросы національные.

«Освободительной» назвали мы эту войну. Мы начали ее, чтобы освободить дальнихъ. Мы любимъ дальнихъ. Почему же ненавидимъ близкихъ? Внѣ Россіи любимъ, а внутри—ненавидимъ. Жалѣемъ всѣхъ, а къ евреямъ безжалостны.

Вотъ они умираютъ за насъ на поляхъ сраженій, любятъ насъ, ненавидящихъ, а мы ненавидимъ любящихъ.

Если мы будемъ такъ поступать, намъ перестанутъ вѣрить, намъ скажутъ народы:

— Вы умѣете любить только издали. Вы лжете.

А мы, вѣдь, надѣялись, что наша сила въ правдѣ. Мы хотѣли правдою побѣдить силу. Если все еще хотимъ, то не будемъ лгать, ослаблять ложью правды нашей, силы побѣждающей.

Нѣмцы говорятъ: война за міръ, за власть надъ міромъ,— и такъ и дѣлаютъ. А мы говоримъ: война за миръ, за примиреніе, освобожденіе міра, — и намъ слѣдуетъ дѣлать такъ, какъ мы говоримъ. Въ словѣ «міръ» нѣмцы ставятъ точку на і. Неужели же все наше отличіе отъ нихъ только въ томъ, что мы точки на і не ставимъ? На русскомъ языкѣ «миръ» и «міръ» звучатъ одинаково: тѣмъ болѣе намъ нужно не языкомъ, а сердцемъ отличить себя отъ нашихъ враговъ, сдѣлать такъ, чтобы народы поняли, за что мы воюемъ, за власть надъ міромъ или за освобожденіе міра.

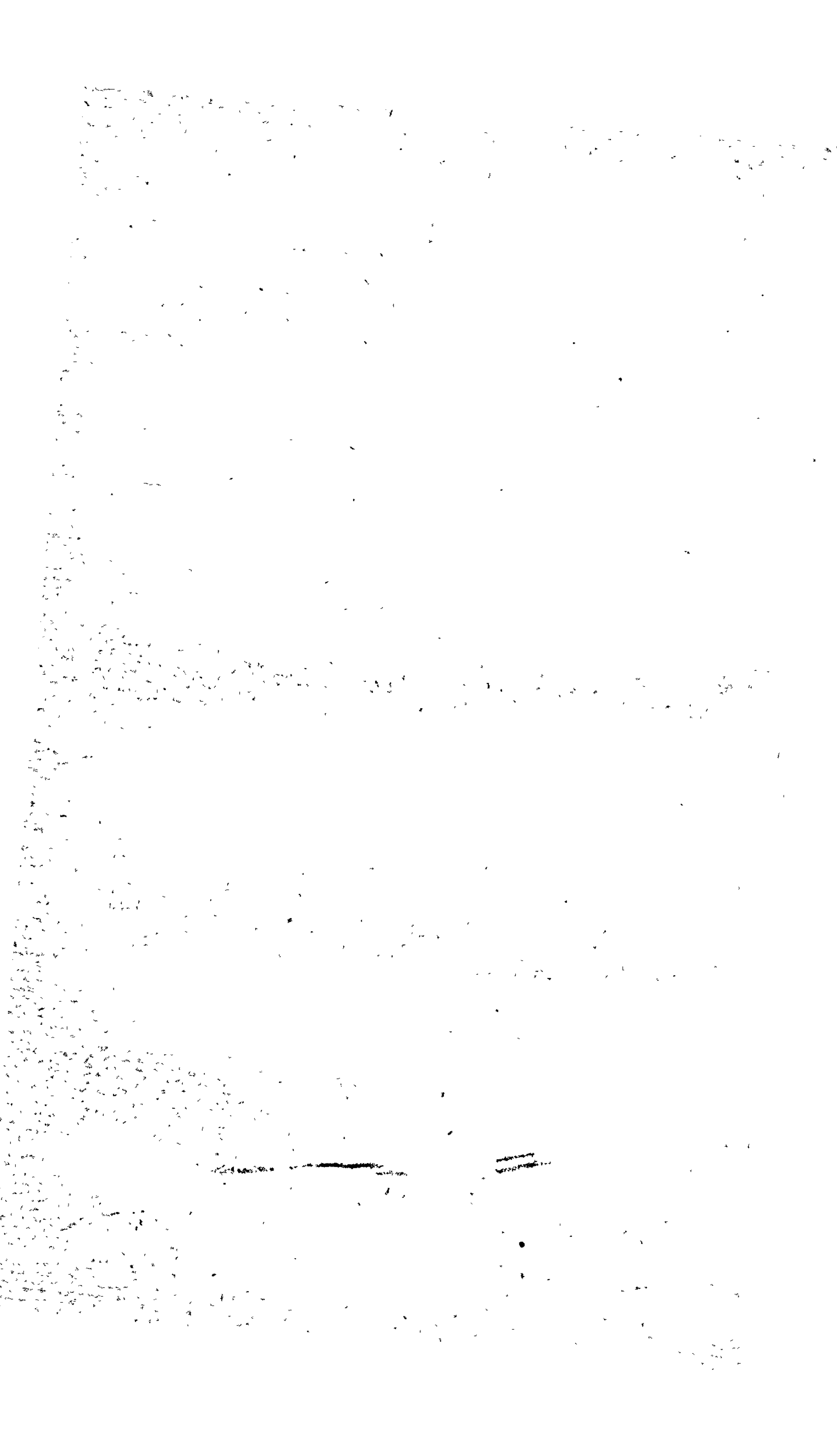
Начнемъ же это дѣлать съ евреевъ.

Но пусть не забываютъ народы угнетенные, что свободу можетъ имъ дать только свободный русскій народъ.

Пусть не забываютъ евреи, что вопросъ еврейскій есть русскій вопросъ.

В. С. СОЛОВЬЕВЪ

(Рѣчь, сказанная 14 ноября 1916 года на вечерѣ въ память В. С. Соловьева)

Почему сейчасъ поминки по В. С. Соловьевѣ своевременны?

Борьба съ націонализмомъ—этими двумя словами можно опредѣлить его религіозно-общественную дѣятельность. Но, кажется, онъ самъ не понималъ всего значенія этой борьбы или, по крайней мѣрѣ, не умѣлъ сказать о немъ, какъ слѣдуетъ—тутъ косноязычіе, нѣмота его пророческая.

Онъ вѣрно предчувствовалъ, что отъ преодолѣнія русскаго націонализма зависятъ судьбы Россіи.

О Русь, въ предвидѣньи высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ ты хочешь быть Востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Страшный вопросъ. Конечно, быть востокомъ Ксеркса, отрекшись отъ Христа,—не лучше, а можетъ быть, и хуже, чѣмъ совсѣмъ не быть. Но мы теперь начинаемъ понимать нѣчто еще болѣе страшное, а именно, что вопросъ о націонализмѣ, о нечестивомъ утвержденіи своего народа, какъ абсолюта, какъ Бога, есть вопросъ не только о томъ, быть или не быть Россіи, но и о томъ, быть или не быть всей Европѣ, всему человѣчеству.

Нынѣшняя война именно такъ ставитъ вопросъ.

Это война небывалая, единственная во всемірной исторіи. Всѣ прежнія войны, по сравненію съ этою, кажутся частными, условными, относительными, — какъ бы даже вовсе не войнами. Это, въ сущности, первая война,—мы не смѣемъ сказать: и послѣдняя,—но, во всякомъ случаѣ,

первая, безусловная, всеобщая, окончательная или безконечная,—*абсолютная*.

Абсолютная война—плодъ абсолютнаго націонализма. Мы утѣшаемся тѣмъ, что абсолютный націонализмъ — свойство нашихъ враговъ, а не наше. Пусть нашъ націонализмъ меньшій, условный, относительный. Но нельзя побѣдить большаго меньшимъ, абсолютнаго относительнымъ. Можно побѣдить ложный абсолютъ націонализма, только противопоставивъ ему абсолютъ истинный, т.-е. ограничивъ идею націи какою-либо другою идеей высшею. Какая же идея выше націи?

До войны мы сказали бы съ легкостью: идея человѣчества. Теперь мы этого не скажемъ или, по крайней мѣрѣ, скажемъ не съ прежнею легкостью.

Только теперь, на страшномъ опытѣ войны, мы узнали, какая кровавая тяжесть въ идеѣ націи. Можно сказать, что эта идея наливается всею кровью, льющеюся на поляхъ сраженій, а идея человѣчества тою же кровью обезкровлена. Можно сказать, что ни одна изъ идей такъ сейчасъ не поругана, не растоптана, не задавлена, не убита, какъ идея человѣчества! что сейчасъ идея націи самая живая, огненная, нужная и понятная всѣмъ, а идея человѣчества—самая отвлеченная, холодная, мертвая, никому ненужная и непонятная. Милліоны людей умираютъ за идею національную, за отечество, а за идею всемірную, за человѣчество кто умираетъ сейчасъ? И если даже такіе люди есть, то мы о нихъ говоримъ: «чудаки, безумцы, мечтатели»!

Вотъ—русскіе, нѣмцы, французы, англичане,—и все это люди. Люди на словахъ, а на дѣлѣ—человѣкъ человѣку звѣрь? Нѣтъ, не звѣрь, а дьяволъ.

Если мы этого не хотимъ, не хотимъ абсолютной, безконечной войны—самоистребленія человѣческаго рода, то мы должны вспомнить, что мертвая нынѣ идея человѣчества была живою; мы должны вѣрить, что она будетъ живою. Вл. Соловьевъ это помнилъ, въ это вѣрилъ, какъ никто:

только объ этомъ всѣ его слова и нѣмыя пророчества. Онъ зналъ, какъ никто, что абсолютнаго націонализма нельзя преодолѣть ничѣмъ, кромѣ *абсолютнаго человѣчества*. Но идея человѣчества остается отвлеченною, идеальною, безжизненною и бездѣйственною, если она не воплотилась въ дѣйствительности, хотя бы въ одной точкѣ, въ одной личности, въ одномъ Абсолютномъ Человѣкѣ. Такой Абсолютный Человѣкъ—Богочеловѣкъ Христосъ. Отъ Богочеловѣка къ богочеловѣчеству—вотъ главная религіозная мысль Соловьева.

Л. Толстой противоположенъ Соловьеву во многомъ, между прочимъ, и въ отношеніи къ войнѣ.

Толстой отрицаетъ войну, какъ и всякое насиліе, всякое «противленіе злу», и это отрицаніе истинно, праведно, свято, но одиноко, лично, безобщественно, а потому преждевременно, нереально, бездѣйственно. Чтобы такъ отрицать войну, какъ онъ, надо быть имъ,—но онъ одинъ.

Вл. Соловьевъ не утверждаетъ и не оправдываетъ войны (утвердить и оправдывать ее нельзя), но принимаетъ ее, смиряется, *снижается* до нея вмѣстѣ со всѣми, для того, чтобы изжить ее до конца, преодолѣть изнутри, точно такъ же, какъ онъ принимаетъ весь процессъ всемірно-историческій, который преодолѣваетъ, изживаетъ себя до конца—до царства Божьяго.

Л. Толстой такъ противоположенъ, враждебенъ Соловьеву, что иногда кажется ему «антихристомъ». А между тѣмъ въ этомъ, въ главномъ—въ идеѣ или, вѣрнѣе, въ *чувствѣ всемірности* они поразительно сходятся. И Достоевскій, злѣйшій націоналистъ въ минуты затменій,—въ иныя минуты (напр., въ своей знаменитой рѣчи о Пушкинѣ) прямо утверждаетъ, что «быть русскимъ, значитъ, быть всечеловѣкомъ». Пушкинъ «*перевоплощается*» въ другія націи художественно, Вл. Соловьевъ и Толстой—религіозно. Эта способность къ перевоплощеніямъ, переселеніямъ души изъ одного національнаго тѣла въ другое — вовсе не только идеальная возможность, но и самая реальная дѣйствитель-

ность,—какъ бы явленіе той «новой твари», о которой говоритъ апостолъ Павелъ,—новое рожденіе, вхожденіе въ иную плоть и кровь. Когда Соловьевъ защищаетъ евреевъ или поляковъ, кажется, что онъ самъ становится полякомъ и евреемъ («ожидовѣлъ», «ополячился»—бранятся непонимающіе люди); онъ для нихъ весь родной, «кровный», а для насъ по-прежнему русскій,—еще болѣе русскій, чѣмъ прежде. И Л. Толстой для самыхъ далекихъ, чуждыхъ народовъ—такой же кровный. Тутъ уже не только метафизика, но и физіологія: какъ въ шарикахъ крови есть что то, отличающее желтую расу отъ бѣлой, такъ, можетъ быть и здѣсь, въ самомъ составѣ крови происходитъ зачатіе какой-то новой расы всечеловѣческой.

Это чудо перевоплощенія, чудо всемірности есть русское чудо по преимуществу, особый даръ Божій, великій и страшный. Можно бы сказать, что національное призваніе Россіи заключается въ преодолѣніи національности, въ достиженіи всечеловѣчности. Хотимъ или не хотимъ, намъ отъ этого не отдѣлаться. И всемірною войною задача русской всемірности поставлена такъ, какъ еще никогда.

О Русь! въ предвидѣньи высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ ты хочешь быть Востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

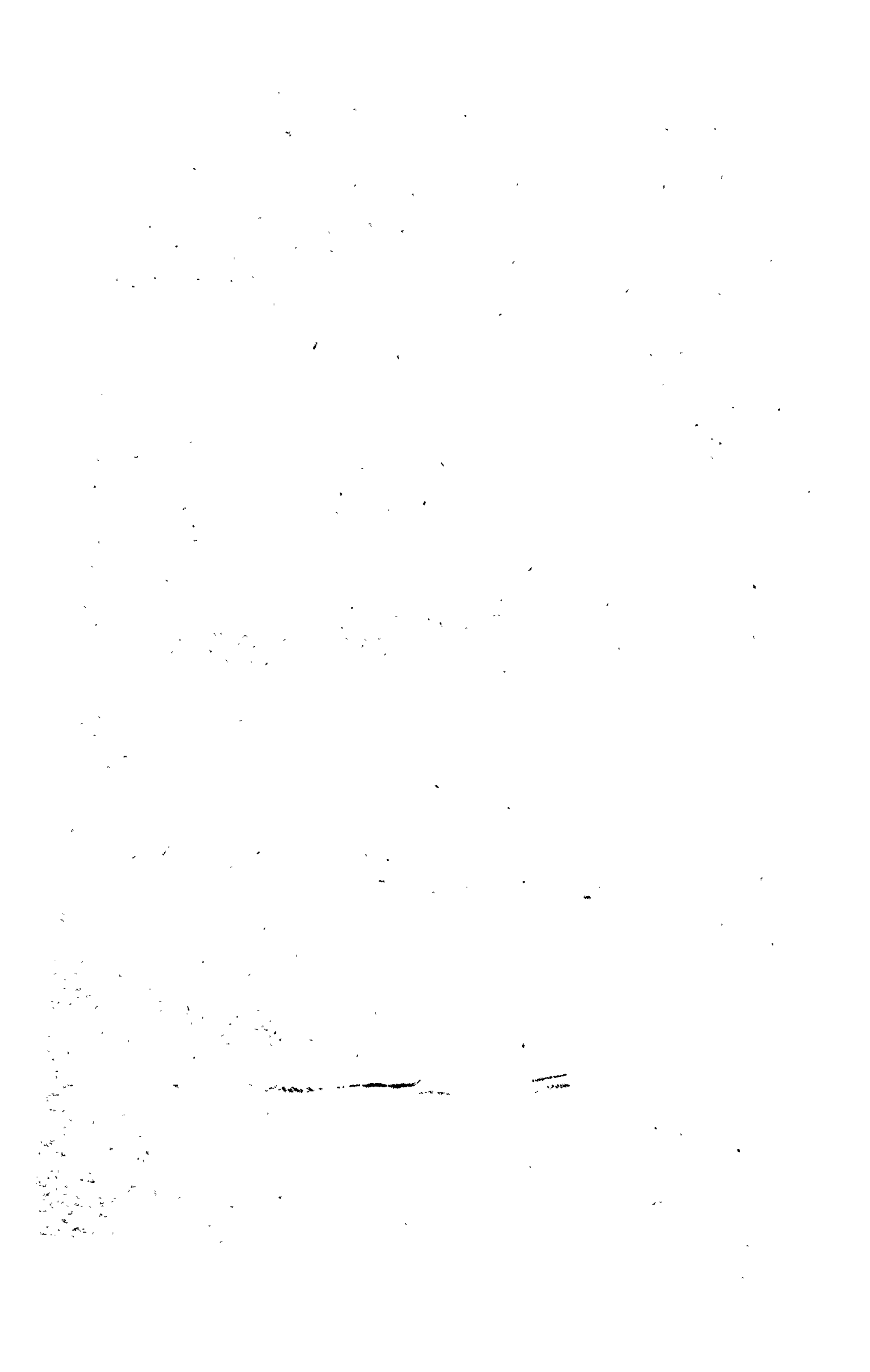
Россіи надо отвѣтить на этотъ вопросъ. И вовсе не радость, не гордость наша, а ужасъ въ томъ, что, кажется, мы одни понимаемъ, какъ слѣдуетъ, что быть со Христомъ или противъ Христа, значитъ, быть или не быть не только намъ, но и всему человѣчеству.

Если Христа не было, то не будетъ конца абсолютному національзму, абсолютной войнѣ,—и міръ погибъ, и мы уже видимъ начало этой гибели. Но Христосъ былъ,—и міръ спасенъ, и мы уже видимъ, или скоро увидимъ, начало спасенія. Вотъ что въ наши дни могъ бы сказать Вл. Соловьевъ.

Онъ принималъ войну вообще. И эту войну принялъ бы. Сказалъ бы, какъ мы говоримъ: ужасная, проклятая война, а все-таки надо воевать до конца. Но онъ имѣлъ бы право сказать и то, что многіе сейчасъ говорятъ безъ всякаго права: надо воевать до конца, потому что конецъ этой войны—конецъ всѣхъ войнъ.

Сказать вмѣстѣ съ Соловьевымъ: да будетъ абсолютное человѣчество, Богочеловѣчество,—и значитъ сказать: да будетъ эта война концомъ всѣхъ войнъ, да будетъ вѣчный миръ.

Это сказать сейчасъ нужнѣе, чѣмъ когда либо, и вотъ почему своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, наши поминки по Соловьевѣ.

ЧААДАЕВЪ

1794—1856

I.

Adveniat regnum tuum.

Въ прошломъ году исполнилось стодвадцатилѣтіе со дня рожденія Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1914),— и никто объ этомъ не вспомнилъ; въ будущемъ году исполнится шестидесятилѣтіе со дня его смерти (1856—1916), и, никто, вѣроятно, не вспомнитъ. Хотя у насъ теперь столько годовщинъ, сколько на кладбищѣ памятниковъ, но Чаадаевъ забытъ: на такихъ людей память у насъ коротка.

«Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или томъ, что его не будетъ — все равно, надобно было проснуться». Такъ описываетъ Герценъ впечатлѣніе отъ «Философическаго Письма» Чаадаева (1836).

«Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали писать и читать, никакое литературное или ученое событіе не производило такого огромнаго вліянія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ», — замѣчаетъ другой современникъ (Жихаревъ) о томъ же «Письмѣ».

Это — «месть», «выстраданное проклятіе» Россіи. «Оставьте всѣ надежды». Россія гибнетъ. Ея прошедшее пусто, настоящее невыносимо, а будущаго вовсе нѣтъ.

Вся она—«только пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ—до чего отчужденіе и рабство могутъ довести».

Такъ понялъ Герценъ Чаадаева; такъ поняли всѣ—славянофилы и западники, либералы и консерваторы, умные и глупые, честные и подлые.

Поднялась «ужасная суматоха», какъ въ разрытомъ палкой муравейникѣ. «Все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію».

«Письмо Чаадаева не что иное, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ» (кн. Вяземскій).—«Чаадаевъ излилъ на свое отечество такую ужасную ненависть, которая могла быть внушена ему только адскими силами» (Татищевъ).—«Обожаемую мать обругали, ударили по щекѣ»... (Вигель).—«Тутъ бой рукопашный за свою кровь, за прахъ отцовъ, за все свое и за всѣхъ своихъ... Это верхъ безумія... За это сажаютъ въ желтый домъ» (кн. Вяземскій).

Взывали къ митрополиту Серафиму, дабы онъ обратилъ вниманіе на «богомерзкое письмо», гдѣ изрыгаются «дерзостныя хулы на вѣру и отечество». Студенты Московскаго университета выражали попечителю, гр. Строганову, желаніе «съ оружіемъ въ рукахъ вступиться за оскорбленную Россію».—Мало было Сибири, каторги, кнута, крѣпости, чтобы достойно покарать измѣнника своему Богу и своему отечеству» (Маркизъ дё-Кюстинъ).

Не понялъ Чаадаева и проницательнѣйшій изъ русскихъ людей, Пушкинъ. «Клянусь вамъ честью, я не хотѣлъ бы имѣть другое отечество, ни другую исторію, чѣмъ тѣ, которыя далъ намъ Богъ». Какъ будто Чаадаевъ хотѣлъ имѣть другое отечество!

«Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ люблю свое отечество... Но я не умѣю любить—съ закрытыми глазами, съ опущенной головой, съ нѣмыми устами... Я думаю, что прежде всего мы обязаны отечеству истиной»,—

отвѣтилъ онъ (въ «Апологіи Сумасшедшаго») всѣмъ своимъ обвинителямъ, въ томъ числѣ и Пушкину.

«Прошлое Россіи было удивительно, настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, а будущее превзойдетъ все, что можетъ себѣ представить воображеніе самое смѣлое: вотъ съ какой точки зрѣнія должно разсматривать и писать русскую исторію», — говаривалъ гр. Бенкендорфъ, шефъ Николаевскихъ жандармовъ. Разумѣется, не такъ любилъ Россію Чаадаевъ.

Императоръ Николай Павловичъ на «Философическомъ Письмѣ» положилъ резолюцію: «Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной—смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго».

Вспомнили, что Чаадаевъ принадлежалъ къ «Союзу Благоденствія» и, можетъ быть, къ «Тайному Обществу» 14 декабря, заподозрили связь «Письма» съ какою-то «политическою сектою», чуть не цѣлымъ заговоромъ.

Нарядили слѣдственную комиссію, и, хотя никакого заговора не открыли, но съ виновными расправились жестоко, даже по тому времени: журналъ «Телескопъ», гдѣ напечатано «Письмо», запрещенъ, редакторъ Надеждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, цензоръ Болдыревъ отрѣшенъ отъ должности, а Чаадаевъ объявленъ, по высочайшему повелѣнію, «сумасшедшимъ», о чемъ посланъ указъ московскому военному генералъ-губернатору.

Такъ повторилась исторія Чацкаго—«горе отъ ума». И никого не удивила эта небывалая *казнь сумасшествіемъ*.

Только по особой милости не посадили Чаадаева въ сумасшедшій домъ, а отдали подъ «медико-полицейскій надзоръ».

Онъ былъ мудрецъ, но не мученикъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми смѣлыми въ мысляхъ, онъ оказался робкимъ на дѣлѣ. Въ первыя минуты храбрился, объявилъ, что «не отрекается отъ своихъ мыслей и готовъ ихъ подписать кровью»,—но потомъ не выдержалъ.

«Прочтя предписаніе (о своемъ сумасшествіи),—доносилъ Бенкендорфу начальникъ московскаго корпуса жан-

дармовъ,—онъ смутился, чрезвычайно поблѣднѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ, и не могъ выговорить ни слова. Наконецъ, собравшись съ силами, трепещущимъ голосомъ сказалъ: «Справедливо, совершенно справедливо!» И тутъ же назвалъ свои письма «сумасбродными, скверными».

«Чаадаевъ сильно потрясенъ постигшимъ его наказаніемъ,—сообщалъ А. И. Тургеневъ,—сидитъ дома, похудѣлъ вдругъ страшно, и какія-то пятна на лицѣ... Боюсь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не помѣшался».

«Я долженъ видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ ex officio меня навѣщающихъ,—вспоминалъ самъ Чаадаевъ.—Одинъ изъ нихъ, пьяный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ».

(Этотъ пьяный штабъ-лекарь, ругающійся надъ сумасшедшимъ философомъ—не вѣчный ли символъ русскаго просвѣщенія?)

«Развязки пока не предвижу, да и признаться, не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка. Сказать человѣку: «ты съ ума сошелъ»—не мудрено; но какъ сказать ему: «ты теперь въ полномъ разумѣ»?... Земная твердость бытія моего поколеблена навѣки».

Черезъ годъ надзоръ былъ снятъ, подъ условіемъ «не смѣть ничего писать».

II.

Чаадаевъ не помѣшался, но существованіе его было «опрокинуто»: никогда уже не могъ онъ оправиться: замкнулся въ себѣ, ушелъ въ свою скорлупу, застылъ, окаменѣлъ,—какъ бы умеръ за-живо, и остальныя двадцать лѣтъ жизни провелъ въ Москвѣ—«Некрополисѣ», Городѣ Мертвыхъ,—какъ мертвый.

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ...

— «Моя смѣшная жизнь... Всегда въ самомъ печальномъ бываетъ смѣшное»,—говаривалъ онъ съ горькой

улыбкою. Казнь сумасшествіемъ — казнь смѣхомъ — это клеймо осталось на немъ. «Басманный мудрецъ», «плѣшивый лжепророкъ», «дамскій философъ», «старыхъ барынь духовникъ, маленькій аббатикъ».

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ;
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum!»

Онъ человѣкъ своего времени—отставной лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, русскій баринъ-помѣщикъ (хотя и продалъ свое имѣніе, чтобы не владѣть «рабами»), избалованный, изнѣженный, лѣнивый и праздный, весь въ долгу, какъ въ шелку.

Смолоду красавецъ и щеголь, до конца дней чрезмѣрно заботится о своей наружности. «Совершенная кокетка: по часамъ просиживалъ за туалетомъ, чистилъ ротъ, ногти, пригирался, мылся, холился, прыскался духами».

Мнителенъ, какъ всѣ ипохондрики (въ молодости лѣчился отъ «гипохондріи», какъ отъ настоящей болѣзни). Боялся холеры до смѣшного. «Мнѣ все кажется, что онъ немного тронулся... Деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менѣе обращать на себя и на das liebe Ich вниманія, менѣе ухаживать за собою, не повязывать пять галстуховъ въ утро, менѣе холить свои ногти, и зубы, и свой желудокъ... Тогда и холеры и гемороя менѣе будемъ бояться» (А. И. Тургеневъ).

Дѣтски-тщеславенъ и суетенъ. Любитъ, чтобъ «вся Москва» вельможно-вольно-думная съѣзжалась на его понедѣльники. «Онъ принималъ посѣтителей, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ двумя лавровыми деревьями въ кадкахъ; справа находился портретъ Наполеона, слѣва—Байрона, а напротивъ—его собственный, въ видѣ скованнаго генія» (Вигель). По этой каррикатурѣ, не столько злой, сколько злобной, можно судить, какія легенды ходили о немъ.

Съ годами все больше опускался, погружался въ «обломовщину». Зиму и лѣто проводилъ безвыѣздно въ своей

квартирѣ на Новой Басманной, въ одномъ изъ флигелей дома Левашовой (въ другомъ флигелѣ жилъ М. Бакунинъ и часто бывалъ у сосѣда). За тридцать лѣтъ ни разу не ночевалъ за городомъ. Все не могъ собраться перекрасить у себя полы и стѣны, поправить печи. Домъ разрушался отъ ветхости, пугая своимъ косымъ видомъ хозяина и его посѣтителей.

Почти никуда не выходилъ. «Выхожу только для того, чтобы найти минуту забвенія въ тупой дремотѣ англійскаго клуба» (1845).

До какого малодушія онъ способенъ былъ доходить, видно по исторіи съ Герценомъ. Когда въ одной изъ своихъ заграничныхъ книгъ («О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», Парижъ 1851), Герценъ упомянулъ о Чаадаевѣ, тотъ перепугался не на шутку, написалъ по начальству унизительное оправданіе, называя сочувственный отзывъ Герцена «наглой клеветой», а въ то же время самого Герцена благодарилъ и клялся ему въ вѣчной любви. Когда-же кто-то удивился этой «безполезной низости» (bassesse gratuite) Чаадаевъ, подумавъ немного, сказалъ:

— «Надо, мой милый, беречь свою шкуру» (Mon cher, on tient à sa peau).

Конечно, все сознавалъ съ неумолимою ясностью, какъ человѣкъ въ летаргическомъ снѣ, когда его хоронятъ за-живо. Судилъ себя страшнымъ судомъ: «Я себя разглядѣлъ и вижу, что никуда не гожусь... Но неужто и жалости не стою?»

Съ виду былъ спокоенъ, сдержанъ, вѣжливъ и холоденъ,—«точно замороженъ». Какъ посторонній наблюдатель, смотрѣлъ на бѣгущія мимо дѣла и лица съ «язвительнымъ снисхожденіемъ».

— «Что бы намъ ни готовило будущее, скрестимъ руки на груди и будемъ ждать».

Только иногда вырывается у него крикъ отчаянія:

— «Мы затопили у себя курную избу, сидимъ въ дыму— зги Божьей не видать»...

— «Величайшая глупость—надѣяться на что-то, сидя въ гнилой трясинѣ, въ которую каждое движеніе все больше погружаетъ»...

Страдалъ неимовѣрно. «Бывали минуты, когда я не зналъ, что со мною будетъ, и помышлялъ невольно о самоубійствѣ».

Такъ тихо замученъ, задушенъ этотъ «сумасшедшій мудрецъ».

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ...

Шеллингъ называлъ его «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени». Пушкинъ считалъ своимъ спасителемъ:

Въ минуту гибели надъ бездной потаеннной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой.

«Никогда я тебя не забуду. Твоя дружба замѣнила мнѣ счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя» (Кишиневскій дневникъ. 1821).

И теперь, почти ровно черезъ восемьдесятъ лѣтъ (тоже годовщина: 1836—1916) стоитъ перечесть «Философическое Письмо»—эти двадцать страничекъ, которыя, подобно стихамъ Пушкина, не умрутъ, пока жива Россія,—чтобы убѣдиться, что Чаадаевъ—одно изъ величайшихъ явленій русскаго духа.

Что-то было въ самой наружности его, что «производило необыкновенное впечатлѣніе даже на дѣтей».

Высокъ ростомъ, худощавъ, строенъ; всегда безукоризненно одѣтъ. «Блѣдное, нѣжное лицо совершенно неподвижно, когда онъ молчитъ, какъ будто изъ воску или мрамора»; «чело, какъ черепъ голый»; женственно-тонкія губы улыбаются насмѣшливо, а сѣро-голубые глаза смотрятъ съ добротою печальною: «Лучше всего на свѣтѣ доброта»,—говаривалъ онъ.

Женщины поклоняются ему. Кажется, только онѣ и знаютъ его, какъ слѣдуетъ.

«Провидѣніе вручило вамъ свѣтъ, слишкомъ яркій, слишкомъ ослѣпительный для нашихъ потемокъ... какъ бы

Ѳаворское сіяніе, заставляющее людей падать лицомъ на землю»,—писала ему одна изъ нихъ.—«Я хочу просить вашего благословенія... Мнѣ было бы такъ отрадно принять его отъ васъ, колѣнопреклоненной... Не удивляйтесь и не отрекайтесь отъ моего глубокаго благоговѣнія, — вы не властны уменьшить его»,—писала другая—Авдотья Сергѣевна Норова. Нераздѣленная любовь къ нему свела ее въ могилу. Но двадцать лѣтъ спустя, онъ вспомнилъ объ этой любви и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Норовой.

Кажется, никогда не любилъ женщины. Подобно многимъ русскимъ романтикамъ 20—30-хъ годовъ—Станкевичу, Константину Аксакову, Михаилу Бакунину—былъ прирожденный дѣвственникъ. «Рыцарь бѣдный»,

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ...

Какое же это видѣніе?

III.

«Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей». (Достоевскій).

Всемірность—вотъ главная и, въ сущности, единственная мысль Чаадаева. «У меня только одна мысль. Если бы въ умѣ моемъ случайно оказались другія,—то онѣ, конечно, прилѣпились бы къ этой одной». Но тутъ не только мысль, — а мысль, чувство и воля вмѣстѣ, — все существо его, вся его «энтелехія», какъ сказалъ бы Гете,—то «ви-

дѣніе, непостижное уму», отъ котораго онъ «сгорѣлъ душою».

Не понявъ этого, ничего нельзя понять въ Чаадаевѣ. «Философическое Письмо»—только отрывокъ, обломокъ огромнаго зданія. Политическій выводъ—безъ религіозной посылки; но, не зная посылки, нельзя понять выводъ. Отрицаніе—безъ утвержденія; но, не зная утвержденія, нельзя понять отрицаніе. Тутъ глубина сомнѣнія — отъ глубины вѣры; но сомнѣніе показано, а вѣра спрятана. Страшную силу удара почувствовали всѣ, но меча и руки, наносившихъ ударъ, никто не увидѣлъ. Всѣ услышали «выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь», но кто, и въ кого, и зачѣмъ стрѣляетъ, — такъ и не поняли. Вотъ почему настоящій смыслъ «Письма» остался неразгаданнымъ.

Смыслъ его таковъ.

Церковь римско-католическая наиболѣе изъ всѣхъ церквей обладаетъ религіознымъ сознаніемъ всемірности, религіозною волею ко всемірности: недаромъ «католичество» и значитъ «всемірность». Въ теченіе пятнадцати вѣковъ народы Запада подъ сѣнью римской церкви жили одною жизнью, какъ члены одной семьи. Помогали другъ другу, другъ друга поддерживали и влекли на одномъ пути къ одной цѣли. Благодаря этимъ общимъ усиліямъ, опередили они всѣ остальные народы. Руководимые церковью, въ поискахъ «Царства Божьяго», нашли *попутно* всѣ блага земныя—науку, искусство, гражданственность. И такъ былъ силенъ этотъ первый толчокъ, что онъ и донынѣ двигаетъ народы, какъ всемірное тяготѣніе двигаетъ планеты вокругъ солнца.

Россія одна не участвуетъ въ общемъ движеніи. Христіанство, «воспринятое изъ зараженнаго источника, изъ растлѣнной, падшей Византіи, отказавшейся отъ единства церковнаго», уединило Россію, исторгло ее изъ тяготѣнія всемірнаго, бросило въ пустое пространство, какъ метеоръ блуждающій.

Римская церковь въ тысячелѣтней борьбѣ съ римскою имперіей, утвердила свободу свою отъ власти мірской, отъ

государства, — и свобода церкви сдѣлалась источникомъ всѣхъ гражданскихъ свободъ: «всѣ политическія революціи Запада въ сущности—революціи духовныя».

Русская церковь поработилась государству,—и рабство церкви сдѣлалось источникомъ всѣхъ нашихъ рабствъ. Русское соціальное развитіе—единственное во всемірной исторіи, въ которомъ все съ самаго начала стремится къ порабощенію личности и общества.

Вотъ почему у насъ нѣтъ исторіи въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Стоя какъ бы внѣ времени, мы лишены чувства всемірно-исторической *непрерывности*. «Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошлаго и будущаго, среди мертваго застоя... Мы такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ слѣдующимъ мигомъ мигъ предыдущій исчезаетъ для насъ безвозвратно».

«Вотъ почему одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его... Мы взяли все у другихъ и все исказили... Ни одна полезная мысль не родилась на безплодной почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды».—«И кто скажетъ, когда, наконецъ, мы обрѣтемъ себя среди человѣчества, и сколько бѣдъ намъ суждено испытать, прежде чѣмъ исполнится наше призваніе?»

Таково отрицаніе Чаадаева, услышанная всѣми «отходная» Россіи; а вотъ и утвержденіе, воскрешающій зовъ, никѣмъ не услышанный: «Пока изъ нашихъ устъ, помимо нашей воли, не вырвется признаніе во всѣхъ ошибкахъ нашихъ прошлаго; пока изъ нашихъ нѣдръ не исторгнется крикъ боли и раскаянія, отзвукъ котораго наполнитъ міръ»,—мы не увидимъ спасенія.

Не проклятіе и гибель Россіи, а покаяніе и спасеніе,— таковъ настоящій смыслъ «Письма» и всѣхъ вообще писаній Чаадаева. Это—гласъ Предтечи, гласъ вопіющаго въ пустынѣ: покайтеся, приготовьте путь Господу.

У насъ нѣтъ прошлаго, зато въ настоящемъ — два огромныхъ преимущества: первое — неопытность, нетрону-

тость, дѣвственность души («открытый листъ бѣлой бумаги, на которомъ ничего не написано», по выраженію Мицкевича); второе — возможность использовать опытъ нашихъ старшихъ братьевъ—народовъ Европейскаго Запада.

Позади насъ пустота. Но эта пустота *можетъ быть* свободою. «Русскій человѣкъ—самый свободный человѣкъ въ мірѣ»—въ возможности.

«Мы — огромная *внезапность* (spontanéité) безъ внутренней связи съ прошлымъ, безъ прямой связи съ настоящимъ». Путь Запада—постепенное развитіе, путь *эволюціонный*, нашъ—*революціонный*, потому что, въ противоположность Западу, мы только и дѣлаемъ, что разрываемъ съ прошлымъ.

Россія прежде всѣхъ другихъ народовъ призвана осуществить обѣтованія христіанства. Мы еще не начинали жить. Но «настанетъ день, когда мы займемъ въ духовной жизни Европы такое же мѣсто, какое занимаемъ сейчасъ въ ея жизни политической, и здѣсь наше вліяніе будетъ еще несравненно могущественнѣе, чѣмъ тамъ. Таковъ естественный плодъ нашего долгаго уединенія, ибо все великое зрѣетъ въ одиночествѣ и въ молчаніи».

Сила Западной церкви — въ расширеніи, во внѣшнемъ, общественномъ, соціальномъ дѣланіи; сила церкви Восточной — въ углубленіи, въ дѣланіи личномъ, внутреннемъ (аскетическомъ подвигѣ). Но это—двѣ половины единаго цѣлаго. Мы должны соединить религіозную правду личную съ религіозной правдой общественною, ибо только въ этомъ соединеніи полнота христіанской истины. А въ осуществленіи этой полноты и заключается наше призваніе вселенское.

IV.

О Чаадаевѣ съ бóльшимъ правомъ, чѣмъ о комъ-*либо* другомъ, можно сказать: тонъ дѣлаетъ музыку. Мысли его легко передать, но непередаваемъ ихъ тонъ — *звукъ все-*

мірности. До него никто въ Россіи не говорилъ такимъ всемірнымъ голосомъ. Тутъ впервые загорается всемірно-историческое сознаніе Россіи; впервые дается всемірно-историческій разрѣзъ національнаго русскаго духа. Тутъ русская рѣка впадаетъ въ океанъ всечеловѣческій.

Да, своимъ обвинителямъ, славянофиламъ, Чаадаевъ имѣлъ право сказать: «я больше, чѣмъ кто либо изъ васъ, люблю мое отечество». Они любятъ прошлое и хотятъ сдѣлать его настоящимъ и будущимъ. Это значитъ мало любить Россію, мало вѣрить въ нее. Чаадаевъ любитъ будущую Россію и вѣритъ въ нее такъ, какъ до него никто не любилъ и не вѣрилъ.

«Прекрасная вещь любовь къ родинѣ, но есть еще нѣчто болѣе прекрасное — любовь къ истинѣ. *Не черезъ родину, а черезъ истину ведетъ путь на небо*». Что истина христіанства не національна, а всемірна,—это— общее мѣсто — въ отвлеченности; но въ дѣйствіи новизна необычайная, острота невыносимая. Страшныя силы національизма топчутъ всемірность христіанства, какъ степную траву топчетъ конь Атиллы: гдѣ прошелъ этотъ конь, тамъ трава не растетъ. Вотъ противъ этой-то страшной силы и возстаетъ Чаадаевъ.

Это величайшее изъ всѣхъ возстаній человѣческихъ. И не понимающій религіозной глубины Чаадаева, Герценъ всетаки правъ, когда вписываетъ имя его въ русскій революціонный синодикъ. И неправы новѣйшіе изслѣдователи, когда стараются это имя оттуда вычеркнуть.

Пусть для самого Чаадаева политика—въ чужомъ пиру похмелье; пусть малодушно увѣряетъ онъ, что 14 декабря— «огромное несчастіе, отбросившее Россію на полъ-вѣка назадъ»,—онъ все-таки учитель и пророкъ Декабрьскаго возстанія.

Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Во всякомъ случаѣ, имя Чаадаева съ этихъ обломковъ никто не сотретъ.

V.

«Недавно міръ жилъ въ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ... Въ этомъ счастливомъ мирѣ всего міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ мой собственный миръ, видѣлъ мое собственное будущее. И вдругъ случилась глупость одного человѣка... И вотъ спокойствіе, миръ, будущее—все разлетѣлось прахомъ... У меня, я чувствую, слезы навертываются на глаза, когда я смотрю на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на *мою Европу*, усугубило мое личное горе»,—писалъ Чаадаевъ Пушкину по поводу Іюльской революціи 1831 г.

«Моя Европа»,—этого никто изъ русскихъ и, можетъ быть, даже никто изъ европейцевъ не говорилъ такъ, какъ Чаадаевъ. «У насъ двѣ родины—наша Русь и Европа» (Достоевскій). Нѣтъ, не двѣ, а одна. Одна земля—«земля ничья—земля Божья»,—это чувство всемірности—русское народное чувство по преимуществу.

Славянофиламъ, ученикамъ нѣмца Гегеля, Чаадаевъ кажется измѣнникомъ Россіи, какимъ-то чужеземнымъ «оборотнемъ». Но, вѣдь, и Петръ и Пушкинъ—такіе же оборотни. Способность къ превращеніямъ, перевоплощеніямъ изъ одного національнаго тѣла въ другое—есть тоже русская способность по преимуществу. «Быть русскимъ значитъ быть всечеловѣкомъ», — говоритъ націоналистъ Достоевскій. И славянофилъ Тютчевъ какъ-будто отрекается отъ родины:

Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ...

И Герценъ, и Бакунинъ, и Вл. Печеринъ, и Л. Толстой и Вл. Соловьевъ — всѣ они, подобно Чаадаеву — «русскіе

бѣгуны», «странники», «здѣшняго града не имѣющіе, Вышняго Града взыскующіе».

Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія...

Въ нихъ во всѣхъ совершается тайна русской безродности, бездомности. Какъ будто измѣна родинѣ, а на самомъ дѣлѣ, наибольшая вѣрность ей. Въ нихъ, во всѣхъ совершается тайна русской всемірности.

Всемірность—не космополитизмъ, не международность—не блѣдная немочь, безкровность націи, а кровь ея, самая красная, самая жаркая; не отрицаніе народности, а ея утвержденіе высшее, ибо только во всемірности народность *исполняется.*

Да, всѣ они—самые русскіе изъ русскихъ людей.

Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны...

И самый ранній—Чаадаевъ. Самый несовременный своему времени, самый будущій.

«Совершается великій переворотъ... Рушится цѣлый міръ... Развѣ это не конецъ міра?»—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Пушкину объ Іюльской революціи.

Каждый переворотъ всемірно-историческій есть горный перевалъ, откуда открывается послѣдній горизонтъ, конецъ всемірной исторіи—то, что христіанство называетъ «кончиною міра», «Апокалипсисомъ». Чувство всемірности и есть «*чувство конца*».

Вотъ почему такая грусть и радость въ глазахъ Чаадаева. Какъ-будто они уже видятъ то, чего ничьи глаза еще не видѣли; какъ-будто уже отразилось въ нихъ видѣніе Конца.

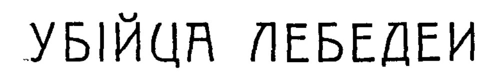
И въ этомъ онъ—самый русскій изъ русскихъ людей. На вопросъ, что такое русскій народъ въ религіозномъ смыслѣ,—можно бы отвѣтить: народъ, наиболѣе предчувствующій «конецъ всемірной исторіи», наиболѣе ищущій

«всемірнаго соединенія людей»—Града Божьяго, Царства Божьяго.

«Adveniat regnum tuum. Да пріидетъ царствіе Твое»,— эту молитву всю жизнь твердилъ Чаадаевъ.

Въ наши дни—дни всемірнаго разъединенія людей, всемірной войны,—эта молитва – самая забытая, невнятная и какъ-будто ненужная. Но «мы не увидимъ спасенія, пока изъ нашихъ нѣдръ не исторгнется крикъ боли и раскаянія, отзвукъ котораго наполнитъ міръ»,—эти слова Чаадаева можно бы повторить сейчасъ уже не только о Россіи, но и о всей Европѣ, о всемъ человѣчествѣ.

Вотъ почему такъ близокъ намъ сейчасъ этотъ странный человѣкъ съ блѣднымъ и нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, съ глазами радостно-грустными и съ вѣчною молитвою на устахъ: Да пріидетъ Царствіе Твое.

УБІЙЦА ЛЕБЕДЕИ

Изучая естественныя науки, знаменитый докторъ, Трибула́ Бономэ узналъ, что лебеди поютъ, умирая. И ему захотѣлось послушать эту музыку.

Въ дремучемъ, покинутомъ паркѣ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, нашелъ онъ древній, священный прудъ, гдѣ двѣнадцать тихихъ птицъ скользили по темному зеркалу водъ. Черный лебедь сторожилъ ихъ по ночамъ, бодрствуя, съ широко открытыми глазами; въ длинномъ, розовомъ клювѣ онъ держалъ гладкій камень, который ронялъ въ воду при малѣйшей тревогѣ, и, услышавъ паденіе, разлетались лебеди.

Однажды, въ осеннюю темную ночь, томимый безсонницей, Бономэ всталъ и одѣлся въ нарочно приготовленное платье: огромные гуттаперчевые сапоги на теплой подкладкѣ, продолжавшіе, безъ швовъ, непромокаемую куртку, такую же теплую, съ парой стальныхъ рукавицъ, средневѣковымъ доспѣхомъ рыцарскимъ (онъ пріобрѣлъ его у продавца древностей). Нарядившись такъ, онъ вышелъ изъ дому, подкрался къ пруду, погрузилъ въ воду сперва одинъ сапогъ, потомъ другой и пошелъ въ водѣ, — прудъ былъ мелокъ, вода по поясъ,—съ величайшей осторожностью, удерживая дыханіе, чтобы не разбудить чуткаго сторожа. Подойдя къ нему и улыбаясь во моракѣ, началъ царапать тихонько-тихохонько гладкое стекло воды, едва прикасаясь къ нему указательнымъ пальцемъ стальной рукавицы. Это царапанье было такъ слабо, что спящій лебедь, не просыпаясь, только прислушался. И, почуявъ опасность, бѣдное сердце его забилось въ ужасѣ.

И всѣ остальные лебеди, не слыша паденія камня, но чуя недоброе, расправили волнообразныя шеи изъ подъ серебряныхъ крыльевъ, и сердца ихъ забились въ смертной тоскѣ. И, слушая это біеніе, добрый старикъ упивался ихъ ужасомъ.

— Какъ пріятно поощрять художниковъ!—шепталъ онъ, разнѣжившись.

Вдругъ утренняя звѣзда озарила сквозь вѣтви черныя воды, и бѣлыхъ лебедей, и отважнаго рыцаря. Въ то же мгновеніе испуганный сторожъ выронилъ камень... Но поздно! Испустивъ ужасающій крикъ, съ протянутыми руками, съ поднятыми когтями, кинулся убійца въ стаю лебедей. Быстро сжимались желѣзные пальцы и, вонзаясь въ тонкія шеи, ломали ихъ.

И душа умирающихъ возносилась безсмертною пѣснью. А благоразумный докторъ, улыбаясь этой чувствительности, наслаждался музыкой. («Убійца Лебедей», Вилліэ де Лиль-Аданъ).

Душа современнаго мѣщанства—благоразумное безуміе, просвѣщенное варварство—таковъ смыслъ этой легенды.

Цеппелинъ, кидающій бомбы въ Національную Библіотеку, пулеметъ, громящій Венеру Милосскую, двадцатидюймовая гаубица, разрушаюшая Реймсскій соборъ, — все это подвиги знаменитаго доктора—стальные пальцы, быстро сжимающіеся на тонкой шеѣ лебедя.

Просвѣщенное варварство ставитъ вопросъ не о какихъ-либо частяхъ или свойствахъ, а о самой сущности современной культуры: неужели и вправду вся она—только лебединая пѣснь, услаждающая слухъ знаменитаго доктора? Неужели и вправду едиными устами, единымъ сердцемъ исповѣдуетъ современное человѣчество націонализмъ, какъ послѣднюю истину?

По плодамъ узнаете ихъ: націонализмъ—дерево, милитаризмъ—плодъ; націонализмъ—душа, милитаризмъ—тѣло. Не безтѣлесность, призрачность всякаго тѣла — исходная

точка современной гносеологіи. И «положительный» докторъ—самый призрачный изъ призраковъ.

Когда нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной,
Со всѣмъ, что въ немъ находится понынѣ,
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
И сами мы вещественны, какъ сны,
Изъ насъ самихъ родятся сновидѣнья,
И наша жизнь лишь сномъ окружена.

Жизнь—сонъ. Сны бываютъ дурные и хорошіе. Война—дурной сонъ человѣчества.

Современная культура зиждется на глубочайшихъ антиноміяхъ, вѣчныхъ колебаніяхъ между идеализмомъ и матеріализмомъ. Но, если послѣдняя истина то, что время и пространство только «субъективныя формы нашего мышленія», если все лживо и призрачно, то послѣдняя сущность идеализма и матеріализма одна и та же—нигилизмъ, воля къ ничтожеству. «Міръ, какъ представленіе»—сновидѣніе, покрывало Майи. «Преходитъ образъ міра сего». Двадцатидюймовыя гаубицы и меленитовыя бомбы—только тщетныя усилія разорвать это покрывало, проснуться отъ дурного сна. Милитаризмъ—облеченная въ желѣзо и кровь метафизика.

Вотъ почему варварство—плодъ современной культуры. Озвѣреніе, одичаніе. Озвѣреніе хуже звѣрства; одичаніе хуже дикости.

Калибанъ—неудавшійся воспитанникъ Просперо:

Онъ чортъ, рожденъ онъ чортомъ;
Воспитывалъ его напрасно я.
Мои труды и всѣ мои страданья
Потеряны...

Намъ казалось, что борьба между Калибаномъ и Просперо кончена; нѣтъ, только начинается...

«Ужъ не это ли, въ самомъ дѣлѣ, достигнутый идеалъ? Не конецъ ли тутъ?... Все такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара,—людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся... и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось—совершилось и закончилось. Это какое-то пророчество изъ Апокалипсиса... Помню, разъ, въ толпѣ, на улицѣ (въ Гайдъ-Маркетѣ, лондонскомъ кварталѣ проститутокъ), я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую... Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ, шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безысходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ, посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги». («Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», Достоевскій).

Что ужаснѣе—кровь, льющаяся, какъ вода, съ паперти Реймсскаго собора, или удивленные глаза этой дѣвочки? Оба ужаса одинаковы: война только вскрываетъ то, что было въ мирѣ. Въ мирѣ мы объ этомъ забыли,—можетъ быть, вспомнимъ въ войнѣ.

Въ войнѣ и въ мирѣ духъ просвѣщеннаго варварства—духъ небытія. Матеріализмъ современной культуры—мнимый реализмъ; идеализмъ религіи — реализмъ культуры под-

линный. «Господь—крѣпость жизни моей». Если Онъ истиненъ, то истинно все; если Онъ—ложь, то все ложно и призрачно.

Страшный судъ надъ нами совершается,—не надъ кѣмъ-либо изъ насъ, а надъ всѣми, ибо всѣ повинны въ крови, льющейся съ паперти и въ удивленныхъ глазахъ маленькой дѣвочки.

«Валтасаръ царь сдѣлалъ большое пиршество для тысячи вельможъ своихъ и предъ глазами тысячи пилъ вино... Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были изъ святилища Дома Божія въ Іерусалимѣ; и пили изъ нихъ царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино и славили боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ. Въ тотъ самый часъ вышли персты руки человѣческой и писали противъ лампады, на извести стѣны чертога царскаго, и царь видѣлъ кисть руки, которая писала. Тогда царь измѣнился въ лицѣ своемъ; мысли его смутили его, связи чреслъ его ослабѣли, и колѣна его стали биться одно о другое». И явился пророкъ, и прочелъ написанное: «*Мене, мене, текелъ, упарсинъ*»,—исчислилъ Богъ царство твое и положилъ конецъ ему; ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ; раздѣлено царство твое и дадено Мидянамъ и Персамъ».

Не будемъ ли и мы на тѣхъ же вѣсахъ взвѣшены и найдены очень легкими? Мнимая тяжесть—дѣйствительная лéгкость ученаго доктора, убійцы лебедей, который никогда не узнаетъ, о чемъ они передъ смертью поютъ.

ВОЙНА и РЕЛИГІЯ

Когда ночью проснешься и вдругъ вспомнишь: «война»!— въ душѣ подымается ужасъ. Можно ли воевать, чѣмъ оправдать войну, какой смыслъ въ войнѣ,—какъ бы мы ни отвѣчали на эти вопросы, ужасъ остается ужасомъ.

Людоѣдство нѣкогда казалось естественнымъ. Люди ѣли человѣчье мясо, не думая о томъ, можно или нельзя ѣсть; потомъ перестали, тоже не думая, потому что вкусъ человѣчьяго мяса имъ опротивѣлъ. И того, кто теперь вздумалъ бы отвѣдать его, постигла бы участь Донъ-Жуановыхъ спутниковъ, которые, послѣ кораблекрушенія, умирая отъ голода, убили человѣка и съѣли: «они сошли съ ума— went raging mad».

Война людямъ все еще кажется естественной, и они воюютъ, не думая о томъ, можно или нельзя воевать; перестанутъ, тоже не думая, когда война имъ опротивѣетъ. И это уже начинается. Вотъ Леонардо-да-Винчи называетъ войну «самымъ звѣрскимъ изъ сумасшествій — bestialissima pazzia»; вотъ Л. Толстой говоритъ о войнѣ такую правду, какой еще никто никогда не говорилъ. А что въ немногихъ великихъ, то и во многихъ маленькихъ: вотъ русскій солдатъ ранилъ австрійца штыкомъ, потомъ взялъ его себѣ на плечи, долго несъ, ухаживалъ за нимъ, а когда онъ умеръ,—сошелъ съ ума отъ жалости и ужаса.

Наше возмущеніе «нѣмецкими звѣрствами» подобно возмущенію людоѣдовъ тѣмъ, что человѣчье мясо ѣдятъ недожаренымъ. Нѣтъ, ужъ лучше просто ѣсть, не возмущаясь; чѣмъ хуже, тѣмъ лучше: скорѣе война опротивѣетъ. Человѣкъ, оставаясь человѣкомъ, уже воевать не

можетъ: онъ долженъ озвѣрѣть. Говорятъ, въ нынѣшнихъ сраженіяхъ лошади грызутся: люди заражаютъ звѣрей своимъ собственнымъ звѣрствомъ.

Закрыть глаза, отвернуться, уйти отъ этого ужаса,— вотъ первое движеніе человѣка, который понялъ, что такое война. Но уйти некуда: хотимъ, не хотимъ,—мы всѣ въ войнѣ, всѣ убійцы или убитые, ѣдущіе или ѣдомые.

Не уйти отъ войны одному: всѣ виноваты и всѣ должны покаяться. А уходить одному, брезгать, умывать руки— можетъ быть, большій грѣхъ, чѣмъ вмѣстѣ со всѣми въ войнѣ участвовать.

«Вотъ пришелъ Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай».

— «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ»?—спросилъ Богъ.

— «Я былъ на землѣ; случилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ попросилъ меня: помоги возъ вытащить; да я не захотѣлъ марать райскаго платья.

— «Ну, а ты, Никола-угодникъ, гдѣ такъ выпачкался?

— «Я былъ на землѣ, шелъ по той же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ.

— «Слушай, Касьянъ,—сказалъ тогда Богъ,—за то, что ты не помогъ мужику, будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику возъ вытащить, будутъ служить молебны два раза въ годъ».

Возъ человѣчества завязъ въ грязи и въ крови. Не будемъ же проходить мимо, сохраняя чистоту райскаго платья; будемъ вытаскивать возъ, пачкаясь въ крови и въ грязи.

——

Что есть кое-что и въ войнѣ доброе, это сейчасъ всѣ видятъ. Такъ ужъ міръ устроенъ, что цѣною великаго зла покупается великое благо. Діаволъ служитъ Богу нечаянно; но человѣку все-таки надо сдѣлать выборъ между Богомъ и діаволомъ.

Одно изъ «благъ» войны—познаніе народа. Мы всегда вѣрили въ народъ; теперь ужъ не вѣримъ, а видимъ, знаемъ. Не то удивительно, что народъ въ войнѣ храбръ, а то, что несмотря на всѣ усилія сдѣлать изъ него «звѣря», онъ сохраняетъ *человѣчность*, образъ и подобіе Божіе. Золотая руда была землей засыпана, покрыта вѣковою ржавчиной. Но мечъ ударилъ по ней—и вотъ разрѣзъ ея сверкающій.

Золото, золото—сердце народное!

Еще удивительнѣе познаніе того, что мы такъ презрительно называли донынѣ «мѣщанствомъ» современной Европы. По всей вѣроятности, эта война—конецъ стараго порядка «мѣщанскаго», начало—новаго, неизвѣстнаго. И вотъ, надо быть справедливымъ: есть величіе въ этомъ концѣ. Если начало «мѣщанской» Европы въ Великой революціи было прекрасно, то и конецъ—въ Великой войнѣ—такъ же прекрасенъ.

Золото, золото—сердце *мѣщанское!*

Конецъ «мѣщанства»—конецъ «индивидуализма», мнимаго, нерелигіознаго утвержденія личности.

— Сейчасъ одно изъ двухъ: или уйти на войну, или уйти въ себя,—говорилъ мнѣ одинъ изъ послѣднихъ русскихъ «индивидуалистовъ».

Это, конечно, самообманъ: въ себя отъ войны не уйдешь, потому что война, не только—внѣ насъ, но и въ насъ самихъ. Именно сейчасъ, въ этой войнѣ безъ вождей, безъ героевъ, безъ личностей, больше чѣмъ когда-либо, чувствуется малость *одного*, величіе *всѣхъ*.

Тутъ есть правда, но есть и ложь или опасность лжи Война—затменіе личности, не только мнимой, но и подлинной. Отъ Байрона до Ибсена, отъ Достоевскаго до Нитче—мѣщанскій индивидуализмъ не отвѣтилъ на *религіозный вопросъ о личности*, но поставилъ его такъ, какъ онъ еще никогда не ставился. Отвѣта на этотъ вопросъ,—

вотъ чего ждетъ Европа не отъ войны, а отъ того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны.

А чего ждетъ Россія?

Для Россіи возможны два исхода.

Одинъ—порабощающій, побѣда звѣрскаго націонализма и милитаризма, которая страшнѣе всѣхъ пораженій. Почти все, что сейчасъ говорится и дѣлается, направлено въ эту сторону; почти вся льющаяся кровь—вода на эту мельницу. Но если такъ, — желать ли побѣды? Внутренній врагъ не злѣе ли внѣшняго?

Нельзя не желать побѣды. И если нельзя побѣдить, не соединившись съ внутреннимъ врагомъ, то надо съ нимъ соединиться, но при этомъ — сознавать опасность того, что дѣлаешь, чтобы не оказаться въ дуракахъ или въ измѣнникахъ.

Другой исходъ — освобождающій. Что народъ идетъ на войну—пусть еще безсознательно, или полусознательно—за какою-то правдою и что правда эта будетъ «обновленіемъ» Россіи,—мы всѣ надѣемся. Но одной надежды мало: надо *готовить* этотъ исходъ, закрѣплять въ сознаніи мгновенный, стихійный порывъ. Русская интеллигенція—сознаніе Россіи. Сейчасъ менѣе, чѣмъ когда-либо, должно ей отрекаться отъ себя самой.

Кто нынче не вѣритъ во все что угодно, иногда съ безумною и преступною легкостью? Дешева стала вѣра, сомнѣніе — дорого. Сомнѣніе — сознаніе — «воздушная развѣдка» надъ вражескимъ станомъ. Не будемъ же бояться сомнѣній, не будемъ стрѣлять по своимъ собственнымъ летчикамъ.

«Война съ войной», «война за миръ»—пустыя слова,—хуже чѣмъ пустыя,—лживыя,—пока торжествуетъ *націонализмъ звѣринаго образа.* Мы видимъ его въ нашихъ врагахъ; увидимъ же и въ насъ самихъ.

Изживаніе войны—изживаніе націонализма. Война есть предѣлъ насилія. Христіанствомъ насиліе не отрицается, а преодолѣвается, изживается. Религіозная антиномія насилія,

антиномія войны—«нельзя и надо» воевать, «нельзя и надо» убивать — неразрѣшима въ позитивной плоскости. Задача русскаго сознанія, русской интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы перенести вопросъ о войнѣ изъ позитивной плоскости въ религіозную, гдѣ эта антиномія разрѣшается: «нельзя и *не надо*».

Если эта война — «война всего міра», то и конецъ ея, миръ—«миръ всего міра».

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ, Я даю вамъ».

Міръ хотѣлъ дать свой миръ, безъ Христа, — и вотъ что далъ. Пусть же этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ.

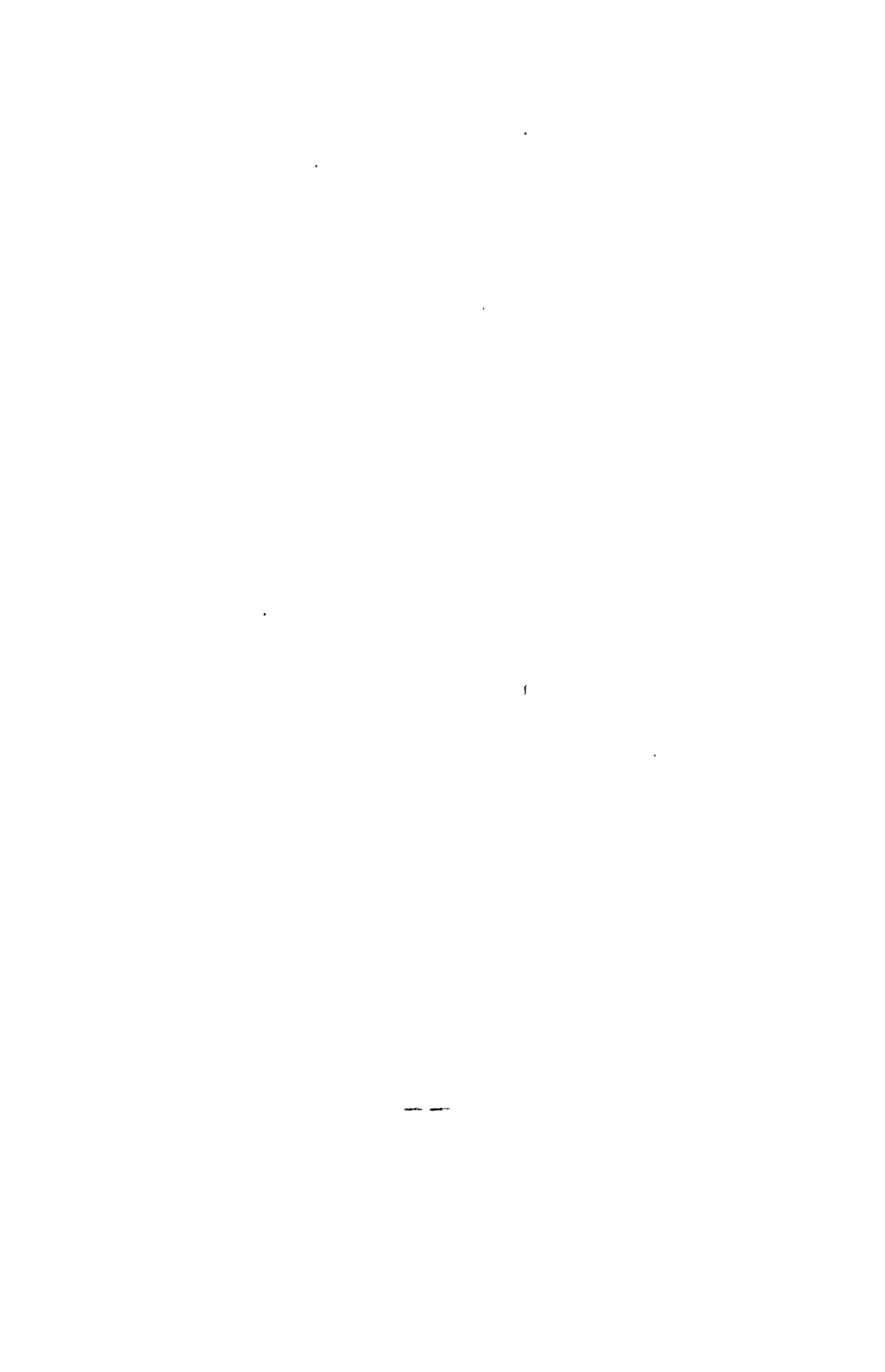
Миръ всего міра—послѣдній миръ — послѣднее освобожденіе. Истолковать народу освобождающій религіозный смыслъ не войны (у войны нѣтъ религіознаго смысла), а того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны,—задача русскаго сознанія.

Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Грянулъ громъ войны, и перекрестился народъ. Перекрестимся же и мы. Народъ не услышитъ насъ и не пойдетъ за нами, пока мы этого не сдѣлаемъ.

Религія—«частное дѣло»—Privat - Sache. До чего доводитъ это утвержденіе мнимой религіозной личности, религіознаго «индивидуализма», мы видимъ воочію на страшныхъ судьбахъ Германіи. Пусть же и этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ. Нѣтъ, религія—не частное, а *общее* дѣло, самое общее, самое *общественное* изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Что такое христіанство, что такое Христосъ, какъ начало религіозной общественности,—пока мы не отвѣтимъ на этотъ вопросъ, мы не сможемъ отвѣтить и на вопросъ, чего Россія ждетъ отъ войны.

ДВА ИСЛАМА

Страшно, что всѣ мы были такъ слѣпы—слѣпы, какъ щенки новорожденные. За день, за часъ, за мигъ ничего не предвидѣли. Какъ во дни Ноя, передъ потопомъ, ѣли, пили, посягали. И когда увидѣли, то все еще не вѣрили.

„Конецъ міра идетъ», — кричали намъ пророки, до послѣдняго дня, до послѣдняго часа, до послѣдняго мига. Но мы не вѣрили, не видѣли, не слышали. Закрывали глаза, чтобы не видѣть, затыкали уши, чтобы не слышать.

«Конецъ міра»? Нѣтъ, еще не конецъ, но начало конца, или, вѣрнѣе, начало всѣхъ концовъ. Что именно *конечныя* судьбы Божьи на нашихъ глазахъ совершаются, — надо быть слѣпымъ, чтобъ этого не видѣть.

Война Россіи съ Турціей и, можетъ быть, всего христіанскаго Запада со всѣмъ мусульманскимъ Востокомъ— тоже одно изъ началъ одного изъ концовъ. Эта война началась еще въ до-христіанской древности, въ борьбѣ іудейскаго и потомъ Эллино-Римскаго Запада съ Ассиро-Вавилонскимъ и Персо-Мидійскимъ Востокомъ; продолжалась въ Средніе Вѣка, въ войнахъ крестоносцевъ; и вотъ, на нашихъ глазахъ, кончается.

Если бы мы не были такъ слѣпы, то предвидѣли бы не только всемірно-историческую, но и метафизическую неизбѣжность того, что сейчасъ происходитъ въ союзѣ Германіи съ Турціей.

Отъ историческаго христіанства получили мы въ наслѣдіе почти неодолимое предубѣжденіе—родъ суевѣрія—противъ Ислама, какъ «ложной религіи». Но понятія лжи и религіи несовмѣстимы. Нѣтъ ложныхъ религій, есть только болѣе

или менѣе истинныя. Зерно истины заключается въ каждой изъ нихъ. Поскольку религія есть религія, т. е. утвержденіе божественныхъ цѣнностей, она не можетъ не быть истинной. Въ этомъ смыслѣ Исламъ—истинная религія.

«Allach akbar — Богъ великъ», таково единственное откровеніе Ислама. Богъ великъ и единъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога. „Исламъ" значитъ покорность Богу. Мы должны покоряться Богу. Вся наша сила заключается въ покорномъ подчиненіи Богу, во всемъ, что Онъ ниспослалъ бы намъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ мірѣ. Все, что Онъ посылаетъ намъ, будетъ ли это смерть, или что-либо еще хуже, чѣмъ смерть, мы должны принимать за благо; мы предаемъ себя на волю Божью», — такъ опредѣляетъ Карлейль сущность Ислама. «Если это *Исламъ*, то не живемъ ли мы всѣ въ *Исламѣ*», спрашиваетъ Гете.

Нынѣшній политическій, а, можетъ быть, и больше, чѣмъ политическій, союзъ Германіи съ Турціей—всемірно-историческое осуществленіе Гетева пророчества о «*Западно-Восточномъ Диванѣ*» (Westöstlicher Diwan)—союзъ мусульманскаго Ближняго Востока съ протестантскимъ Среднимъ Западомъ.

Исламъ—«реформація» семитовъ, реформація—«Исламъ» арійцевъ. Два Ислама, двѣ реформаціи — метафизически—соотвѣтственныя, обоюдныя: обѣ—*движеніе назадъ*, возвращеніе, реакція: Исламъ — къ первоіудейству, какъ будто христіанства не было, протестантизмъ—къ первохристіанству, какъ будто церкви не было. Дѣло испорчено, надо поправить, а для этого, все начать съизнова, — такова общая мысль Магомета и Лютера[1]).

[1]) Я разумѣю здѣсь и въ дальнѣйшемъ, конечно, не весь протестантизмъ, а лишь извѣстный уклонъ его, извѣстное теченіе или, вѣрнѣе, опасность, грозящую протестантизму въ большей степени, чѣмъ какому-либо другому христіанскому исповѣданію. Протестантизмъ, самъ по себѣ,—великое, вѣчное религіозное движеніе, въ которомъ заключается, какъ и во всякой религіи, зерно абсолютной истины.

Главная притягательная сила обѣихъ религій — общедоступность, общепонятность, приспособленность къ среднему человѣческому уровню. Обѣ религіи—«въ ростъ человѣческій». Ничего сверхсильнаго, сверхмѣрнаго. Всѣ метафизическія крайности сглажены, всѣ острія сломаны. Самыя удобныя, умѣренныя, естественныя, разумныя, «раціональныя» религіи—религіи «здраваго смысла», по преимуществу.

Богъ внѣміренъ, «трансцендентенъ», непознаваемъ, невоплощаемъ. Отсюда—«иконоборчество», отрицаніе всѣхъ божественныхъ знаковъ и знаменій, «символовъ» (предполагающихъ «имманентность», воплощаемость Бога). Вотъ почему такъ просто, пусто, чисто, свѣтло, и голо, и холодно въ обоихъ храмахъ—протестанской церкви и мусульманской мечети.

Монизмъ, детерменизмъ—два главныхъ догмата обѣихъ религій. Монизму религіозному, единобожію, противорѣчитъ или какъ-будто противорѣчитъ догматъ о Троицѣ, о воплощеніи Сына Божьяго. Вотъ почему оба «Ислама» сводятъ Христа къ «человѣку Іисусу»,—мусульманство—сразу, догматически, протестанство—мало-по-малу, критически: отъ Лютера къ Фейербаху и Гарнаку, отъ Гарнака къ Нитче. У авэрроистовъ, средневѣковыхъ арабскихъ комментаторовъ Аристотеля, точно такъ же, какъ у современныхъ германскихъ ученыхъ, метафизическое единобожіе становится «научнымъ монизмомъ», матеріализмомъ; единство воли Божіей—единствомъ «законовъ естественныхъ». И религіозному «фатализму», который нашелъ свое протестантское завершеніе въ ученіи Кальвина, соотвѣтствуетъ научный «детерминизмъ»; «оправданію вѣрою»—оправданіе вѣдѣніемъ.

«Никогда не приходилось мнѣ читать такой томительной книги... Невыносимая безтолковщина! Правда, многое, говорятъ, записано на бараньихъ лопаткахъ, брошенныхъ безъ всякаго разбора въ ящикъ»... «Какъ бы то ни было, но книга написана невозможно скверно, такъ скверно, какъ едва-ли была написана когда-либо другая книга»,—замѣчаетъ Карлейль о Коранѣ.

Но если буква Корана темна и мертва, «безтолкова», то духъ его мудръ, огнененъ и живъ. Кажется, Пушкинъ, въ своихъ «Подражаніяхъ Корану» проникъ въ него глубже, чѣмъ когда-либо.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башняхъ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному клику,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

«Священная война»—вотъ смыслъ Корана. Да примутъ Исламъ всѣ, племена и народы, вся «дрожащая тварь», а кто не приметъ, — огнемъ и мечемъ истребится. Одинъ Богъ, одинъ Пророкъ, одно царство—отъ Гималая до Гибралтара. Записанное «на бараньихъ лопаткахъ» запишется и на страницахъ всемірной исторіи.

Священная Война, война—религія—этого нѣтъ ни въ одной религіи, кромѣ Ислама, по крайней мѣрѣ, *въ такой степени*. Война и въ христіанствѣ освящается почти такъ же, какъ въ Исламѣ,—*почти*, но не совсѣмъ.

Lumen coeliè, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Но недаромъ «онъ имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму»:

Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Еще безумнѣе — Францискъ Ассизскій, въ Саладиновомъ лагерѣ, умоляющій невѣрныхъ сложить оружіе, пре-

кратить войну, «ради Христа»; еще безумнѣе Л. Толстой съ «Войной и миромъ»; еще безумнѣе тотъ русскій солдатъ, который ранилъ австрійца штыкомъ, а потомъ взялъ его къ себѣ на плечи, долго несъ и, когда тотъ умеръ, сошелъ съ ума отъ жалости и ужаса.

Можно ли врага любить и убивать? Можно. А если и нельзя, то все-таки надо. Нельзя и надо,—тутъ противорѣчіе, раздирающее душу, хотя и тайное. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Вотъ этого-то шила нѣтъ въ Исламѣ: тамъ, что надо, то и можно. Тамъ война для войны, въ христіанствѣ война для мира. Исламъ живетъ войною; христіанство войну *изживаетъ*. И никогда еще это изживаніе не чувствовалось такъ, какъ сейчасъ.

Въ союзѣ Турціи съ Германіей два «Ислама», протестантскій и мусульманскій, соединились именно въ этомъ своемъ главномъ, единственномъ догматѣ — Священной Войнѣ—войнѣ, какъ религіи.

Между императоромъ Вильгельмомъ, объявившимъ войну всему христіанскому человѣчеству, «во имя Христа», и «Антихристомъ» Нитче существуетъ глубокая религіозная связь. О, конечно, это еще не Антихристъ, а развѣ только «щенокъ антихристовъ», какъ называли раскольники Никона; но и въ щенкѣ—Звѣрь.

Нитче подумалъ, Вильгельмъ сдѣлалъ. Нитче отъ Христа отрекся и сошелъ съ ума; Вильгельмъ отъ Христа не отрекался и съ ума не сходилъ. Вильгельмъ — благоразумный, благополучный, благочестивый и бездарный Нитче. Крови Господней причащается передъ тѣмъ, чтобы пролить столько крови человѣческой, сколько отъ начала міра не пролито. Это страшно, но еще страшнѣе то, что душа великаго христіанскаго народа, — да, все-таки великаго, все-таки христіанскаго,—не возмутилась этою кощунственною мерзостью, а если и возмутилась, то осталась безмолвною.

Вильгельму приснился тотъ же сонъ, какъ Магомету:

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бояхъ, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башняхъ, на стѣнѣ...
Вы побѣдили: слава вамъ!

Магомета, одного изъ величайшихъ людей, съ Вильгельмомъ, однимъ изъ ничтожнѣйшихъ, нельзя сравнивать, а если и можно, то развѣ только, какъ лицо—съ каррикатурою. И ужъ во всякомъ случаѣ, что этотъ сонъ не въ руку, что эта война не «Священная»,—нѣтъ никакого сомнѣнія для всего христіанскаго человѣчества.

Рѣки вспять не текутъ—религіи не повторяются. Если въ первомъ Исламѣ абсолютная истина—«послушаніе Единому Богу»,—то во второмъ—абсолютная ложь—послушаніе человѣку единому.

Но ложь не въ одномъ изъ христіанскихъ народовъ, а во всемъ христіанскомъ человѣчествѣ. Не только Германія, но и всѣ народы въ достаточной степени вытравляли Христа изъ христіанства, утверждали «второй Исламъ» — послушаніе не Единому Богу, а человѣку или человѣчеству единому, безбожный націонализмъ и милитаризмъ, самую грѣшную изъ войнъ, какъ Священную.

Ложь не извнѣ, а внутри. И не побѣдивъ ея изнутри,—себя не побѣдивъ, никого не побѣдимъ. За вторымъ Исламомъ—третій, четвертый, десятый, безчисленный, непобѣдимый, непоправимый, окончательный.

Ложь побѣждается истиной, возрожденный Исламъ—возрожденнымъ христіанствомъ.

Возродится ли христіанство? Если нѣтъ,—его побѣдитъ Исламъ; если да,—Исламъ будетъ имъ побѣжденъ.

ЖЕЛѢЗО ПОДЪ МОЛОТОМЪ.

Такъ тяжелый млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Что желѣзо Россіи куется молотомъ и будетъ сталью, мы вѣримъ; но что говоритъ желѣзо подъ молотомъ, все еще не слышимъ; все еще «народъ безмолвствуетъ», и его безмолвіе, въ эти страшные дни едва ли не самое страшное.

За то, какъ звенитъ и дробится стекло,—слышимъ; кажется, только это одно и слышимъ пока. Сколько битаго стекла, сколько звенящихъ осколковъ и дребезгъ! Какъ будто теплица, гдѣ мы росли и цвѣли, рухнула, и вмѣсто неба стекляннаго надъ нами вдругъ настоящее,—какое черное, какое красное!

Вотъ куча битаго стекла—русскій націонализмъ, та нечестивая вѣра въ себя, какъ въ Бога, которая воетъ звѣринымъ воемъ: «Съ нами Богъ! Съ нами и больше ни съ кѣмъ»! О, если бы хоть нынѣ, когда Божья рука отяготѣла на насъ, мы поняли, что не только съ нами Богъ!

Давно ли русскій націонализмъ воздвигалъ «черту осѣдлости», какъ стѣну несокрушимую,—и вотъ, гдѣ будетъ скоро эта стѣна? Сметется, какъ паутина,—увы,—не столько русскимъ великодушіемъ, сколько нѣмецкимъ нашествіемъ.

Давно ли русскій націонализмъ щелкалъ зубами, какъ волкъ, на Галицію,—и вотъ, гдѣ теперь Галиція?

Давно ли русскій націонализмъ покупалъ Польшу, какъ Чичиковъ мертвыя души,—и вотъ, гдѣ теперь Польша?

Въ августѣ прошлаго года кто-то изъ «храбрыхъ» отдавалъ руку свою на отсѣченіе, что не пройдетъ двухъ мѣ-

сяцевъ, какъ Берлинъ будетъ взятъ. Гдѣ же эта рука отсѣченная?

Что же теперь молчатъ эти «храбрые»? Куда они спрятались?

Стыдно, такъ стыдно, что провалиться бы сквозь землю.

И добро бы кучка безумцевъ опьянѣла, ослѣпла отъ націонализма, какъ отъ подлой «ханжи»,—нѣтъ, почти все русское общество. О, если бы хоть теперь, когда ему на голову льются такіе ушаты холодной воды, оно отрезвѣло, какъ слѣдуетъ!

Другая горка битаго стекла—«объединеніе», нераздѣленіе на «мы» и «они». Что Россія будетъ единою, дастъ Богъ скорѣе, чѣмъ думаютъ «объединители»,—и тогда побѣдитъ,—если въ этомъ кто-либо изъ «нихъ» сомнѣвается, то изъ «насъ» никто. Единая Россія куется молотомъ войны. Единство будетъ скоро, но единства нѣтъ сейчасъ. Потому-то и нѣтъ побѣды, что нѣтъ единой Россіи,—все еще «мы» и «они», двѣ Россіи. И пусть одна изъ нихъ—только нечистый оборотень, лживый призракъ, двойникъ; пока есть двойникъ, надо съ нимъ бороться. И горе намъ, если мы ослабѣемъ въ борьбѣ, если повѣримъ тому, что двойникъ говоритъ: «ты—это я; мы—одно».

Въ томъ-то и ужасъ нашъ, что сейчасъ двѣ Россіи, двѣ войны, два врага,—и мы не знаемъ, какой опаснѣе.

Чтобы одолѣть этотъ ужасъ, будемъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Мы не знаемъ, какой изъ двухъ враговъ опаснѣе,—будемъ же бороться съ обоими такъ, какъ будто оба опасны равно. Мы между двухъ огней,—это худо; но еще хуже бросаться изъ огня въ огонь. Не будемъ же вѣрить предательскимъ шопотамъ: «помиритесь съ однимъ изъ враговъ, чтобы одолѣть другого». Будемъ , что надъ двумя врагами побѣда одна. Только свободная Россія побѣдитъ; только побѣдившая будетъ свободна. Но нельзя освободиться сначала, чтобы потомъ побѣдить, такъ же какъ нельзя сначала побѣдить, чтобы потомъ освободиться,—можно только вмѣстѣ.

Высшая правда національизма—«патріотизмъ», любовь къ отечеству. Патріотизмъ слово не русское: о самомъ родномъ, живомъ—чужое, мертвое. «Любовь къ отечеству»—два слова вмѣсто одного, недостающаго. Какъ будто народъ не можетъ или не хочетъ говорить о своей любви къ отечеству. Любитъ молча. Надо уйти отъ народа, чтобы сказать: «я люблю народъ, люблю отечество». Когда мать умираетъ, сынъ не говоритъ о томъ, какъ онъ ее любитъ. О святомъ нельзя говорить,—стыдно и страшно. Мы еще недавно говорили о своей любви къ отечеству, безъ всякаго стыда и страха. И вотъ теперь, когда надо любить, всѣ эти слова оказались пустыми, «стеклянными». Теперь кто любитъ,—молчитъ.

Высшая ли правда въ этой войнѣ—любовь къ отечеству? Мы любимъ свое, нѣмцы—свое, можетъ быть, не меньше нашего. Если нѣтъ у насъ большей правды, то побѣду рѣшитъ не правда, а сила: кто силенъ, тотъ и правъ,—какъ думаютъ наши враги. За что же мы на нихъ сердимся? Нѣтъ, въ этой войнѣ,—именно въ этой, въ отличіе отъ всѣхъ,—побѣдитъ не любовь къ отечеству.

Чтобы знать,—надо любить. Нѣмцевъ мы сейчасъ не знаемъ, потому что не любимъ. Думать, что всѣ они «звѣри»,—такая глупость, съ которой спорить не стоитъ. Мы ихъ не знаемъ сейчасъ, но по старой памяти думаемъ, что есть и между ними хорошіе люди, которые понимаютъ все, что мы понимаемъ. Думаемъ, что жива еще старая, добрая Германія Гете и Шиллера. Жива, но невидима. На нее надвинулась, ее закрыла иная Германія, съ лицомъ, въ самомъ дѣлѣ, не человѣческимъ и даже не звѣрскимъ, а цьявольскимъ. Не одичаніе, не озвѣрѣніе происходитъ тамъ, а нѣчто болѣе страшное, чему нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ, но что можно сравнить съ тѣмъ, что происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ сходитъ съ ума, или, какъ говорили нѣкогда, «бѣснуется». Сумасшедшій, бѣсноватый народъ, или, вѣрнѣе, нечистый оборотень, лживый призракъ, двойникъ народа, — вотъ, съ чѣмъ борется человѣчество.

Вообще, нѣмцы люди разумные. И если *разумъ—все*, если въ человѣкѣ, въ человѣчествѣ нѣтъ ничего, кромѣ разума, то они и теперь остаются разумными, а все человѣчество сходитъ съ ума. Но утверждать, что разумъ—все, есть величайшее изо всѣхъ безумій,—безуміе не воли, не чувства, не страсти, а *безуміе самого разума*. Страшно, когда обыкновенный человѣкъ сходитъ съ ума; но насколько страшнѣе «сумасшедшій Кантъ», обезумѣвшій разумъ.

Нѣмцы народъ метафизическій и послѣдовательный въ своей метафизикѣ. Они сдѣлали никѣмъ еще не сдѣланный, правильный метафизическій выводъ изъ націонализма—утвержденіе націи, какъ абсолюта, утвержденіе правды народной, какъ всечеловѣческой. Выводъ правильный, но посылка безумная. И если конецъ этого безумія міру невѣдомъ, то его начало слишкомъ извѣстно: это—древнее, едва ли не самое древнее изо всѣхъ безумій человѣческихъ,—ассиро-вавилонское, мидійское, персидское, эллинское, римское,—безуміе «мірового владычества», *воля народа быть человѣчествомъ*.

Что таковъ именно смыслъ войны для Германіи, что Германія воюетъ не съ тѣмъ или другимъ народомъ, а со всѣми народами, со всѣмъ человѣчествомъ,—что нѣмцы поняли и приняли тоже, какъ правильный выводъ изъ своей метафизики. Поняли и то, что борьба идетъ уже не за побѣду, а за существованіе. Быть или не быть Германіи—быть или не быть человѣчеству,—вотъ какъ поставленъ вопросъ. И нѣмцы на него отвѣтили: быть Германіи; Германія да будетъ человѣчествомъ.

Но пусть мы ошибаемся; пусть достойный конецъ всемірной исторіи—прусская казарма, хотя бы въ видѣ соціалъ-демократической республики,—человѣчество не приметъ такого конца и, если нельзя иначе спастись, то лучше погибнетъ, уничтожитъ себя—и хорошо сдѣлаетъ: не стоитъ жить на такой землѣ опоганенной.

Да, нѣмцы «не звѣри», а такіе же люди, какъ мы. Не они звѣри, а въ нихъ звѣрь. И едва ли кто-нибудь улыб-

нется сейчасъ, какъ улыбался недавно, если мы назовемъ этого звѣря Антихристомъ.

Вотъ съ кѣмъ борется человѣчество, и вотъ почему кто скажетъ «миръ», не побѣдивши,—измѣнникъ не только своему народу, но и всему человѣчеству.

Ни историкъ, ни политикъ, ни даже самъ воинъ не знаетъ, что такое война; это знаетъ пахарь, чья нива выжжена, художникъ, чье созданіе разрушено, мать, чей сынъ убитъ. Но вотъ и они говорятъ: «Не надо мира, война до конца».

Будемъ же воевать до конца и помнить, что въ этой войнѣ побѣдитъ не любовь къ отечеству, къ своему народу, а только любовь ко всѣмъ народамъ, ко всему человѣчеству.

Пусть же дробится стекло и куется желѣзо Россіи подъ тяжкимъ молотомъ войны. Стекло звенитъ, молчитъ желѣзо. Но мы уже знаемъ, что оно скажетъ.

«Не будетъ мира, не будетъ мира, не будетъ мира, пока не побѣдимъ»,—вотъ что скажетъ желѣзо подъ молотомъ.

СОЛОВЬИ НАДЪ КРОВЬЮ

«Сухо дерево! Какъ бы не сглазить!» — говорятъ суевѣрные люди, когда при нихъ замѣчаютъ, что больной поправляется.

Однажды, по поводу слуховъ о небывалыхъ побѣдахъ, военныя власти сочли нужнымъ предостеречь русское общество и русскую печать отъ излишняго довѣрія къ подобнымъ слухамъ. Слухи, дѣйствительно, были и довѣріе къ нимъ было. Кажется, увы, не только было, но есть и будетъ.

«Побѣдимъ... побѣждаемъ... побѣдили», «разгромили... уничтожили»... когда это читаешь и слышишь, хочется сказать: «сухо дерево»!

Отъ слова, говорятъ, не станется. Нѣтъ, станется. Мѣра словъ—мѣра чувствъ, мыслей и воли. Не соблюдать мѣры въ словахъ, лгать—значитъ невѣрно думать, невѣрно чувствовать, невѣрно дѣйствовать.

Безумная самонадѣянность и безумный страхъ — двѣ стороны одного и того же. Пораженіе вынести трудно, но побѣду, можетъ быть,—еще труднѣе: легко зарваться, опьянѣть, потерять голову. А что мы къ этому склонны, видно по многимъ признакамъ.

«Я одинъ разъ шелъ, вечеромъ, отъ всенощной, мимо лавокъ, и сталъ противъ Николы помолиться, чтобы пронесъ Богъ,—потому что у нихъ въ рядахъ злыя собаки; а у купца Ефросина Ивановича въ лавкѣ соловей свищетъ, и сквозь заборныя доски лампада передъ иконой свѣтитъ... Я прилегъ къ щелкѣ поглядѣть и вижу: онъ стоитъ съ ножомъ въ рукахъ надъ бычкомъ,—бычокъ у его ногъ за-

рѣзанъ и связанными ногами брыкается, головой вскидываетъ; голова мотается на перерѣзанномъ горлѣ, и кровь такъ и хлещетъ; а другой телокъ въ темномъ углѣ ножа ждетъ, не то мычитъ, не то дрожитъ, а надъ парной кровью соловей въ клѣткѣ яростно свищетъ, и вдали, за Окою, громъ погромыхиваетъ. Страшно мнѣ стало»... (Грабежъ», Лѣскова).

Нынѣшній русскій національнзмъ «звѣринаго образа» не напоминаетъ ли этого соловья надъ кровью? Конечно, кровь льется не потому, что поетъ соловей, но всетаки страшно это соловьиное пѣніе надъ кровью.

Въ одномъ газетномъ листкѣ разсказанъ анекдотъ о больномъ старомъ нѣмцѣ, котораго никакъ не могли поймать; онъ скрывался въ ночлежномъ домѣ, а когда его и здѣсь настигли, выскочилъ въ окно и разбился,—тутъ его и поймали.

Другой анекдотъ о двухъ сестрахъ старушкахъ, учительницахъ музыки, родившихся въ Россіи и долго жившихъ въ Петербургѣ; когда вышелъ приказъ о выселеніи германскихъ подданныхъ, старушки просили, чтобъ имъ позволили жить въ Гатчинѣ; когда же пришли къ нимъ на квартиру объявить о позволеніи, то увидѣли, что обѣ онѣ повѣсились. Поторопились, бѣдныя: должно быть, наслушались соловьинаго пѣнья надъ кровью.

Это пѣніе, хотя и отвратительно, но искренне. А лживая болтовня, «всеоглушающій звукъ надувательства»— еще отвратительнѣе. Самыя святыя, страшныя слова такъ часто повторяются всуе, что теряютъ всякую цѣну.

Новый Хлестаковъ, размѣровъ небывалыхъ, «апокалипсическихъ», лжетъ во всю,—и отравленные ложью листки газетъ—отравленный хлѣбъ, которымъ люди питаются.

Вотъ журналъ съ патріотическимъ заглавіемъ. На одной сторонѣ обложки — Россія, въ видѣ Георгія Побѣдоносца, пронзающаго копьемъ змѣя; на другой—Германія, въ видѣ людоѣда, гложущаго кость, а во вступительной статьѣ говорится, что война есть «явленіе порядка сверхчеловѣческаго

Синай, вѣщающій громами новыя заповѣди съ божественной высоты»; что война «все уврачуетъ и все рѣшитъ».

Война, какъ всерѣшающая истина, какъ божественная заповѣдь, какъ религія,—это и есть главная мысль милитаризма германскаго. А если это и главная мысль Россіи, то понятно, почему «мы оказались во всѣхъ смыслахъ духовными рабами нѣмцевъ», какъ говорится въ слѣдующей статьѣ: нѣмцы первые осуществили эту мысль, и намъ остается только у нихъ заимствовать, имъ подражать. Понятно и то, почему «въ душѣ русскаго народа накопилось безконечно-много озлобленія» противъ нѣмцевъ: Синай противъ Синая—милитаризмъ противъ милитаризма: сойди оттуда, чтобы я туда сталъ.

Въ томъ же патріотическомъ журналѣ одинъ извѣстный писатель допрашиваетъ своихъ товарищей, которые, выражая негодованіе противъ «германскихъ звѣрствъ», предостерегаютъ другіе народы отъ «національной гордыни и ненависти»: кто эти народы? ужъ не мы ли русскіе? И забывая то, что сказано въ предыдущей статьѣ о «безконечномъ озлобленіи» русскихъ противъ нѣмцевъ, заявляетъ: «къ гордости нашей я не вижу рѣшительно ника кихъ основаній опасаться»: «для идей Европы Россія давно уже сдѣлалась вторымъ отечествомъ, порою лучшимъ, чѣмъ первое». Это значитъ: Россія лучше, просвѣщеннѣе, свободнѣе всѣхъ европейскихъ народовъ. Между тѣмъ какъ эти народы «варятся въ собственномъ соку»,—у насъ, русскихъ, «духъ свободный и широкій»...—Ни одинъ народъ не обладаетъ даромъ такого совершеннаго пониманія красоты и величія», какъ мы. Единственный нашъ недостатокъ—излишняя «скромность, недовѣріе къ себѣ».

Можно быть великимъ и скромнымъ, но нельзя говорить: я скроменъ и великъ. Пусть другіе хвалятъ меня, но если я самъ себя буду хвалить, то мнѣ могутъ сказать: гречневая каша сама себя хвалить.

Одинъ юный славянофилъ въ публичной лекціи доказываетъ «по Достоевскому», что всѣ нѣмцы — «не-

христи», а настоящіе христіане, «богоносцы» — только мы, русскіе.

«Западъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать. Ex oriente lux. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества», — возвѣщаетъ С. Булгаковъ. «Давно пора... Давно пора говорить такія рѣчи!» восклицаетъ Розановъ, приводя эти слова Булгакова.

«Занимается новый, быть можетъ, послѣдній день всемірной исторіи, — пророчествуетъ Вл. Эрнъ—По предвѣчному плану Создателя міра, съ внезапностью чуда, Россія вдругъ заняла едва ли не первое мѣсто въ начавшемся катаклизмѣ (т. е. въ «послѣднемъ днѣ», въ кончинѣ міра). Она выступаетъ въ роли вершительницы судебъ исторіи... Она должна склониться передъ Промысломъ и Ангелу-благовѣстителю отвѣтить: «Се, раба Господня, да будетъ мнѣ по слову твоему!».

Извѣстный писатель можетъ быть доволенъ: если мы страдали донынѣ «излишнею скромностью», то теперь отъ нея освобождаемся. Другой писатель, неизвѣстный, увѣряетъ, что вовсе не какая либо часть Германіи, а «*весь* народъ ея озвѣрѣлъ, оскотинѣлъ... Вся она—точно насосавшійся клопъ»...

«Помимо Гете (но Гете въ теперешней Германіи угасъ), ихъ всѣхъ можно бы вытолкнуть изъ человѣческаго общежитія»—рѣшаетъ В. Розановъ («Война 1914 года», стр. 148) и отсюда дѣлаетъ выводъ: «Бей нѣмца по мордѣ—штыкомъ, кулакомъ, плетью, палкою—чѣмъ ни попало!» («Нов. Время»). Читая такія воззванія, «Таймсъ» ужаснулся и благоразумно замѣтилъ; что «поголовное избіеніе 60-ти милліоновъ людей», по меньшей мѣрѣ, «фантастично».

«Вдругъ *все легло плашмя*; я не могу иначе назвать ту совершенную перемѣну тона газетъ и журналовъ, которые, вчера западническіе, — сегодня повторяютъ славянофильство»—умиляется В. Розановъ («Война», стр. 55).

Да, «все легло плашмя». И всякое тихое слово въ этомъ неистовомъ хорѣ кажется «измѣной отечеству». Только стономъ стоитъ соловьиное пѣнье надъ кровью.

«Мы находились во власти стремительнаго наплыва чувствъ, не огражденнаго плотиною разума. Это было безпредѣльное самовозвеличенiе передъ всѣми другими народами... Но возникаетъ вопросъ, какую пользу намъ принесла наша ненависть къ нимъ»? (Отвѣтъ депутата рейхстага, Вольфганга Гейне на статью Зомбарта).

Это сказано нѣмцемъ о Германiи. Хотѣлось бы вѣрить, что этого нельзя сказать о Россiи.

Самовозвеличенiе русскому простому народу несвойственно. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, простъ. Что простота,—не такъ называемое «смиренiе», «уничиженiе паче гордости», а именно простота—сущность народнаго русскаго духа,—это видно по такимъ великимъ и самобытнымъ явленiямъ его, какъ Пушкинъ, Л. Толстой, Петръ.

Русскiе люди «оказались во всѣхъ смыслахъ духовными рабами нѣмцевъ»? И нашъ бунтъ противъ нихъ—только бунтъ рабовъ? Если это правда для тѣхъ изъ насъ, кто заразился отъ своихъ «духовныхъ господъ», нѣмцевъ, страшною чумою нацiональной гордыни и ненависти, то это—клевета на русскiй народъ.

«Гимназистомъ отъ покойнаго брата я слышалъ однажды разсказъ, что въ войскахъ гвардiи есть одинъ особенный полкъ: въ него набираются исключительно солдаты непомѣрной величины и чтобы лицо было непремѣнно уродливое... что нибудь *свирѣпое*, какой нибудь носъ, глазищи,— и тогда годенъ,» — вспоминаетъ В. Розановъ. И вотъ однажды увидѣлъ онъ *тотъ* полкъ, нескончаемую вереницу тяжелыхъ всадниковъ»... «Идутъ, идутъ, идутъ... И не кончаются.... Стройные, стойкiе, огромные, безобразные... Произошло странное явленiе: преувеличенная *мужественность* того, что было передо мною, какъ бы измѣнило структуру моей организацiи и отбросило, опрокинуло эту организацiю—въ женскую. Я почувствовалъ необыкновенную

нѣжность, сонливость и истому во всемъ существѣ. Сердце упало во мнѣ—любовью... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы они были еще огромнѣе, чтобы ихъ было еще больше... Чувство мое относилось къ массѣ, притомъ *столько же людей, какъ и лошадей* (т. е. звѣрей: тутъ и люди—звѣри; человѣческое переходитъ въ звѣриное. *Д. М.*). — Этотъ колоссъ физіологіи, колоссъ жизни вызвалъ во мнѣ чисто женственное ощущеніе безвольности, покорности и ненасытнаго желанія «побыть вблизи»... Опредѣленно, это было начало влюбленія дѣвушки... Я вернулся домой, весь въ трепетѣ... Мнѣ казалось, я соприкоснулся съ нѣкоторою тайною міра... Передамъ, какъ она сказалась у меня въ шопотахъ: «Что женская красота, «милое личико» и т. под.? *Сила*—вотъ одна красота въ мірѣ.... *Сили*,—она покоряетъ, передъ ней падаютъ, ей наконецъ *молятся*... Въ силѣ лежитъ тайна міра, такая же, какъ «умъ», такая же, какъ «мудрость»... Можетъ быть, даже такая же, какъ «святость». Но суть ея—не что она можетъ „дробить», а другое. Суть ея—въ очарованіи. Суть, что она *привлекаетъ*. Силою солнце держитъ землю, луну и всѣ планеты. Не «свѣтомъ» и не «истиною», а что оно *огромнѣе* ихъ. *Огромное, сильное*....

«Голова была ясна, а сердце билось... Какъ у женщинъ.

«Суть арміи, что она всѣхъ насъ превращаетъ въ женщинъ, слабыхъ, трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ... И почти скажешь словами Пѣсни Пѣсней: «Гдѣ мой возлюбленный?... Я не нахожу его.... Я обошла городъ и не встрѣтила его». (Война, 230—234).

Такъ вотъ въ чемъ „тайна міра»—не въ красотѣ, не въ благости, не въ истинѣ, а въ уродствѣ, во злѣ, въ свирѣпости, въ животности, звѣриности. Вотъ чему надо «молиться», какъ Богу. И воплощеніе этого Бога—въ войскѣ и войнѣ —«военщинѣ», «милитаризмѣ».

Это, пожалуй, не ново. Всѣ нѣмецкіе матеріалисты и милитаристы (милитаризмъ—отъ матеріализма) говорили и дѣлали то же самое. Тутъ новизна только въ *безстыдствѣ*.

И вотъ о чемъ поютъ наши соловьи надъ кровью....

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ

Хватитъ ли зарядовъ для пушекъ, хлѣба для голодныхъ, перевязокъ для раненыхъ? Это, въ послѣднемъ счетѣ, вопросъ культуры. Что культура для войны,—мы еще помнимъ; но что война для культуры—уже почти забыли.

Не солдаты на поляхъ сраженій, а мы, люди культуры,—первые раненые. Вынута связь изъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей, какъ нитка изъ жемчуга,—и ожерелье разсыпалось. Все обезцѣнено, обезсмыслено. Праздность, ненужность труда такъ очевидны, что дѣло изъ рукъ валится. Для кого? Для чего? Двѣ строки военной телеграммы значительнѣе всѣхъ созданій Гете и Пушкина.

Культура во время войны—пиръ во время чумы. Что «земля святыхъ чудесъ» опустошается, это еще съ полъгоря; самоопустошеніе, саморазрушеніе духа—вотъ что всего ужаснѣе.

Слой культуры, прикрывавшій, какъ хрупкій весенній ледокъ, омутъ варварства, оказался тоньше, чѣмъ люди думали. Сохраняя всѣ пропорціи, можно сказать, что такое пониженіе культурнаго уровня, какое сейчасъ грозитъ европейскому человѣчеству, происходило только во времена нашествія варваровъ; *но тамъ—извнѣ*, а *тутъ—изнутри*. И не какая-нибудь часть культуры, а вся она угрожаема.

Неизвѣстно, чѣмъ это кончится,—вотъ чувство, въ которомъ мы сами себѣ еще не смѣемъ дать отчета. Похоже на кончину міра. Неизвѣстно, чѣмъ кончится, потому что убыль культуры—еще не конецъ, а только на-

чало конца, предвѣстіе, какъ убыль воды въ колодцахъ передъ землетрясеніемъ.

Пожеланія Руссо и Толстого исп[illegible], хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ они сами понимали ихъ,—„опрощеніе", «возвращеніе къ природѣ». И до чего оно дойдетъ, опять неизвѣстно. «Широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ,— я бы сузилъ!» — это пожеланіе тоже исполняется. Человѣкъ сузился, оскудѣлъ, обнищалъ. Блаженны нищіе духомъ. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ воевать богатому,—разумѣется, духовно-богатому.

Сокровища духа сметаются, какъ никуда негодный хламъ. «Пусть горитъ,—лучше выстроятъ»,—этимъ погорѣльцы не утѣшены; но въ пожарѣ, который сейчасъ происходитъ, какъ будто нѣтъ погорѣльцевъ,—у всѣхъ горитъ чужое.

«Среди оружія Музы молчатъ»? Нѣтъ, кричатъ: «Эванъ Эвоэ!» какъ буйныя вакханки, разрывая на части Орфея.

Если пока Россія спасается, то лишь внутренними, «субъективными формами мышленія»—пространствомъ и временемъ. Мы выносливѣй, потому что медлительнѣй.

Было двѣ Россіи, а теперь—одна. Одна ли,—въ этомъ весь вопросъ—вопросъ о правѣ на существованіе русской интеллигенціи, какъ представительства народнаго сознанія и народной совѣсти.

Что такъ называемое *«объединеніе»* произошло слишкомъ легко и стремительно,—въ этомъ, увы, тоже едва ли можетъ быть сомнѣніе. Нѣтъ ни іудея, ни эллина; но есть варваръ и эллинъ, рабъ и свободный. Главное дѣло сознанія и совѣсти не заключается ли именно въ *отдѣленіи* эллинства отъ варварства, истиннаго отъ ложнаго?

Ложная любовь хуже, чѣмъ ненависть. Что любовь русской интеллигенціи къ родинѣ оказалась неложною, это могло быть неожиданнымъ не столько для слѣпыхъ, сколько для ослѣпившихъ себя добровольно.

Невозможность любить родину иначе, какъ любовью ненавидящей—такова трагическая безъисходность въ судь-

бахъ одной изъ двухъ Россій. А переходъ любви ненавидящей въ любовь любящую сложенъ и мучителенъ. Упрощае[illegible] и скрываемъ сейчасъ эту сложность,—въ обоихъ случаяхъ—ложь, и хуже всего, что эта ложь не за страхъ, а за совѣсть...

Безтолковые люди безтолково мечутся. Это грустно, но еще грустнѣе то, что и люди умные теряютъ голову. Молчатъ, когда нельзя молчать, или говорятъ, чего нельзя говорить.

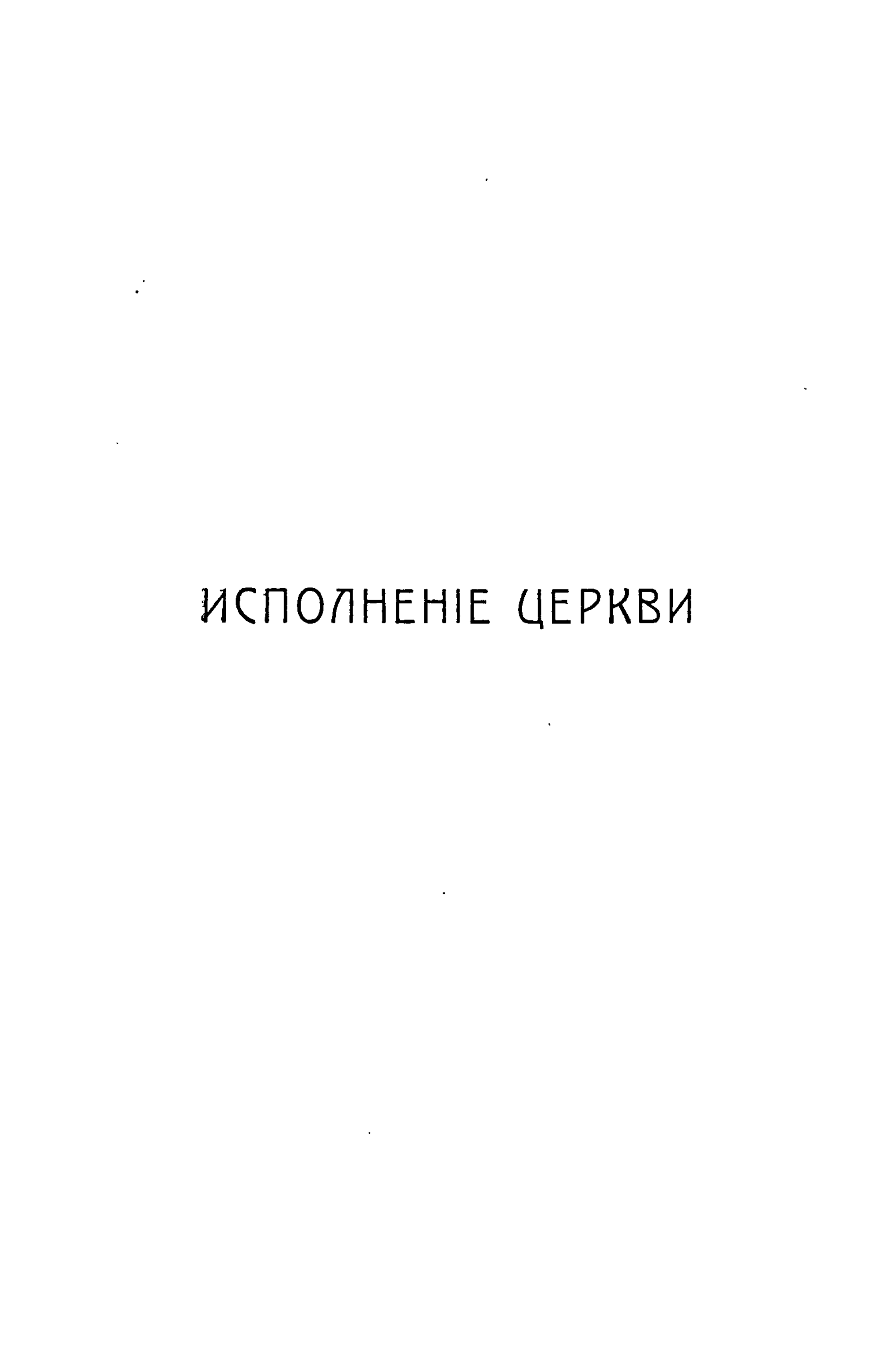
Фантастична ложь, но человѣкоубійство дѣйствительно. Діаволъ—«отецъ лжи», но онъ же и «человѣкоубійца». Сейчасъ неотразимѣе, чѣмъ когда-либо, связь лжи съ человѣкоубійствомъ: чѣмъ фантастичнѣе, призрачнѣе ложь, тѣмъ человѣкоубійство дѣйствительнѣе.

Дни наши «трезвые», а пьяныхъ все-таки много.

Страшно среди пьяныхъ трезвому. Для трезвости нужно сейчасъ великое мужество. Пусть же тѣ, кому еще хмѣль не бросился въ голову, твердятъ до послѣдняго вздоха: война окончится, культура останется; небо и земля прейдутъ, но мысль и слово человѣческое не прейдутъ.

Есть пути въ культуру изъ дикости, но нѣтъ—изъ одичанія. Культура невозвратна, неповторима. Сущность ея—непрерывность, неугасимость: огонь ея можно поддерживать, но угасивъ,—не зажжешь.

Духа не угашайте,—вотъ сейчасъ самое нужное изъ словъ человѣческихъ.

ИСПОЛНЕНІЕ ЦЕРКВИ

Кто видѣлъ Утреннюю, бѣлую,
Средь расцвѣтающихъ небесъ,
Тотъ не забудетъ тайну смѣлую—
Обѣтованіе чудесъ.

Какая идея для современныхъ среднекультурныхъ людей самая невмѣстимая, непредставимая, какъ четвертое измѣреніе непредставимо для обитателя трехъ измѣреній? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, не задумываясь: идея церкви, свободнаго и любовнаго соединенія людей въ Богѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое церковь для среднекультурнаго человѣка нашихъ дней? Въ лучшемъ случаѣ—великолѣпный археологическій памятникъ, а въ худшемъ—неубранный хламъ или тотъ снѣгъ на днѣ оврага весною, который не хочетъ таять, когда все уже растаяло. Убѣжище темныхъ душъ, еще не рожденныхъ къ свѣту сознанія или умершихъ заживо. Мѣсто великаго запустѣнія—„обиталище для всякой нечистой птицы", какъ говоритъ пророкъ о Сіонѣ разрушенномъ. Стоитъ упасть лучу на дно оврага,—и снѣгъ растаетъ; стоитъ просвѣтить темныя души,—и церковь исчезнетъ.

Давно уже миновало то время, когда среднекультурные люди сердились или страшились, слушая разговоры о церкви; теперь они только скучаютъ и не понимаютъ, какъ можно говорить серьезно о такихъ пустякахъ.

И вотъ, чтобы, зная все это, утверждать, что идеѣ церкви принадлежитъ необозримое будущее, что это—величайшая изъ всѣхъ человѣческихъ цѣнностей, тотъ ка-

мень, отвергнутый строителями, который сдѣлается главою угла,—чтобы это утверждать, нужна большая смѣлость и, можетъ-быть, больше, чѣмъ смѣлость,—то „святое безуміе“, которое сынамъ вѣка сего кажется обыкновеннымъ „юродствомъ“.

Такимъ «юродствомъ», или святымъ безуміемъ, полна книга А. В. Карташева, записанная рѣчь, произнесенная въ 1916 году въ собраніи религіозно-философскаго общества: «*Реформа, реформація и исполненіе церкви*». (Изд. «Корабль»—«Огни», 1916 г.).

Карташевъ сознаетъ свое «безуміе». «Я отлично сознаю, что всякая попытка построитъ рѣшеніе одного изъ великихъ философскихъ или религіозныхъ вопросовъ на идеѣ и фактѣ церкви страшно далека отъ пониманія современнаго общества». «Что такое христіанство, и что такое церковь,—объ этомъ твердыхъ понятій въ обществѣ почти не существуетъ». Тутъ «страна полуоткрытая», а можетъ-быть, и вовсе неоткрытая, новая Америка, ожидающая новаго Колумба.

Да, Карташевъ себя не обманываетъ, онъ сознаетъ что идея церкви встрѣчаетъ линію наибольшаго сопротивленія въ современной европейской культурѣ, что вся она противъ этой идеи не только эмпирически, явнымъ ликомъ, но и мистически, тайнымъ духомъ своимъ.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карташевъ сознаетъ, что онъ въ этой борьбѣ не одинъ. Все прошлое той же европейской культуры, которая пусть отпала отъ церкви, но недаромъ же вышла изъ нея, пусть блудная, но все же родная дочь своей матери,—тутъ съ нимъ. И если бы даже все настоящее Европы измѣнило своему прошлому окончательно, то все будущее Россіи, вся религіозная сила русскаго народнаго духа, которая сказалась въ великой русской литературѣ, тутъ все-таки съ нимъ, съ борющимся за идею церкви. И пусть Толстой слѣпъ для этой идеи, а Достоевскій хуже чѣмъ слѣпъ—полузрячъ, видитъ ее искаженнымъ зрѣніемъ; но оба титана, слѣпой и полузрячій,

несутъ на плечахъ своихъ,—сами не видя что,—все тотъ же камень, отвергнутый строителями, который сдѣлается главою угла.

«Если ваши земледѣльцы-богатыри вытаскиваютъ изъ нѣдръ сознанія какіе-то неотшлифованные самоцвѣты, можетъ-быть, невзрачные на взглядъ европейца и ничего еще не говорящіе его уму, то это еще не доказательство, что въ нихъ дѣйствительно нѣтъ ничего идейно-новаго... Я не завидую тѣмъ уже упоеннымъ до полнаго убѣжденія въ предѣльности, вершинности своей культуры и философіи европейцамъ, которые откровеній нашихъ великихъ прозорливцевъ не знаютъ, а еще печальнѣе, если и понять не могутъ... Ничуть не превозносясь до приравниванія себя къ нашимъ великанамъ, Достоевскому и Толстому, мы только просимъ позволенія хоть отчасти уподобить ихъ непонятности трудность нашего положенія передъ лицомъ европейски-вышколенныхъ слушателей, когда мы выдвигаемъ идею церкви. Безъ сомнѣнія, когда, оріентируясь на эту идею, будутъ написаны и теорія познанія, и логика, и этика, и философія религіи, и всѣ другія философскія дисциплины, тогда конечно, легко будетъ говорить. А пока мы знаемъ, что слухъ интеллигентнаго общества для многихъ истинъ непроницаемъ, и простое довѣрительное изложеніе многихъ, казалось бы, элементарныхъ вещей встрѣчаетъ громадныя теоретическія предубѣжденія». И если бы только «теоретическія», умственныя, — нѣтъ, и сердечныя, кровныя, кровавыя.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

Вотъ что надо сдѣлать съ современнымъ среднекультурнымъ человѣкомъ, чтобы онъ понялъ, что такое церковь.

«Всѣ наши упованія мы упираемъ въ твердый камень церкви, внѣдряемъ въ плерому (божественную полноту) этого догмата. Въ его неисчерпаемой полнотѣ должны

найтись всѣ пути, всѣ средства къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ вѣры, человѣческаго общежитія и всего космоса».

«Нѣчто странное ты влагаешь намъ въ уши»,—могли бы отвѣтить современные аѳиняне на эту Павлову проповѣдь. И не только странное, но и страшное. Вѣдь, если понять до конца всю остроту вопроса о церкви, то возникаетъ, въ самомъ дѣлѣ, страшный выборъ: или исполненіе церкви, Царства Божьяго на землѣ, или царства звѣря, гибель міра, всей европейской культуры, второй Атлантиды, уже не въ водѣ, а въ крови; первыя волны этого кроваваго потопа мы уже видимъ сейчасъ.

Но самъ Карташевъ иногда какъ-будто нарочно или нечаянно притупляетъ рѣжущую остроту вопроса, заглушаетъ трагическій ужасъ выбора. Если не въ мысляхъ, то въ словахъ его есть одна неясность, очень опасная. Слово «церковь» онъ употребляетъ въ двухъ смыслахъ, смѣшивая или, по крайней мѣрѣ, недостаточно раздѣляя эти два смысла: церковь — какъ исторически-данное, и церковь— какъ пророчески-чаемое; какъ то, что есть, и какъ то, что будетъ. Исторически-данная церковь, хотя и притязающая на единство и вселенность, но въ дѣйствительности распавшаяся на двѣ церкви помѣстныя—западную и восточную, и грядущая церковь, воистину единая и вселенская, это— не одно существо въ двухъ состояніяхъ, на двухъ ступеняхъ развитія, а два разныхъ существа. Черту, раздѣляющую эти два понятія церкви, надо провести рѣзче, неизгладимѣе, неумолимѣе, чѣмъ это дѣлаетъ самъ Карташевъ, для того, чтобы понять его какъ слѣдуетъ.

Мы еще вернемся къ этой неясности, но предупредить о ней слѣдовало тотчасъ же,—иначе все дальнѣйшее можетъ быть хуже, чѣмъ не понято,—понято ложно, превратно, можетъ оказаться водою на чужую мельницу.

Религіозный духъ реформаціи, проникавшій всю современную европейскую культуру,—вотъ въ чемъ видитъ Карташевъ главную причину того, что идея церкви современ-

ному человѣку такъ непонятна. «Общепризнанный теперь взглядъ всѣхъ соціальныхъ философовъ на религію, какъ на тайную область человѣческаго духа (Privatsache): есть прямой и характерный плодъ реформаціи, совершенно упраздняющій церковное христіанство». «Самый глубокій и чистый принципъ реформаціи—полное одиночество религіозной личности передъ Богомъ».

Реформація знаетъ «лишь одно религіозное измѣреніе—въ глубину, лишь одну бѣдную линію—отъ Бога къ человѣческой душѣ».

Продолжимъ эту мысль Карташева, чтобы выяснить ее до конца.

Церковь утверждаетъ соединеніе людей—общество въ Богѣ; реформація утверждаетъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ Богѣ, а соединеніе людей—общество безъ Бога.

Можетъ-быть, религія въ человѣчествѣ—величина болѣе постоянная, чѣмъ обыкновенно думаютъ; можетъ-быть, религіозная теплота души человѣческой всегда одинакова, какъ теплота глубокихъ водъ. Богъ есть то, чѣмъ люди живы, и пока они живы, есть у нихъ Богъ, хотя они сами не знаютъ Его. Можетъ-быть, и въ современномъ культурномъ обществѣ измѣнилось не количество, а качество религіозной энергіи. Въ церкви люди шли вмѣстѣ къ Богу; теперь къ Богу идетъ человѣкъ, когда онъ одинъ, а когда люди вмѣстѣ, они идутъ къ чему угодно, только не къ Богу. Богъ ушелъ внутрь человѣка, а между людьми не стало Бога.

Реформація, уничтоживъ церковь—соединеніе людей въ Богѣ, очистила мѣсто для государства—соединенія людей безъ Бога. Никогда еще государство не было такимъ абсолютнымъ, единственнымъ, какъ въ наши дни. Въ средніе вѣка рядомъ съ государствомъ была церковь. Вся современная европейская культура выковывалась между церковью и государствомъ, какъ между наковальней и молотомъ. Но наковальня разбилась въ дребезги, и остался одинъ молотъ, уже не кующій, а дробящій, сокрушающій.

Средневѣковую церковь обвиняютъ въ жестокости, въ кострахъ и пыткахъ инквизиціи. Современнаго государства никто ни въ чемъ не обвиняетъ. Но если бы сотая доля тѣхъ жертвъ, которыя приносятъ сейчасъ государству, принесены были церкви, то давно уже на землѣ наступило бы Царствіе Божіе.

Никогда еще государство не было такъ подобно церкви, какъ въ наши дни. Каждая національная церковь хочетъ быть вселенскою, и каждое національное государство тоже. Эта міровая война и есть война государствъ національныхъ за государство всемірное.

Церковь—самое огненное изъ чудесъ; государство—«самое холодное изъ чудовищъ». Государство—оборотень церкви.

Государство сдѣлалось церковью,—оттого-то и не можетъ понять современный человѣкъ, насквозь государственный, что такое церковь.

Тутъ хитрость дьявола: онъ загналъ Бога въ самый темный, тайный уголъ души человѣческой, чтобы завладѣть сначала всѣмъ остальнымъ міромъ, а потомъ и душой человѣческой, потому что ей все-таки некуда уйти изъ міра. И, судя по тому, что сейчасъ происходитъ въ мірѣ, хитрость эта удалась или почти удалась: Богъ—«частное дѣло» (Privatsache) каждаго человѣка въ отдѣльности, а общее дѣло всего человѣчества въ лапахъ дьявола. Каждый въ одиночествѣ спасается, а всѣ вмѣстѣ гибнутъ. И если такъ дальше пойдетъ, то можно сказать съ увѣренностью: никто не спасется.

Одна причина ухода человѣчества изъ церкви—религіозный индивидуализмъ, порожденный реформаціей—то, что происходитъ внутри культуры; другая причина—то, что происходитъ внутри самой исторической церкви.

«Все недвижное, не творящее исторіи еще подвластно, по инерціи, церкви; но все творчески-живое, передовое, носящее на себѣ печать молодости и таящее въ себѣ залогъ будущаго не можетъ помѣститься въ церковь и вы-

ходитъ изъ нея». «Духовный разрывъ съ церковью идетъ по линіи вопросовъ, извѣстныхъ каждому культурному человѣку. Всякій знаетъ, что онъ не находитъ въ церкви удовлетворенія своему разуму, своей свободѣ, своему творчеству и освобожденію общественному». «Причина этого разрыва не въ одномъ грѣхѣ и своеволіи человѣчества, но и въ требованіи высшей религіозной истины. Всѣ пріобрѣтенія человѣческаго сознанія въ исторіи, все углубленіе и обновленіе стоящихъ передъ нимъ философскихъ, соціальныхъ и религіозныхъ задачъ не можетъ быть имъ оставлено, забыто по существу. Этихъ вѣчно растущихъ требованій человѣческаго духа нельзя у него отнять ни священными угрозами, ни священными ласками».

«Въ церкви изсякло пророчество. Она обезкрылѣла подъ абсолютною властью священства, стала вся цѣликомъ старообрядческой, утратила радость буревѣстника, летящаго впереди огня, палящаго старую землю и старое небо. Въ церкви осталась, слезами умиленія и восторга напоенная, радость примиренія съ тлѣннымъ и преходящимъ образомъ міра сего, но радости творческаго разрушенія и созиданія въ ней нѣтъ. И люди идутъ въ церковь поплакать въ горѣ или радости, творить же идутъ въ открытыя поля, подъ солнечный куполъ небесъ, и тамъ вдыхаютъ живительный воздухъ пророческой эсхатологіи» (откровенія о послѣднихъ судьбахъ міра).

«Если такъ, то что же сдвинетъ церковь съ мѣста?».

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ послѣднія страницы книги, воистину огненныя, пророческія, небывалыя въ русской литературѣ со временъ Чаадаева. Надо прочесть цѣликомъ эти страницы; жалко вырывать изъ нихъ отдѣльныя слова, отдѣльные звуки этой великолѣпной симфоніи. Слова записанной рѣчи—ноты несыгранной музыки. Но тѣ, кто слышалъ рѣчь Карташева, никогда ея не забудутъ. Художественная красота, алмазная ясность, алмазная твердость, можетъ быть, ея наименьшее достоинство; можетъ-быть, слушатели даже совсѣмъ не увидѣли этой красоты, какъ

жаждущіе не видятъ красоты сосуда, изъ котораго пьютъ.

«Человѣческое сердце, пророческое по преимуществу,— вотъ вѣчный, неизсякаемый ключъ всѣхъ религій и всяческаго религіознаго творчества. Итакъ, въ церкви должно воскреснуть пророчество»,—отвѣчаетъ Карташевъ на вопросъ объ исполненіи церкви. Въ душѣ человѣческой не изсякъ источникъ пророчества. «Церковь только проглядѣла, куда оно ушло». Духомъ пророческимъ «сейчасъ дышитъ все человѣчество внѣцерковное и внѣрелигіозное». «Безъ религіи человѣчество перестраиваетъ землю, созидаетъ новый міръ и чувствуетъ, что здѣсь съ нимъ, въ этомъ творческомъ порывѣ благодать будущаго». Не изсякъ источникъ пророчества. «Онъ ширится и несется бурнымъ потокомъ, выбившись изъ береговъ церкви... Надо его слить со встрѣчнымъ церковнымъ томленіемъ о пророчествѣ. Надо пріемникъ пророчества у церкви вскрыть, чтобы и тамъ оно загремѣло о томъ же, о чемъ гремитъ въ человѣческихъ душахъ».

«Итакъ,—заключаетъ Карташевъ,—религіозныхъ чаяній человѣчества не могутъ удовлетворить никакія реформы и реформаціи церквей, а также никакое недвижное стояніе на камнѣ Петровомъ»—на камнѣ священства. «Только на крыльяхъ пророческой благодати духа, дышащаго въ мірѣ, гдѣ онъ хочетъ, черезъ опытъ всѣхъ церквей, черезъ историческій подвигъ всего культурнаго человѣчества, черезъ разсѣянный одинокій религіозный опытъ, даже черезъ опытъ всѣхъ религій люди соединятся въ лонѣ единой, воистину вселенской церкви, которая приведетъ ихъ къ порогу царства Христова на землѣ. Тогда смутныя чаянія человѣчества и молитвенное устремленіе церкви сольются воедино въ чудесномъ исполненіи».

«Вы ищете чего-то новаго въ церкви, но въ какой же? Въ предѣлахъ православной церкви или за ея предѣлами?»— этотъ вопросъ предложенъ былъ Карташеву однимъ изъ слушателей, католическиимъ священникомъ.

На прямой вопросъ надо отвѣтить прямо. Карташевъ отвѣчаетъ уклончиво. Тутъ у него опять та неясность, недосказанность, о которой я уже говорилъ: смѣшеніе или недостаточное раздѣленіе двухъ смысловъ въ словѣ «церковь»,—можетъ-быть, единственная мутная и слабая точка во всей рѣчи, но именно здѣсь и не должно быть слабости; здѣсь должна быть твердость непоколебимая, ибо точка эта и есть точка опоры для того рычага, которымъ идея церкви поднимается и вдвигается въ исторію.

«Невозможно увидѣть лицо еще не рожденнаго младенца»,—оправдываетъ Карташевъ эту неясность. Лицо младенца нерожденнаго увидѣть нельзя, но лицо матери можно. Кто же мать грядущей церкви вселенской? Одна изъ церквей историческихъ или всѣ онѣ вмѣстѣ, или же, наконецъ, внѣцерковная стихія человѣчества? Карташевъ этого не знаетъ и не хочетъ знать. Онъ отвѣчаетъ нерѣшительно: «Пророческое творчество въ церкви какъ-будто мыслится переливающимся за грани канонической дисциплины (власти священства). Какъ-будто рисуется внѣшній расколъ, новое вѣроисповѣданіе». «Какъ-будто»,— этого достаточно для мысли, но не для воли; для созерцанія, но не для дѣйствія.

Власть священства въ церкви абсолютна. Надо ли возстать на эту власть во имя, пророчества? «Какъ-будто» надо,—отвѣчаетъ Карташевъ. Но съ такимъ отвѣтомъ кто же возстанетъ? Тутъ, какъ во всѣхъ вопросахъ воли,—а безъ воли какое же творчество—не должно быть сомнѣній. Тутъ или—или. Пока есть «какъ-будто», нѣтъ воли, нѣтъ дѣйствія.

«Исторія скорѣе всего навѣваетъ ожиданіе трагедіи, а не идилліи»,—продолжаетъ Карташевъ сомнѣваться. Неужели только «навѣваетъ»? Неужели сейчасъ въ исторіи въ той міровой катастрофѣ, которая происходитъ на нашихъ глазахъ, только вѣяніе, а не ураганъ? Неужели можно еще сомнѣваться, что это: «идиллія» или «трагедія»?

«Въ церкви должно воскреснуть пророчество». Легко сказать! Но, вѣдь, Карташевъ знаетъ, что священство и пророчество «антиномичны въ религiи», непримиримы. Потому-то историческая церковь и лишилась духа пророческаго, что священство въ ней возобладало надъ пророчествомъ. «Пророкъ священнику страшенъ своимъ духомъ». Онъ чуетъ въ немъ «бѣса». «Въ этомъ человѣкѣ бѣсъ»—донынѣ говоритъ священникъ о пророкѣ, какъ сказано было нѣкогда о Томъ, Кто больше всѣхъ пророковъ.

«Надо прiемникъ пророчества у церкви вскрыть, чтобы и тамъ оно загремѣло о томъ же, о чемъ гремитъ въ человѣческихъ душахъ». Тоже легко сказать. Да есть ли такой прiемникъ у церкви исторической? И если даже есть, не разлетится ли онъ въ дребезги отъ этихъ громовъ?

Нѣтъ, Камень Петровъ никакой бурей пророческой не сдвинется. И чѣмъ неподвижнѣе, незыблемѣе, тѣмъ святѣе, вѣрнѣе своему назначенiю, ибо назначенiе церкви Петровой—не творить, а хранить и передавать сотворенное. Въ передаванiи, въ преданiи—вотъ въ чемъ святость этой церкви, а не въ пророчествѣ. Пронести черезъ всѣ вѣка и народы ликъ Христа неизмѣняемый,—развѣ этого мало? Безъ церкви исторической мы бы даже и не знали, что такое Христосъ.

На окраинахъ этой церкви, обращенныхъ къ будущему, свѣтъ Христовъ меркнетъ, и церковь уже не видитъ, куда идетъ, куда ее ведутъ. «Другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь». Двѣ ложныя теократiи, двѣ подмѣны Христа,—западнымъ первосвященникомъ и восточнымъ кесаремъ,—два всемiрно-историческихъ пути, по которымъ церковь Петрову ведетъ уже не Христосъ, а другой.

Такъ снаружи, но не такъ внутри. Тамъ, въ глубинахъ своихъ, въ сердцѣ своемъ, эта церковь «продолжаетъ сiять неувядаемымъ внутреннимъ великолѣпiемъ, все тѣмъ же притягательнымъ, необычайнымъ, идущимъ съ

небесныхъ высотъ свѣтомъ, но свѣтомъ вечернимъ»,—это знаетъ Карташевъ лучше, чѣмъ кто-либо. И вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, что «духъ человѣческой, не вынося безконечнаго тяготѣнія на немъ багряныхъ закатныхъ лучей, снова и снова порывается въ противоположную имъ темную сторону Востока, ища тамъ новой встрѣчи съ бѣлыми утренними лучами вѣчнаго дня».

Самъ Карташевъ стоитъ на рубежѣ этихъ двухъ свѣтовъ—багрянаго и бѣлаго. Можно стоять, но нельзя итти, не сдѣлавъ выбора, не отвѣтивъ прямо-на прямо на прямой вопросъ, гдѣ совершится исполненіе церкви вселенской: въ предѣлахъ или за предѣлами церквей историческихъ?

Какъ дважды человѣкъ не рождается, такъ и въ церковь не входитъ дважды. Кто изъ нея вышелъ, тотъ уже никогда не войдетъ. Человѣчество вышло изъ церкви исторической. Надо уйти изъ нея вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вмѣстѣ войти въ грядущую церковь—вселенскую, изъ багрянаго свѣта закатнаго—въ бѣлый утренній свѣтъ.

Страшный уходъ, страшный разрывъ. Только тѣмъ, кто никогда не былъ въ церкви, онъ кажется легкимъ, безкровнымъ: а тотъ, кто въ ней былъ, знаетъ, что это самый тяжкій, кровавый изъ всѣхъ разрывовъ души человѣческой.

Пойдетъ ли Карташевъ на этотъ разрывъ? Если нѣтъ, то онъ останется великимъ религіознымъ созерцателемъ; а если да, то, судя по этой рѣчи, такой пророчески-огненной, какой, повторяю мы еще не слышали со временъ Чаадаева,—въ Россіи явится великій дѣятель.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цѣна 2 р. 50 коп.

Складъ изданій:

Петроградъ, 7 рота, 26.
Москва, М. Никитская, 29. («Задруга»).

Типографія „Научное Дѣло". Петербургъ, Загородный пр., 74.